

Федеральное агентство по образованию

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
**НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**
им. Н.А. Добролюбова

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 8

Лингвистика и межкультурная коммуникация

Нижний Новгород

2009

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО НГЛУ*

УДК 81'25 (060.55)

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 8. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. – 189 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор
Г.П. Рябов

Редакционная коллегия:

Е.С.Гриценко (*зам. главного редактора*), Е.В.Плисов (*отв.секретарь*),
В.М.Бухаров, М.А.Грачев, В.Г.Зусман, В.И.Карасик (Волгоград),
К.Ю.Кашлявик, З.И.Кирнозе, Л.П.Крысин (Москва), Л.А.Львов,
М.И.Никола (Москва), О.Г.Оберемко, Е.Р.Поршнева, М.С.Ретунская,
Е.П.Савруцкая, Т.Н.Синеокова, В.В.Сдобников, В.М.Строгнецкий,
А.А.Сергунин, С.М.Фомин, А.Н.Шамов, У.Реннер-Хенке (Германия),
К.Флидль (Австрия), Д.Боксэ (США), Д.Мийе-Жерар (Франция)

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008г.**

УДК 81'25 (060.55)

ISSN 2072-3490

© ГОУ ВПО НГЛУ, 2009

Federal Agency for Education of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTIC UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistic University

Issue 8

Linguistics and Cross-Cultural Communication

Nizhny Novgorod

2009

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistic University. Issue 8.
Linguistics and Cross-Cultural Communication. – Nizhny
Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistic University, 2009. – 189 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

G.Ryabov

Editorial Board:

E.Gritsenko (*Deputy Editor-in-Chief*), E.Plisov (*Executive Secretary*),
V.Bukharov, M.Grachev, V.Zusman, V.Karasik (Volgograd), K.Kashlyavik,
Z.Kirnoze, L.Krysin (Moscow), L.Lvov, M.Nikola (Moscow), O.Oberemko,
E.Porshneva, M.Retunskaya, E.Savrutskaya, T.Sineokova, V.Sdobnikov,
V.Strogetsky, A.Sergunin, S. Fomin, A.Shamov, U.Renner-Henke (Germany),
K.Fliedl (Austria), D.Boxer (USA),
D.Millet-Gérard (France)

ISSN 2072-3490

© ГОУ ВПО НГЛУ, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

- N. Kositsky** (*Amherst, USA*)
Conventional vs e-reading: Cultural implications of the transition from book to screen 11
- М.А. Гедина** (*Владимир*)
Феномен чувственного восприятия в контексте когнитивного подхода к языку (на базе немецкого и английского языков) 19
- О.А. Орлова** (*Нижний Новгород*)
Некоторые особенности онлайн коммуникации – инфлективы и инфлективные конструкции 27
- А. Петрикова** (*Прешов, Словакия*)
Концепт «вера» в православном и католическом (восточного обряда) дискурсах 36
- И.Н. Хохлова** (*Петропавловск-Камчатский*)
Способы выделения южноафриканского лексического компонента в тексте 48

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

- С.А. Маник** (*Иваново*)
К вопросу о передаче культурологической информации в переводном словаре общественно-политической лексики 64
- М.А. Орёл** (*Москва*)
Как можно переводить газетные заголовки 73
- О.В. Яковлева** (*Минск, Беларусь*)
Проблема передачи комического эффекта при переводе каламбуров 84

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

- В.Г. Зинченко** (*Одесса, Украина*)
Система «литература» 93

З.И. Кирнозе (<i>Нижний Новгород</i>) Биографический метод в системе «литература»	101
---	-----

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

К.В. Александров (<i>Нижний Новгород</i>) Разработка компьютерной программы для обучения иностранным языкам	110
--	-----

Л.С. Лотина (<i>Саранск</i>) Проблемы обучения переводу на языковых факультетах	116
---	-----

Г.Ю. Поскрёбышева (<i>Саранск</i>) Культурно-языковое развитие личности как компонент гуманитарного образования	123
--	-----

С.В. Чернышов (<i>Нижний Новгород</i>) Смысл нормы права и его адекватное выражение лексическими средствами изучаемого языка	129
---	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В.М. Строгоцкий (<i>Нижний Новгород</i>) Университеты как центры формирования интеллигенции, определяющей будущее общества и культуру этноса	137
---	-----

О.Н. Сениюткина (<i>Нижний Новгород</i>) Абызы у истоков духовности жителей нижегородской татарской деревни Сыук Су	150
--	-----

Е.А. Третьяченко (<i>Арзамас</i>) Россия в восприятии политических и общественных деятелей США 1917-1945 гг.	156
--	-----

ХРОНИКА

XXXIII Всероссийская научная конференция «Добролюбовские чтения. Личность и общество в контексте исторического времени», 5–7 февраля 2009 г.	167
---	-----

Научно-практический семинар «Слово в пространстве диалога культур», 9 октября 2009 г.	171
Международная научная конференция «Концепты хаоса и порядка в естественных и гуманитарных науках», Нижний Новгород-Городец, 24-29 октября 2009 г.	172
Международная конференция «Французский язык и культура Франции в России XXI века», НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2-3 ноября 2009 г.	176
Международная научная молодежная конференция «Перевод как фактор развития науки и техники в современном мире», Нижний Новгород, 9-11 ноября 2009 г.	178
Осенняя школа по страноведению США – 2009	184

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

N. Kositsky (*Amherst, USA*)

Conventional vs e-reading: Cultural implications of the transition from book to screen 11

Marina Gedina (*Vladimir*)

The phenomenon of the sensual perception as a subject of cognitive linguistics (based on English and German) 19

Olga Orlova (*Nizhny Novgorod*)

Some aspects of on-line communication 27

Anna Petrikova (*Prešov, Slovakia*)

The concept „belief“ in the Orthodox and Catholic (Byzantine Catholic rite) discursus 36

Irina Khokhova (*Petropavlovsk-Kamchatsky*)

Ways of singling out of South African lexical component in the text 48

CRITICAL ISSUES IN TRANSLATION THEORY AND PRACTICE

Svetlana Manik (*Ivanovo*)

Towards Description of Cultural Information in Bilingual Dictionary of Socio-Political Vocabulary..... 64

Maxim Orel (*Moscow*)

A way to translate newspaper headlines 73

Olga Yakovleva (*Minsk, Belarus*)

The problem of the rendering of the comic effect when translating the calembours 84

CROSS-CULTURAL ASPECT OF LITERARY DISCOURSE

Victor Zinchenko (*Odessa, Ukraine*)

The system “Literature” 93

Zoja Kirnoze (*Nizhny Novgorod*)

Biographical method in the system “Literature” 101

CROSS CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING

- Konstantin Alexandrov** (*Nizhny Novgorod*)
Development of a software product for computer-assisted language learning 110
- Lubava Lotina** (*Saransk*)
The Problems of Translation Teaching at the Faculties of Foreign Languages 116
- Galina Poskrebysheva** (*Saransk*)
Cultural-linguistic development of person as a component of arts education 123
- Sergey Chernyshov** (*Nizhny Novgorod*)
The sense of law and its adequate representation by lexical means of learning language 129

CURRENT ISSUES IN HISTORY AND SOCIAL COMMUNICATION

- Vladimir Strogetsy** (*Nizhny Novgorod*)
Universities as Centers for Nurturing Intelligencia that Determines the Furture of Society and Ethnos Culture 137
- Olga Senyutkina** (*Nizhny Novgorod*)
Imams at sources of spirituality of inhabitants of Nizhniy Novgorod Tatar village Syuk Su 150
- Elena Tretyachenko** (*Arzamas*)
Russia as seen by US political and social figures 1917-1945 156

CHRONICLE

- XXXIII All-Russia Annual Dobrolubov Conference Man and Society in the Context of History, February, 5-7 2009 167
- Conference «Word in space of culture dialog», October, 9 2009 ... 171
- International conference “The concepts of chaos and order in natural sciences and humanities”, Nizhny Novgorod – Gorodez, October, 24-29 2009..... 172

International conference “The French Language and Culture in the XXI century”, November, 2-3 2009.....	176
International conference “Translation as science and technology factor in the modern world”, Nizhny Novgorod, November, 9-11 2009.....	178
American Studies School for Teachers, Fall 2009	184

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

CONVENTIONAL VERSUS E-READING: EXPLORING EDUCATIONAL IMPLICATIONS

Nina Kositsky

University of Massachusetts, Amherst, USA

The paper presents an overview and analysis of current debates over the role of conventional and digital literacy practices in education and in society at large. It highlights the need for further research on e-reading as a qualitatively different type of literacy practice compared to conventional reading.

Key words: conventional and e-reading, literacy, reading proficiency, electronic discourse, multimodal texts, interactivity.

**Традиционное и электронное чтение в педагогическом контексте:
противоречия и перспективы
Нина Михайловна Косицкая**

Данная статья представляет собой обзор и анализ текущей полемики о роли традиционного и электронного чтения в сфере образования и в обществе в целом. Статья поднимает вопрос о необходимости дальнейшего изучения чтения в электронном формате как нового вида взаимодействия с текстом.

Ключевые слова: традиционное и электронное чтение, навыки чтения и взаимодействия с текстом, электронный дискурс, мультимодальные тексты, интерактивность.

Contemporary society¹ seems to be at a watershed, a time when the electronic revolution also triggered a reading revolution. On the one hand, the use of electronic technologies almost always entails an engagement in some form of reading or writing (e.g., Web browsing, chat, blogging). On the other hand, screen reading (and writing) appears to be a qualitatively different type of literacy practice compared to “conventional reading” (Reinking, 2001) (e.g., book reading): electronic technology “offers us a new kind of book and new ways to write and

---

¹ The context for our discussion is contemporary USA. However, it can be applied to other countries which have had a history of widespread literacy and which are marked by ubiquitous presence of electronic home technologies (e.g., Russia).

read” (Bolter, 1991, p. 2). The sheer ubiquity of electronic technologies and the popularity of the screen medium among the young raise questions about (1) the relationship between technology and literacy and (2) the role of digital and conventional literacy practices in education, culture, and society. These questions sparked heated debates in the field of education and in related disciplines. The arguments run in two directions. Some claim that electronic texts, being primarily multimedia artifacts, may in fact promote literacy, as they help to create the conditions that are agreed to promote reading achievement. The opposite set of arguments points to declining reading scores in the period of rising Internet use. The present paper addresses the issue by exploring and reflecting upon the following questions: What educational implications do both views have? What makes digital reading a qualitatively different experience compared to conventional reading?

The 2008 Scholastic *Kids and Family Report*, which specifically focused on reading and technology, released the following findings: “After age eight, more kids go online daily than read books for fun daily. Among 15-17 year-olds, daily book reading decreases to 17% and daily Internet use increases to 58%” (<http://www.scholastic.com/aboutscholastic/news/kfrr08web.pdf>).

Some argue that this does not mean that people read less; on the contrary – they read more. Thus, Gomez (2008) writes that “if you factor in things like email, social networking websites, blogs, and wikis, people now read probably more than they ever did” (p. 34). Such frequent engagement in reading should, then, significantly contribute to people’s reading proficiency. Available statistics, however, contradict this supposition. Thus, the research conducted by the National Endowment for the Arts titled *To read or not to read* (November 2007) reports that

- Only 35% of high school seniors now read proficiently.
- Reading proficiency rates are stagnant or declining in adults of both genders and all education levels.

To gain a better understanding of the problem, we need to examine reading opportunities that the screen medium offers to its users.

The new generation of readers is being raised in a computer-mediated culture, the culture of display. Screen is its principal medium; image – its dominant mode of expression with language often playing only a subordinate role (Kress, 2003). Besides playing a secondary role in electronic textual compositions, language of the screen is qualitatively

different from that of print text, which made researchers talk about a new type of written discourse - “networked discourse” (Hawisher & Selfe, 1998, p. 8), or “electronic discourse” (Joyce, 1998). Apart from being multimodal, networked discourse employs a language that is somewhere on a continuum between spoken and written language. It is characterized by greater informality, by greater proximity to speech than to formal writing-like forms of language (Hawisher & Selfe, 1998; Kress, 1998). Proximity to speech entails simpler syntax and lexicon. Screen discourse abounds with cryptic short formulas and formulaic speech. Also, screen readers, compared to book readers, differ significantly in what Kress (2003) calls “orientation” during the act of reading. He shares his observations of “expert [video games] players” and his amazement at his own inability “to take the written text and its information in the time during which it appears on the screen.” The gamers, however, had no problem following the text:

They were always ready to tell me their principles: ‘you read the letters as they come up’...And it is true that I had waited, and still have to do so, until what I consider a sufficient amount of text to be there on the screen. My orientation it seems really is different: I am oriented to notions of ‘completed text’; they are oriented to notions of ‘information as it is supplied’ (Kress, 2003, p. 163).

This and other wide-spread forms of screen reading (e.g., Web browsing) have been referred to as “information snacking” (Crovitz, 2008), and they stand in sharp contrast to reading at the discourse level, which involves reading a holistic text consisting of a few paragraphs.

Although all researchers agree that encountering textual information in a digital environment feels different from a typographic environment, there is no consensus on the implications this has for readers. The arguments run in two directions. Some claim (Reinking, 2001; Lanham, 1993) that electronic texts, being primarily multimedia artifacts, may in fact promote literacy, as they help to create the conditions that are agreed to promote reading achievement (Reinking, 2001): *(a) active orientation to texts; (b) fulfilling a broad range of psychological and social needs; (c) easy rather than difficult reading; (d) reading as a creative and playful activity.*

(a) Engaged reading¹ requires a reader who is actively interacting with information presented in a text. Reinking (2001) points out that interaction with a printed text is *figurative*, not literal, because it is entirely one-sided: since texts are “static and inert,” the entire responsibility of activity falls on the reader. If a reader cannot be or chooses not to be active or engaged, a printed text can do nothing to promote the active orientation that is necessary to successful reading. Digital texts and the various symbol systems they entail, on the other hand, can create a reading experience that is *literally* interactive (Reinking, 2001). Lanham (1993) asserts:

The interactive reader of the electronic word incarnates the responsive reader of whom we make so much. Electronic readers can do all the things that are claimed for them – or choose not to do them. They can genuflect before the text or spit on its altar, add to a text or subtract from it, rearrange it, revise it, suffuse it with commentary (p. 6).

Gomez (2008) addresses the notion of interactivity in a similar fashion:

“A new generation of kids, weaned on being ‘prosumers,’ will want to interact with and, to a degree, create the material that they read... Today’s kids are not going to want to pick up a big book and spend hours in a corner silently, passively reading. Why in the world would they do it? It’s not interactive. They can’t share the experience with their friends. There’s no way to change the book to suit their own tastes. Instead, they’re going to ditch the hardback and head over to Facebook” (p.97).

(b) Opportunities for social interaction electronic media offer are yet another advantage over their print counterparts (Reinking, 2001; Gomez, 2008). E-mail, chat, blogging, etc. provide a wider range of need-fulfilling leisure activities not possible in printed materials.

(c) Reading a digital text is a scaffolded experience: different modalities it employs aid comprehension. This feature, some researchers suggest, might encourage and enable readers to tackle more challenging texts:

All kinds of reading assistance – spoken accompaniments, language glossing embedded hyper-textually, dynamically interactive bilingual texts – can enfranchise non-native-speaking minorities within the world of letters (Lanham, 1993, p. 10)

---

¹ “The concept of engaged reading has strong intuitive appeal, capturing many of the ultimate goals of educators interested in promoting literacy beyond rudimentary decoding ability. However, engaged reading is not an easy concept to define precisely...[M]ost teachers could easily identify students whom they would categorize as engaged readers and others who are not, even if they could not define the term precisely...Although it may be unsatisfactory from a theoretical perspective, it may not be crucial to press for a precise definition of engaged reading. Rather, it may be more important to focus on achieving rather than defining a goal that has strong intuitive appeal” (Reinking, 2001, pp. 201-202).

(d) Reading, when perceived as a creative and playful activity, is more engaging. While the world of conventional texts abounds in “serious,” “culturally valued” literature, electronic texts, primarily due to their multimodality, tend to invite less serious, more creative and playful stances toward reading that are more naturally engaging:

Less introspective and serious intents of the electronic media have broad cultural implications...Printed texts are more reflective and serious, encouraging the reader to focus on the writer’s intent. Electronic texts, on the other hand, strip away the authority of the author because they are easily manipulated and modified by the reader. Electronic texts, therefore, create a reading environment that is less serious and permanent, which also invites more creative and playful stance (Reinking, 2001, p. 207).

Reinking’s suggestion to adopt a “less serious, and thus less confining” stance towards literacy to make it easier to promote reading and writing seems to summarize the above stated arguments in favor of electronic text well:

The more informal, sometimes conversational modes of expression that are characteristic of electronic texts, coupled with the availability of easily used tools for blending various symbol systems, may make reading and writing inherently more engaging, more interesting (p. 209).

(e) Greater accessibility of electronic texts may also be a factor contributing to increased reading. Reinking (2001) remarked that, compared to a trip to a library and manual search for a needed book, electronic texts are readily available (p. 206).

The opposite set of arguments emphasizes that proliferation of shorter forms of reading with simpler syntax and lexicon, as well as of the “information-snacking” reading orientation cannot but have a formative effect on reading preferences of the young:

Why would someone want to receive the content of an entire newspaper when all they’re interested in is sports, or the front page? Similarly, books as we have known them for hundreds of years – static, unchanging, silent – will have to change, perhaps in such a way that they’re shattered to allow for user manipulation. Non-fiction texts, especially, will be broken down into bits and pieces, ‘microchunked’ for the consumption of individual parts, consumers picking and choosing chapters and passages from different books as if they were at a buffet (Gomez, 2008, p. 98).

As texts become more “user-friendly,” the complexity of the skills required to make meaning of a text diminishes (Purves, 1990). This may jeopardize “the author’s capacity to lay out a complex argument, which requires the reader to study and reread, following a circuitous course of reasoning” (Gardner, 2008). Also, since appreciation of discourse is a

necessary ingredient of reading for pleasure (Levine, 2002), we should be concerned with children's under-exposure to longer texts. In addition, numerous studies point to the widespread practice of combining reading with engagement in other media activities among adolescents. According to *To read or not to read*, 58% of middle and high school students use other media while reading; 20% of their reading time is shared by TV-watching, video/computer game-playing, instant messaging, e-mailing or Web surfing. This multitasking suggests less focused engagement with a text (National Endowment for the Arts Report #47, November 2007). Maryanne Wolf (2007) also foregrounds the process of reading and brings into the discussion the question of how our involvement with different media affects *how* we read. She expresses her concerns about the "new" reading in the form of unanswered questions:

Reading is a neuronally and intellectually circuitous act, enriched as much by the unpredictable indirections of a reader's inferences and thoughts, as by the direct message to the eye from the text. This unique aspect of reading has begun to trouble me considerably as I consider the Google universe of my children. Will the constructive component at the heart of reading begin to change and potentially atrophy as we shift to computer-presented text, in which massive amounts of information appear simultaneously? In other words, when seemingly complete visual information is given almost instantaneously, as it is many digital presentations, is there either sufficient time or sufficient motivation to process the information more inferentially, analytically, and critically? Is the act of reading dramatically different in such contexts? The basic visual and linguistic processes might be identical, but would the more time-demanding, probative, analytical, and creative aspects of comprehension be foreshortened? (p. 16)

Conclusions

The wide spread of digital technologies and the popularity of the screen medium among the young have put a new spin on perennial debates over literacy practices. As we have shown above, there is no consensus among literacy researchers on educational implications of the migration of reading to the screen. This observation points to the need in obtaining relevant field data and creates intriguing opportunities for further scientific inquiries. Thus, one direction future literacy research might take is studying whether on-line reading (including reading multimodal literature) leads to other types of reading (e.g., book reading). This would essentially mean putting a new spin on the question whether "light" reading can serve as a conduit to "heavier" reading, as

was the case with comic book¹ and magazine reading in the USA in the 1950s (Krashen, 2004).

References

Bolter, J.D. (1991). *Writing space: The computer, hypertext, and the history of writing*. Hillsdale, N.J.: Erlbaum.

Crovitz, G. (2008, May 19). The digital future of books. *The Wall Street Journal on the Web*. Retrieved from <http://online.wsj.com/article/SB121115298895702155.html>

Gardner, H. (2008, February 17). The end of literacy? Don't stop reading. *The Washington Post on the Web*. Retrieved from <http://www.washingtonpost.com/wpdyn/content/article/2008/02/15/AR2008021502898.html>

Gomez, J. (2008). *Print is dead: Books in our digital age*. London-New York-Melbourne-Hong Kong: Macmillan.

Hawisher G.E. & Selfe C.L. (1998). Reflections on computers and composition studies at the century's end. In I. Snyder (Ed.), *Page to screen* (pp. 3-19). London and New York: Routledge.

Joyce, M. (1998). New stories for new readers: Contour, coherence and constructive hypertext. In I. Snyder (Ed.), *Page to screen* (pp. 163-182). London and New York: Routledge.

Krashen, S.D. (2004). *The power of reading: Insights from the research*. Portsmouth: Heinemann.

Kress, G. (1998). Visual and verbal modes of representation in electronically mediated communication: The potential of new forms of text. In I. Snyder (Ed.), *Page to screen* (pp. 53-79). London & New York: Routledge.

Kress, G. (2003). *Literacy in the new media age*. London & New York: Routledge.

Lanham, R. (1993). *The electronic word: Democracy, technology, and the arts*. Chicago: The University of Chicago Press.

Levine, M. D. (2002). *A mind at a time*. New York: Simon & Schuster.

National Endowment for the Arts. Research Report # 47. (2007, November). *To read or not to read: A question of national consequence*. Retrieved from <http://www.nea.gov/research/ToRead.pdf>

---

¹ Graphic novel is essentially a long-form descendant of comic book and can be expected to have a similar effect on the development of interest in more complex reading. There is no sufficient research, however, on the relationship between popular forms of screen reading (e.g., Web browsing) and the development of interest in more serious reading.

Purves, A. C. (1990). *The scribal society: An essay on literacy and schooling in the information age*. New York & London: Longman.

Reinking, D. (2001). Multimedia and engaged reading in a digital world. In L. Verhoeven & C. Snow (Eds.), *Literacy and motivation: Reading engagement in individuals and groups* (pp. 195-221). Mahwah, NJ: Erlbaum.

Wolf, M. (2007). *Proust and the squid: The story and science of the reading brain*. New York: Harper Collins.

Сведения об авторе

Nina Kositsky
(Косицкая Нина Михайловна)
School of Education
117 Furcolo Hall
University of Massachusetts
813 North Pleasant St.
Amherst, MA 01003 USA
E-mail: nina@educ.umass.edu

**ФЕНОМЕН ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ
КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К ЯЗЫКУ
(на базе английского и немецкого языков)**

М.А. Гедина

Владимирский государственный гуманитарный университет, Владимир

Статья посвящена вопросу взаимодействия и взаимовлияния языка и восприятия. При трактовке последнего не только как набора перцептивных актов, но и как синтеза получаемых данных в целостный образ, перцепция обусловлена языком практически в такой же степени, как он перцепцией. Наивные представления, закрепленные в языковой картине мира, во многом определяют отношение субъекта к получаемой в ходе познания мира информации. Анализ языковых данных позволяет выявить национальные особенности протекания перцепции на всех ее этапах.

Ключевые слова: восприятие, когниция, языковая картина мира, активная роль субъекта.

**The phenomenon of the sensual perception as a subject of cognitive linguistics
(based on English and German)
Marina Gedina**

The article addresses the issue of cognitive interaction of language and perception. The latter being understood as both perceptive acts and synthesis of obtained information in an image, the perception can be supposed to be under the influence of our language as much as it is under hers. The analysis of the language structure can reveal national peculiarities of the phenomenon in question in all its stages.

Key words: perception, cognition, language picture of the world, the active part of the subject.

В связи с развитием когнитивного подхода к языку в современной лингвистике наблюдается рост интереса к феномену перцепции. Как утверждают когнитологи, без обращения к

восприятию не может быть решена ни одна ключевая задача когнитивной науки [1. С. 20], поскольку «когниция охватывает любые формы постижения мира, а они начинаются с первых контактов человека с окружающей средой» [2].

В качестве когнитивных рассматриваются процессы не только «высшего порядка» - мышление и речь, но и процессы перцептуального, сенсомоторного опыта, происходящего в актах простого соприкосновения с миром [1. С. 18]. Е.С. Кубрякова объясняет это размытостью граней между «перцепцией» и «концепцией» [3], а также отсутствием сомнений в том, что у истоков концептуализации человеческого опыта оказывались концепты, основанные на телесном опыте и обобщающие опыт тела [4]. Эту же мысль повторяет в своих исследованиях А.В. Кравченко, прогнозируя серьезный пересмотр базовых положений традиционного языкознания в результате гибкого и всестороннего анализа путей проявления познавательной деятельности человека (в первую очередь чувственного восприятия) в языковой системе [5].

В то же время не вызывает сомнений наличие обратной связи: восприятие современного человека во многом опосредовано языком вследствие переплетенности чувственного и языкового опыта [3].

Однозначное толкование восприятия лингвистами еще не выработано. «Термин равно относится как к отдельным сенсорным актам, так и к процессам интеграции и синтеза полученных чувственных данных, как к способностям человека выделять в действительности признаки, качества, стороны разных объектов и процессов, так и формировать целостный образ», отмечает Е.С. Кубрякова [1. С. 17].

Такая трактовка явления перцепции при учете опосредованности восприятия языком позволяет предположить, что зафиксированные в языке культурно обусловленные стереотипы относительно особенностей функционирования органов перцепции, качества, достоверности и полноты предоставляемой ими информации могут оказать значительное влияние на формирование ментальных единиц – культурных и личностных концептов, а через это и на коммуникативное и социальное поведение представителей данной культуры. Причем указанное влияние будет осуществляться на двух уровнях: в ходе выделения существенных признаков

воспринимаемого предмета или явления и при формировании его целостного образа.

В этом случае анализ зафиксированных в языковой картине мира представлений носителей языка о когнитивном, информативном и коммуникативном потенциале перцептивных модусов может, на наш взгляд, дать важные сведения об их роли в познании человеком действительности, т.е. в процессах когниции и концептуализации, в том числе об особенностях их протекания у представителей разных культур.

В качестве основного источника языкового материала для анализа выступают, наряду с лексемами, объективирующими концепты перцептивных модусов, фразеология и поговорки, так как они создаются определенным социумом, характеризуются его особенностями и несут отпечаток национальной культуры. Система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения данной языковой общности [6].

Анализ корпуса лексических, фразеологических и поговорочных единиц, а также данных, полученных в ходе ассоциативного эксперимента, позволил зафиксировать ряд существующих в языковом сознании англо- и немецкоговорящих народов наивных представлений о процессе восприятия. В рамках данной статьи мы рассмотрим три наиболее часто упоминаемых в лексических системах указанных языков органа чувственного восприятия: глаза, уши, нос.

Одной из наиболее важных с точки зрения когнитивной лингвистики характеристик перцепции является ее непосредственная связь с ментальными процессами, находящая свое подтверждение в том числе на лексическом уровне. Об импликации предикатами чувственного восприятия понятий 'понимать', 'осознавать' писали среди прочих В.Г. Гак [7], А. Вежбицкая [8]. Однако следует отметить различную степень объективации указанной связи как в рамках языков, так и в рамках отдельных перцептивных модусов.

Так, взаимосвязь зрения и мышления зафиксирована в обоих языках примерно в одинаковой степени: у глагола *sehen* 7 из 22 базовых значений, приводимых словарем Duden [9], включают семантику ментальных действий или состояний; в случае с

английским глаголом *to see* это 6 из 19 (по данным словаря Longman [10]). На уровне фразеологии и паремий также можно найти подтверждение тезиса о взаимообусловленности мыслительных и перцептивных процессов: *etw. ins Auge fassen* ‘взвешивать, основательно обдумывать’, *to have an eye for smth.* ‘хорошо разбираться в чем-либо’, *aus den Augen, aus dem Sinn / far from the eyes, far from the heart / out of sight, out of mind* ‘с глаз долой – из сердца вон’. Однако в ходе свободного ассоциативного эксперимента только носители английского языка дали ответы, свидетельствующие об осознании наличия указанной связи – *wisdom, knowledge*; у немецкоговорящих информантов подобных ассоциаций зафиксировано не было.

Близость слухового восприятия и мышления на уровне значений лексем прослеживается только в немецком языке (4 из 9 значений глагола *huren*), на уровне фразеологии, пословиц и поговорок, а также по данным ассоциативного эксперимента ее осознанность подтвердить не удалось.

Связь обоняния и ментальных процессов никак не отражается в значениях центральных глаголов с перцептивной семантикой (*riechen, to smell*), в то время как во фразеологии она представлена достаточно обширно в обоих языках: *die richtige Nase. haben* ‘в т.ч. правильно рассчитать, предугадать’, *etw. nicht riechen können* ‘быть не в состоянии предусмотреть, догадаться’, *den Braten riechen / to smell a rat* ‘догадываться о грядущих неприятностях’, *to have a (good) nose for something* ‘хорошо разбираться в чем-либо’ и пр. Обилие фразеологических единиц с указанной семантикой при отсутствии подобных значений у базовых лексем свидетельствует в большей мере о метафорической осмыслении обоняния, чем о реальном существовании в языковом сознании англо- и немецкоговорящих народов представлений о взаимосвязи обонятельного восприятия и ментальных процессов и состояний.

Взаимосвязь перцептивных актов и ментальных действий обуславливает еще одну существенную характеристику процесса восприятия – его произвольность со стороны субъекта. Данные обоих языков подтверждают избирательность человеческого внимания в зависимости от приоритетности объекта и отдельных его качеств в системе потребностей личности, вызванную в первую очередь субъективными интересами воспринимающего.

Так, в обоих языках разграничиваются два вида перцептивных предикатов:

- обозначающие непосредственно факт восприятия или его возможность (*sehen / to see* ‘видеть; быть зрячим’, *hören / to hear* ‘слышать, быть слышащим’, *riechen / to smell*^{1,2} ‘(быть в состоянии) почувствовать, слышать запах’);

- обозначающие целенаправленное использование возможности восприятия, приведение волевым усилием органов перцепции в рабочее состояние, как правило, с локализацией внимания на определенном объекте (*zusehen / gucken / blicken* ‘смотреть’, *zuhören* ‘слушать’, *lauschen* ‘слушать; подслушивать’, *beschnuppern* ‘обнюхивать’, *to look* ‘смотреть’, *to watch* ‘смотреть, наблюдать’, *to listen* ‘слушать’, *to sniff around* ‘обнюхивать’ и пр.).

Фразеологическая и пословицная картины мира дополняют выводы о произвольности восприятия некоторыми национальными особенностями взгляда на указанное явление.

В английском языке эта характеристика процесса перцепции рассматривается как простой факт, практически без оценочного компонента: *to have eyes only for* ‘видеть, замечать только что-то одно’, *to turn a blind eye / deaf ear to* ‘игнорировать что-либо’, *to strait one's ears / eyes* ‘напрягать слух, зрение’ и пр. Единственный зафиксированный случай однозначно негативной коннотации – *a jaundiced eye* ‘предвзятый, предубежденный взгляд (отношение)’.

В немецком же языке наряду с простой регистрацией произвольности восприятия (*die Augen auf etw. zumachen* ‘игнорировать, закрывать глаз на что-либо’, *ein taubes Ohr für etw. haben* ‘не желать слушать чего-либо’, *die Ohren auf Empfang stellen* ‘настроить уши на прием, т.е. начать слушать’, *die Ohren auf Durchfahrt (Durchzug) stellen* ‘попускать мимо ушей’ и пр.) явно прослеживается негативное отношение к игнорированию отдельных фактов или людей, к предвзятости в оценках: *Wer nicht sehen will, dem hilft weder Licht noch Brill* ‘кто не хочет видеть, тому не помогут ни свет, ни очки’, *bei tauben Ohren ist jede Predigt verloren* ‘глухие уши не слышать никакую проповедь, т.е. никакие доводы’, *man muss mit zwei Ohren hören* ‘слушать надо обоими ушами, т.е. надо выслушивать обе стороны в спорном вопросе’, *wo Dunkel über den Augen liegt, da kann kein Licht hinein* ‘туда, где темнота окутывает глаза, свет проникнуть не может’.

Одним из наиболее важных аспектов проблемы роли восприятия в когнитивном процессе является неравноценность перцептивных модусов в жизнедеятельности личности: в ходе познания окружающей действительности мы безусловно предпочитаем одни органы перцепции другим, что находит отражение в языковой картине мира.

Иерархия рассматриваемых каналов восприятия не вызывает сомнений: зрение, слух, обоняние. Приоритет зрения перед двумя другими перцептивными модусами находит подтверждение на всех этапах исследования. Количество значений, приводимых словарями обоих языков для лексем с семантикой «глаз, зрение, видеть, смотреть» кратно превышает число значений для двух остальных групп за счет производных значений, оттенков, что обусловлено частотностью обращения к данной семантической группе. В ходе ассоциативного эксперимента и англо-, и немецкоязычными информантами неоднократно подчеркивалось значение зрения в познавательной деятельности: *der wichtigste Sinnesorgan*, *certainty* и т.д.

Фразеология и поговорки фиксируют прежде всего разную степень доверия к получаемой информации в зависимости от ведущего канала восприятия. Англичане склонны доверять зрению безусловно (*seeing is believing* ‘увидеть значит поверить’, *one eye has more faith than two ears* ‘одному глазу верят больше, чем двум ушам’), допуская некую субъективность, не носящую негативного характера: *beauty lies in the lover's eyes* ‘красота таится в глазах любящего’, *in the lover's eyes, pock-marks are dimples* ‘в глазах влюбленного и следы от оспы - ямочки’.

Немцы настроены критичнее, отмечая, что, хотя *Sehen geht vorm Hörensagen* ‘глазам доверяют больше, чем слухам’, *Augen sind schärfere Zungen als Ohren* ‘глаза – более острые языки, чем уши’ и *man glaubt einem Auge mehr als zwei Ohren* ‘одному глазу верят больше, чем двум ушам’, все же *der Augenschein trügt* ‘видимое обманчиво’.

Информация, получаемая с помощью слухового восприятия, отличается также меньшей устойчивостью в памяти: *in one ear and out the other / zum einen Ohr hinein-, zum anderen wieder hinausgehen* ‘в одно ухо влетает, в другое вылетает’. Кроме того, акты слуховой перцепции могут носить негативный с точки зрения морали

характер, в то время как отрицательная коннотация у фразеологизмов с семантикой зрительного восприятия не зафиксирована: *der Lauscher an der Wand hurt seine eigene Schand* ‘подслушивающий за стеной слышит собственный позор’, *Wände haben Ohren / Walls have ears* ‘у стен есть уши’, *the days has eyes, the night has ears* ‘у дня есть глаза, у ночи есть уши’.

Обоняние в немецкой и английской языковых картинах мира практически не становится объектом фразеологии: метафорическим основанием в большей часть фразеологических единиц с компонентом *die Nase / nose* служит либо непосредственная близость носа к глазам, либо его особенность как самой выступающей части человеческого лица. Данный вид восприятия ассоциируется в языковом сознании англо- и немецкоговорящих народов в первую очередь с неким шестым чувством, интуицией, в принципе не имеющей объективных доказательств правильности предоставляемой информации: *to smell trouble / danger / a rat* ‘предчувствовать опасность, неприятности’, *Mduse / den Braten riechen* ‘предвидеть проблемы, догадываться о грядущих трудностях’ и пр.

Таким образом, существенной разницы в представлениях о процессе восприятия в немецком и английском языке не существует, что объясняется общими корнями данных культур; однако немецкая нация характеризуется большей скептичностью и осторожностью в оценке как самого процесса перцепции, так и достоверности и надежности получаемых данных.

Рассмотренные аспекты феномена чувственного восприятия представляют собой его ключевые характеристики. Анализ наивных представлений, закрепленных в языковой картине мира, позволяет выявить национальные особенности перцептивного процесса, обусловленные отношением к нему и его результатам, формируемым культурным контекстом и национальной ментальностью, которая, в свою очередь, частично определяется заложенными в языке стереотипами.

Библиографический список

1. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Л.Г. Лузина, Ю.Г. Панкрац. – М., 1996.
2. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1, 2004. – С. 10.
3. Кубрякова, Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. Сер. лит. и яз. №3. 1997. – С. 23.
4. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1, 2004. – С. 15.
5. Кравченко, А.В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке / А.В. Кравченко // Известия РАН. Сер. лит. и яз. №3. 1993. – С. 55.
6. Малыгин, В.Т. Австрийская фразеология в социокультурном аспекте. Монография / В.Т. Малыгин. – С.-Петербург: РПГУ, 1999. – С. 39.
7. Гак, В.Г. Пространство мысли (Опыт систематизации слов ментального поля) / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С.28.
8. Вежбицкая, А. Понимание культуры через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 53.
9. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. Duden-Verlag, 2000. [Электронная версия].
10. Longman. Dictionary of Contemporary English. New edition, 2006. – 1950 P.

Сведения об авторе

Гедина Марина Анатольевна
аспирант кафедры немецкого языка ВГГУ
E-mail: mgedina@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОНЛАЙН КОММУНИКАЦИИ – ИНФЛЕКТИВЫ И ИНФЛЕКТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

О.А. Орлова

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород*

Язык чата характеризуется наличием специфических особенностей, обусловленных, в том числе, необходимостью передачи невербальных средств общения. Одной из таких особенностей является инфлексив – новая форма в парадигме немецкого глагола.

Ключевые слова: инфлексив, чаты, онлайн коммуникация.

Some aspects of on-line communication Olga Orlova

Chat language is characterized by the presence of particular qualities, caused by the necessity to transmit the non-verbal communication means. One of these peculiarities is "inflectiv" - a new form in the German verb paradigm.

Key words: inflectiv, chat, on-line communication.

Развитие компьютерных технологий и Интернета повлекло за собой появление новой формы коммуникации – коммуникации в режиме онлайн, которая существенно отличается от общения в привычном смысле слова. Разумеется, и язык, который при этом используется, обладает рядом характерных черт. В случае общения в сети, в особенности это характерно для ICR-чатов, устная речь переносится в письменную среду, в результате чего происходит приспособление разговорных регистров и стилевых элементов к данной среде, влекущее за собой появление новых или видоизмененных языковых элементов (феномен «письменной устности») [1].

Большая насыщенность языка чата признаками устной речи (выпадение окончаний, употребление разговорных слов и пр.) обуславливается также свойством интерактивности. Письменный разговор в чате осуществляется синхронно, что отличает его от прочих коммуникационных сервисов Интернета – электронной почты, форумов блогов.

В процессе дистантного общения онлайн нельзя увидеть ни выражения лица собеседника, ни его жесты. Это предопределило, в том числе, появление в сети способов передачи невербальных средств общения, среди которых традиционно выделяются несколько групп: 1) идеограммы, отражающие целое понятие (смайлики); 2) повторение знаков, использование заглавных букв и др.; 3) вербальные комментарии [2]. Для англоязычных чатов характерно заключение таких комментариев в <скобки>, а для немецкоязычных – в *звездочки*. Эти знаки указывают на специальную функциональную область, которая в устной речи воспринимается визуально-акустически-тактильно (жесты, мимика, звуки, телесный контакт, место общения), а в напечатанных диалогах должна быть воспроизведена вербальными средствами.

Среди вербальных комментариев наряду с аббревиатурами (lol – laughing out loudly), междометиями (hehe, hatschi), одним из наиболее распространенных и богатых в плане выражения различных смыслов и оттенков значения средств являются инфлективы и инфлективные конструкции.

Инфлективы, по-видимому, нельзя считать новым явлением для немецкого языка – еще в 1782 году Аделунг в своей работе «Umständliche Lehrgebäude der deutschen Sprache, zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen» указывает на существование таких форм, как *knall*, которые он относит к разряду односложных наречий [3]. Но на сегодняшний день существует лишь ограниченное количество работ, касающихся исследования собственно инфлективов, не решен также вопрос о языковом статусе данных форм. Так, некоторые исследователи считают инфлективы подвидом междометий («лексемные междометия») [4].

Данная точка зрения, однако, подверглась критике. О.Тойбер, в частности, справедливо отмечает, что в отличие от междометий «*pfui*», «*ach*», инфлективы системны в морфологическом и фонологическом плане, находятся в морфологической взаимосвязи с

другими частями речи и не являются изолированными в системе языка. В формальном же отношении инфлектив, с его точки зрения, можно считать основной формой глагольной парадигмы, поскольку данная форма является самой простой и всегда идентична основе слова. Категориально она представляет собой неопределенную форму слова, а семантически – «архиформу», так как все остальные формы образуются от нее. Инфлектив однороден в функциональном отношении и является частью парадигмы практически любого глагола (для таких глаголов, как *gefallen*, *schneien*, *beleidigen*, *öffnen*, *leugnen* имеется семантическое либо фонологическое объяснение невозможности образования инфлективов). Однако О. Тойбер отмечает также стилистическую маркированность инфлективов, вследствие чего он не может считаться «основной формой» [5].

В настоящее время инфлектив считается равноправным членом глагольной парадигмы: «Наряду с изменяемыми (*finit*) формами глагола существуют неопределенные (*infini*) (инфинитив (*jammern*), партицип (*gejammert*)), полуизменяемые (императив (*komm*, *gib*)), а также неизменяемые (неспрягаемые) (*nicht flektiert*) – инфлектив (*jammer*, *ächz*)» [6].

Говоря об особенностях функционирования инфлективов, следует отметить, прежде всего, тот факт, что сфера употребления данной формы может быть достаточно четко обозначена. Традиционно активное употребление инфлективов связывают с комиксами. Однако новым толчком к их распространению послужило появление Интернета и его коммуникационных сервисов – прежде всего ICR-чата, а также электронной почты, форумов, блогов и мобильной связи SMS. Предположительно, сначала инфлективы появились в чатах, а затем в переписках по электронной почте, сообщениях на форумах и т.д. (в так называемых неформальных сообщениях – в письмах деловых партнеров они не встречаются). В отличие от чата указанные виды коммуникации являются асинхронными, и, в связи с этим, характеризуются меньшей степенью интерактивности. В данном случае диалог как таковой не осуществляется, так как переписывающиеся не знают, находится ли их собеседник в сети. Но, тем не менее, диалоговая структура зачастую встречается как в личных электронных письмах – посредством функции «ответить» или «цитировать» создается диалог в монологе, так и в публичных –

посредством комментариев. Поэтому средства «письменной устности» характерны и для электронной почты, хотя не столь частотны, как в чатах.

Итак, инфлектив представляет собой неопределенную и неспрягаемую глагольную форму, образуемую путем опущения инфинитивного окончания – *(e)n* (*gucken – guck, drücken – drück*). Для форм, используемых в рамках общения посредством чата, характерна высокая степень вариативности. Так, широко представлены инфлективы, образованные от приставочных глаголов (*auffang, beneid, herspring, zurückwerf*), встречаются редупликации (*kaufkaufkauf*) и соединительные конструкции (*knuddelknutsch*). В своем исследовании К.Панков отмечает, что для инфлективов характерны такие новообразования, как формы с добавлением приставки *re-* (*reknuddel, reknutsch*). Кроме этого можно наблюдать также модификацию глагольной основы путем добавления морфемы *-el*, выполняющей уменьшительную функцию (*singel, grinsel*) [7].

Особое внимание следует уделить так называемым инфлективным конструкциям (ИК), в которых происходит инкорпорация нескольких слов, связанных между собой синтаксически и по смыслу, причем сам инфлектив, за редким исключением (*bekommgänsehaut*), занимает в них конечную позицию (*mitverlockendemangebotwink*).

При рассмотрении ИК исследователями отмечаются некоторые спорные моменты, к примеру, в случае инфлективных конструкций речь идет не об усечении инфинитивного окончания, а о редукции личного окончания *-e* у формы 1л. ед. ч. (*am boden liegen seh*). Данную мысль подтверждает тот факт, что вместо формы *woll*, которая является основой глагола, используется форма *will* (*fotosehenwill*). Однако от глагола *sein* чаще бывает образована форма *sei* или *ist* (*is*), а не *bin* (*schonoksei, guterschauspielersei*) [8].

Среди ИК встречаются формы, представляющие собой слитное написание нескольких инфлективов. Таким образом происходит интенсификация значения единицы (*jauljammerheul*), создается последовательность действий или движений (*knuddeldrück*) или выражается одновременность (*jaulzitterguck*).

Элементы данных конструкций могут писаться отдельно (*vor lachen wegschmeiß*), однако чаще встречается слитное написание

(*kopfschüttel*), в этом случае имеет место феномен инкорпорации, о котором упоминалось выше. Существует мнение, что ИК в любом случае следует рассматривать как особый вид предложения, причем в нем возможно инкорпорирование самых различных членов предложения. П. Шлобински выделяет следующие факторы, от которых зависит степень инкорпорации частей ИК:

1. Степень инкорпорации зависит от длины ИК. Чем короче элементы конструкции, тем чаще инфлективы пишутся слитно (иерархия сложности).
2. Элементы конструкций часто пишутся слитно, если они имеют следующие структуры:
  - инфлексив + прилагательное (93% слитных написаний);
  - инфлексив + глагольная частица;
  - инфлексив + наречие
 (т.е. элемент конструкции относится к сказуемому, выраженному инфлексивом).
3. Степень инкорпорации зависит от сложности инкорпорированных частей. Если инкорпорируется одно слово, то в 65% случаев присутствует слитное написание, если группа слов – в 35%. Причем инкорпорации с номинальными группами чаще пишутся слитно, чем инкорпорации с предложными группами [8].

Что касается первого принципа, то К. Панков не соглашается с П. Шлобински и замечает, что трех-, четырехчленные конструкции с глаголом на последнем месте чаще пишутся слитно (*dichganzdollknuddel*), а короткие, состоящие из сказуемого и дополнения – раздельно (*stress mach*). Кроме того, она подчеркивает, что довольно часто используются черточки (*immer-noch-frier*) [9].

На настоящий момент различают 4 типа инфлективов, в зависимости от выражаемых ими действий или отношений:

- экспрессивно-эмотивные инфлективы (*lach, wein, rotwerd*);
- инфлективы, образованные от глаголов, обозначающих действия (*fall, greif*);
- инфлективы, образованные от *verba dicendi*, обозначающих процессы говорения (*flüster, frag*);
- инфлективы, образованные от *verba sentiendi*, которые обозначают мыслительные процессы (*träum, versteh, überleg*).

Таким образом, мы можем наблюдать развитие и распространение этого сравнительно нового языкового явления, происходящего именно с развитием он-лайн коммуникации. В результате проведенного сравнительного анализа инфлективов, встречающихся в комиксах – 82 единицы [10]- и инфлективов, употребляемых в чат-коммуникации – 141 единица (в т. ч. ИК) выявляются некоторые закономерности.

Во-первых, в структурном отношении инфлективы, использованные в чате, гораздо разнообразнее. В комиксах встречаются лишь инфлективы, образованные от корневых глаголов (за исключением следующих приставочных конструкций *verschlüss*, *runterschalt*, *zurückschalt* и *aufheul*). К тому же ИК представляют собой явление, характерное только для интернет-коммуникации, что, в свою очередь, значительно расширяет объем значений, выраженных данными единицами. Так, в комиксах отсутствуют инфлективы, образованные от глаголов, обозначающих процессы говорения, так как обозначение данных процессов происходит посредством заключения речи в филактер. При этом в комиксе нет необходимости в особых комментариях к сказанному (ср. пример из чата: *hallo an alle *nocheinmalsag**).

Обозначение мыслительных процессов посредством инфлективов ограничивается в комиксах лишь одной единицей *grübel* по аналогичной причине – в комиксах мыслительные процессы отражаются при помощи так называемых «облаков», в которые заключается то, о чем думает персонаж.

С расширением структурно-семантического потенциала инфлективов и инфлективных конструкций связано и функционально-прагматическое развитие данных форм. В инфлективных конструкциях, в отличие от простых инфлективов, возможно выражение больших объемов информации, которая при этом становится более конкретной. ИК частично выражают то, что выражает информация, изображаемая на картинке в комиксе. Картинка может показывать как героя комикса и того, к кому он обращается, так и в случае ИК *warriorknuddel* отражена не только роль говорящего, но и роль адресата, то есть в данном случае языковая и наглядная кодификация эквивалентны.

Существует важное различие в особенностях функционирования инфлективов в комиксах и чате. Так,

П.Шлобински утверждает, что в комиксах следует выделять две функции инфлективов. Первая функция - изобразительная - является основной прагматической функцией инфлективов и заключается в передаче действий, событий (*klirr, klatsch, zitter*). В данном случае иллокутива как такового, нет, инфлективы представляют собой иконические знаки, то есть являются непосредственными наглядными представителями события. Это относится, в частности, ко множеству звукоподражательных инфлективов (*schnarr*).

Вторая функция, которую инфлективы могут выполнять в комиксах – иллокутивная. Она заключается в передаче коммуникативного действия вплоть до полноценного речевого акта с соответствующими иллокутивами, в первую очередь, экспрессивными возможностями выражения. Однако, исследователь поясняет, что инфлексив не является иллокутивом как таковым, но выражает коммуникативное действие, при котором иллокутивный потенциал вытекает из лексического наполнения инфлектива и наглядно представленного действия персонажа. Данная функция отличается от изобразительной функции, которую осуществляют инфлективы, лишь обозначающие шорохи и события, то есть не имеющие экспрессивного и коммуникативного наполнения [11].

В чате изобразительная функция отходит на второй план, а иллокутивный потенциал инфлективов расширяется, что отражено в таблице [11]:

иллокутив	способ изображения	пример
выразительная ф. (<i>expressiv</i>)	выражение эмоций (<i>emotiv</i>)	<i>traurig guck</i>
регулирующая ф. (<i>regulativ</i>)	установление контакта (<i>phatisch</i>)	<i>viperknuddel</i>
	выражение желания (<i>volitiv</i>)	<i>fotosehenwill</i>
утвердительная ф. (<i>assertiv</i>)	описание (<i>deskriptiv</i>) повествование (<i>narrativ</i>) оценка (<i>evaluativ</i>)	<i>guterschauspielersei</i> <i>Kite unter Wasser tunk</i> <i>schonoksei</i>

Регулирующая функция является самой распространенной, поскольку контакт с собеседником является наиболее важной составляющей разговора в чате. Что же касается описательной,

повествовательной и оценочной функций, то они осуществляются инфлективами реже.

Таким образом, инфлективы в чате получили гораздо больше функциональных возможностей, чем в комиксах, так как сама ситуация общения в чате (необходимость передачи невербальных средств коммуникации) обуславливает возникновение новых функциональных особенностей инфлективов.

Появление данной формы в парадигме глагола, а также ее расширение до инфлективных конструкций, говорит об изменениях, происходящих в языке. «Посредством инфлективов появляются совершенно новые морфолого-синтаксические возможности – с их помощью немецкий язык становится ... полисинтетическим языком, в котором глагол может соответствовать целому предложению» [12].

Библиографический список

1. Kilian, J. T@stentone. Geschriebene Umgangssprache in computervermittelter Kommunikation/ J. Kilian // Chat-Kommunikation. Sprache, Interaktion, Sozialität und Identität in synchroner computervermittelter Kommunikation. – Stuttgart, 2001. – S. 61.
2. Pankow, C. Zur Darstellung nonverbalen Verhaltens in deutschen und schwedischen ICR-Chats. Eine Korpusuntersuchung / C.Pankow // Электронный ресурс интернет: Linguistik online 3/03. – www.linguistik-online.de//15_03/pankow.html. -S.91-92.
3. Schlobinski, P. *knuddel - zurückknuddel - dichganzdollknuddel*, Inflektive und Inflektivkonstruktionen im Deutschen / P. Schlobinski // ZGL 29.2001, - S.194.
4. Hentschel, E. Handbuch der deutschen Grammatik / E.Hentschel, H. Weydt. – Berlin, 2003. – S.328.
5. Teuber, O. fasel beschreib erwähn. Der Inflektiv als Wortform des Deutschen / O. Teuber // Germanistische Linguistik 141-142, 1998. – S.6-26.
6. Bredel, U. C24 Verb / U.Bredel, C. Töpler // Handbuch der deutschen Wortarten (Hrsg.) Ludger Hoffman. – S.824.
7. Pankow, C. Zur Darstellung nonverbalen Verhaltens in deutschen und schwedischen ICR-Chats. Eine Korpusuntersuchung / C.Pankow // Электронный ресурс интернет: Linguistik online 3/03. – www.linguistik-online.de//15_03/pankow.html. -S.97-99.

8. Schlobinski, P. *knuddel - zurückknuddel - dichganzdollknuddel*,
Inflektive und Inflektivkonstruktionen im Deutschen / P. Schlobinski // ZGL
29.2001, - S.206-216.

9. Pankow, C. Zur Darstellung nonverbalen Verhaltens in deutschen
und schwedischen ICR-Chats. Eine Korpusuntersuchung / C.Pankow //
Электронный ресурс интернет: Linguistik online 3/03. – www.linguistik-online.de//15_03/pankow.html. -S. 106.

10. Kleines Lexikon der Comic-Bildsprache // Электронный ресурс
Интернет: www.uni-bielefeld.de/paedagogik/Seminare/moeller02/comic/comicsprach.html

11. Schlobinski, P. *knuddel - zurückknuddel - dichganzdollknuddel*,
Inflektive und Inflektivkonstruktionen im Deutschen / P. Schlobinski // ZGL
29.2001, - S.197-199.

12. Runkehl, J. Sprache und Kommunikation im Internet. Überblick
und Analysen /J. Runkehl, T. Siever, P. Schlobinski. - Peter Opladen:
Westdeutscher Verlag, 1998. - S.109.

Сведения об авторе

Орлова Ольга Алексеевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной лингвистики
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Email: o-orlowa@yandex.ru

КОНЦЕПТ «ВЕРА» В ПРАВОСЛАВНОМ И КАТОЛИЧЕСКОМ (ВОСТОЧНОГО ОБРЯДА) ДИСКУРСАХ¹

Анна Петрикова

Прешовский университет, г. Прешов, Словакия

Вера играет важную роль в жизни каждого человека как верующего, так и неверующего. Это утверждается практически во всех работах, касающихся изучения религиозной концептосферы. На наш взгляд, человека без веры не существует. Если кто-то верит в добро, справедливость, любовь, но не соотносит эти постулаты с Богом в христианском понимании, а считает их некими аксиологическими категориями, не зная об этом, он все-таки верит в Бога, так как Всевышний является воплощением выше перечисленных свойств или качеств.

Ключевые слова: дискурс, христианство, православие, греко-католическая церковь в Словакии.

The concept „belief“ in the Orthodox and Catholic (Byzantine Catholic rite) discursus Anna Petrikova

The belief plays a very important role in the life of every person if one believes or not. This thesis is confirmed in the most works studying the religious conceptosphere. To our mind, there is no man who doesn't believe. If somebody believes in good, justice, love but doesn't correspond these postulates to God in their Christian sense, considers them as some axiological categories and even doesn't know about it they nevertheless believe in God as the Lord is the embodiment of the above mentioned qualities.

Key words: discursus, Christianity, orthodoxy, Byzantine Catholic Church in Slovakia.

---

¹ This contribution/publication is the result of the project implementation: "Establishing a linguaculturological and translatoological center" supported by the Research & Development Operational Programme funded by the ERDF; в рамках решения грантового проекта: 1/0182/08 Язык постсоветской эпохи.

СВЯТІН КЎРІАЛЕ Н МЕДОДІЕ, МОЛІТЪ Б҃ГА ЦО НАСЪ.

Европа испокон веков была мультикультурным континентом. Рассуждая о диалоге славянских культур, необходимо помнить, что культурные ареалы *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* имеют черты общего праславянского языкового и культурного единства. В данной статье мы будем рассматривать концепт «Вера», учитывая славянский диалог культур, имеющий общие черты благодаря сохранению в славянском католическом ареале кирилло-мефодиевского наследия посредством старославянского языка, на котором звучат православная и католическая литургия восточного обряда.

В русской и словацкой лингвистике интерес к изучению текстов, относящихся к религиозной сфере, никогда не угасал. Однако возрождение религии, связанное с переменами в обществе, активно началось в 90-х годах прошлого века. В связи с этим представители гуманитарных наук также интенсивно начали исследовать религию, религиозный стиль, религиозную коммуникацию. Одним из часто рассматриваемых речевых жанров является проповедь, которая «представляет собой отдельный устойчивый речевой жанр, характеризуется собственной интра- и экстралингвистической спецификой, коммуникативно-прагматическим и функционально-стилистическим своеобразием» [7. С.164].

В.И. Карасик является одним из первых в русской лингвистике, кто описал понятие религиозного дискурса, который понимается как тип институционального дискурса. Ученый предлагает рассматривать следующие компоненты дискурса: участники, хронотоп, цели, ценности (в том числе и ключевой концепт), стратегии, материал (тематика), разновидности и жанры, прецедентные (культурогенные) тексты, дискурсивные формулы [5]. Цели дискурса подразделяются на: 1) получить поддержку у Бога; 2) очистить душу; 3) призвать ближних к вере и покаянию; 4) утвердить верующих в вере; 5) через ритуал осознать свою принадлежность к той или иной конфессии [6. С.325]. Однако, на наш взгляд, чтобы осознать принадлежность к той или иной конфессии, недостаточно смотреть на это только сквозь ритуал.

Греко-католический и православный обряды имеют много общего, исходят из византийской традиции. Но есть догматические отличия православной веры от католической, а именно в учении об исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына; о непорочном зачатии Божией Матери; о значении Римского папы; о существовании чистилища. Православная Церковь, например, учит, что лицо Бога-Отца есть единственное начало, или причина, Божественного бытия, поэтому и происхождение Святого Духа не безличное, одновременно от Отца и Сына. Но изливание благодати Святого Духа на всю тварь, а отнюдь не личное бытие Святого Духа как третьего лица Пресвятой Троицы, стало возможным через воплощение Бога-Слова [8]. И.В. Бугаева также видит несколько недостатков концепции В.И. Карасика, считая, что «сначала следует описать религиозный дискурс каждой религии и конфессии, а потом выделять универсальные, типологические и индивидуальные характеристики, так как даже Символ веры разный у католиков и у православных (и те и другие – христиане), а именно концепт «вера» В.И. Карасик справедливо выделяет в качестве ключевого в религиозном дискурсе [5. С.82-85]. В русских лингвистических трудах в последнее время появились работы, в которых делаются попытки описания американского проповеднического дискурса [4], середины XX в. (философское течение «Новая мысль»); просодических средств реализации воздействующей функции в жанре проповеди (на основе американского варианта английского языка (Крымская 2009). Е.В. Бобырева (2007) рассмотрела религиозный дискурс на материале православного вероучения, тем самым заполнила пустое место в описании религиозного дискурса на материале конкретного вероучения. Концепция исследователя в некоторых моментах пересекается с пониманием религиозного дискурса И. В. Бугаевой:

<p>Е.В. Бобырева религиозный дискурс понимает как:</p>	<p>И.В. Бугаева религиозный дискурс понимает как:</p>
<p>институциональное общение, целью которого является приобщение человека к вере или укрепление веры в Бога, и характеризуется следующими конститутивными признаками: 1) его содержанием являются священные тексты и их религиозная интерпретация, а также религиозные ритуалы, 2) его участники – священнослужители и прихожане, 3) его типичный хронотоп — храмовое богослужение.</p> <p>Важнейшим компонентом религиозного дискурса является заключенная в нем система ценностей [2. С.3].</p> <p>Изучение языковых характеристик религиозного дискурса дает возможность раскрыть специфику языковых и речевых средств, используемых в институциональном общении [2. С.3].</p>	<p>тип институционального дискурса, специализированную клишированную разновидность общения, обусловленную социальными функциями партнеров и регламентированную как по содержанию, так и по форме. Ядром дискурса является общение базовой пары участников коммуникации: священник — священник, священник — мирянин, мирянин — мирянин, а самое главное – Бог и человек.</p> <p>Особенность православного дискурса, как и любого другого религиозного дискурса, – общение, базирующееся на определенных духовных ценностях и нормах поведения, что проявляется, прежде всего, в выборе языковых средств» [3. С. 82-85].</p>

На наш взгляд, Е.В. Бобырева понимает дискурс намного шире, чем И.В. Бугаева, которая отождествляет религиозный дискурс с религиозной коммуникацией. Однако, нельзя не согласиться с тем, что оба рассматриваемые нами дискурсы базируются на определенных ценностях и нормах поведения (например, у греко-

католиков также есть традиция «христосоваться» на Пасху, когда встретившиеся люди приветствуют друг друга словами: «Христос Воскресе!», на что в ответ звучит: «Воистину Воскресе!»).

Вера вместе в надеждой и любовью для человека становится путеводителем в жизненных ситуациях. Как жить без веры, воспитывать детей и приучать их к добру, если мы сами в это не верим? Мы часто слышим, что кто-то верит в правду, в справедливость, в успех, в судьбу, в удачу, в другого человека, в себя, и чаще всего это связано с ожиданием положительного результата. А если не получится, что тогда: спасибо и за это? В русском языке слово «спасибо» восходит к словосочетанию «Спаси Бог», что значит просьба о милосердии, о спасении души — а ведь все это говорит о нашей вере, ибо «по вере вам будет дано». Убеждение также рождается вместе с верой. Но вера не дается легко, она требует постоянной затраты душевных сил, заботы и огромного труда.

Лексема «Вера» по словарю «*Krátky slovník slovenského jazyka*» обозначает: 1. *pevné presvedčenie o jestvovaní, o správnomi niečoho, verenie: viera v človeka, v spravodlivosť, vo vlastné schopnosti; viera v Boha; viera v lepšiu budúcnosť*; 2. *náb. presvedčenie; vierovyznanie: kresťanská viera, prestúpiť na inú vieru* [12].

Концепт «Вера» — это центральный концепт христианского дискурса. Ю. Степанов выделяет целую группу, в которую входят концепты: «Вера», «Любовь», «Радость» и «Слово». Все эти концепты считаются духовными концептами. Внутреннюю форму концепта «Вера», также как и концепта «Слово», составляет «круговорот общения двух субъектов» [9. С. 403].

Вера той или иной христианской конфессии имеет догматические особенности. Важнейшим из всех соборных определений является Никео-Константинопольский Символ веры, который читается или поется на каждой Евхаристии. В качестве примера рассмотрим Никео-Константинопольский Символ веры, который употребляют католики восточного обряда, и Символ веры в православном вероучении на русском языке.

<p>Никео- Константинопольский Символ веры, который употребляют греко- католики</p>	<p>Церковнославянский Символ веры (латиница)</p>	<p>Церковнославянский Символ веры (кириллица)</p>
<p><i>Verím v jedného Boha, Otca všemohúceho, Stvoriteľa neba i zeme, sveta viditeľného i neviditeľného.</i></p> <p><i>I v jedného Pána Ježiša Krista, jednorodného Syna Božieho, zrodeného z Otca pred všetkými vekmi: Svetlo zo Svetla, pravého Boha z Boha pravého, splodeného, nie stvoreného, jednejpodstaty s Otcom. Skrze neho bolo všetko stvorené.</i></p> <p><i>On pre nás ľudí a pre našu spásu zostúpil z nebies. A mocou Ducha Svätého vzal si telo z Márie Panny a stal sa človekom.</i></p> <p><i>Za nás bol aj ukrižovaný za vlády Poncia Piláta, bol umičený a pochovaný, ale tretieho dňa vstal z mŕtvych podľa Svätého Písma.</i></p> <p><i>A vstúpil do neba, sedí po pravici Otca.</i></p> <p><i>A zasa príde v sláve súdiť živých i mŕtvych a jeho kráľovstvu nebude konca.</i></p> <p><i>I v Ducha Svätého, Pána a Oživovateľa, ktorý vychádza z Otca (i Syna). Jemu sa zároveň vzdáva tá istá poklona a sláva ako Otcovi a Synovi. On hovoril ústami prorokov.</i></p> <p><i>V jednu svätú, všeobecnú, apoštolskú Cirkev.</i></p> <p><i>Vyznávam jeden krst na odpustenie hriechov a očakávam vzkriesenie</i></p>	<p><i>Víruju vo jedínaho Bóha Otcá, vsederžiteľa, tvorcá nébu i zemlí, vídimym že vsím i nevídimym.</i></p> <p><i>I vo jedínaho Hóspoda Iisúsa Christá, Sýna bóžija, jedinoródnaho, íže ot Otcá roždénneho préžde vsích vík. Svíta ot svíta, Bóha ístinna ot Bóha ístinna, roždénna, nesotvorénna, jedinosúščna Otcú, ímže vsjá býša.</i></p> <p><i>Nás rádi čelovík I nášeho rádi spasénija, sšédšaho s nebes, i voplotívšahosja ot Dúcha svjata i Mariji d'ívy, i vočelovíčšasja.</i></p> <p><i>Raspjátaho že za ný pri Pontijsťim Piláti, i stradávša I pohrebénna.</i></p> <p><i>I voskrésšaho v tretij děň, po písánijem.</i></p> <p><i>I vozšédšaho na nebesá, I sid'ášča odesnúju Otcá.</i></p> <p><i>I páki hrjadúščaho so slávoju, sudíti živým I mértvym, jehóže cárstvijeu ne búdet koncá.</i></p> <p><i>I v Dúcha svjataho, Hóspoda, životvorjáščaho, íže ot Otcá ischoďáščaho, íže so Otcém i Sýnom spoklaňájema i soslávima, hlahólavšaho proróki.</i></p> <p><i>Vo jedínu svjatúju, sobórnuju I apóstol'skuju Cérkov.</i></p> <p><i>Ispovíduju jedíno kreščénije vo ostavlénije hrichóv.</i></p> <p><i>Čáju voskresénija mértvych:</i></p>	<p><i>1-й член. Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым.</i></p> <p><i>2-й. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, не сотворенна, единосущна Отцу, Им же вся быша;</i></p> <p><i>3-й. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес, и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася;</i></p> <p><i>4-й. Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна;</i></p> <p><i>5-й. И воскресшаго в третий день, по писанием;</i></p> <p><i>6-й. И восшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца;</i></p> <p><i>7-й. И паки грядущего со славою судити живым и мертвым, Его же царствию не будет конца.</i></p> <p><i>8-й. И в Духа Святаго, Господа Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима,</i></p>

<p><i>mŕtvych</i> <i>a život budúceho veku.</i> <i>Amen.</i></p>	<p><i>I žízni budúščaŕo víka.</i> <i>Amiň.</i></p>	<p><i>глаголавшаго пророки.</i> <i>9-й. Во едину, святую,</i> <i>соборную и апостольскую</i> <i>Церковь.</i> <i>10-й. Исповедую едино</i> <i>крещение во оставление</i> <i>грехов.</i> <i>11-й. Чаю воскресения</i> <i>мертвых.</i> <i>12-й. И жизни</i> <i>будущего века. Аминь.</i></p>
--	---	---

Основное отличие греко-католического Никео-Константинопольского Символа веры от Православного состоит в присутствии филиокве (лат. *filioque* — и Сына), которое приняла Римско-католическая церковь как прибавление к разделу Никео-Константинопольского Символа веры, касающемуся исхождения Святого Духа [11]. Русская Православная церковь считает, что Дух Святой, исходит только от Бога Отца «от начала мира вместе с Отцом и Сыном дает тварям бытие, жизнь и всем управляет. Он есть источник духовной благодатной жизни как для ангелов, так и для людей, и Духу Святому подобает слава и поклонение наравне с Отцом и Сыном. Дух Святой в Ветхом Завете говорил через пророков, потом, в начале Нового Завета, говорил через апостолов, а ныне действует в Христовой Церкви, наставляя в истине ее пастырей и православных христиан» [1].

Для разбора мы предложили группе словацких студентов 4-го курса текст «Православный Символ веры» на русском языке. Для студентов легче воспринимать текст в письменной форме, так как количество обращений к одной и той же части они могут выбрать сами, а с нашей стороны мы могли регулировать время восприятия. В некоторой степени была обеспечена легкость понимания. Студенты, в основном, верующие, христиане, но большинство католиков. Несмотря на это, текст был всеми сразу распознан. Значит, опыт с этим текстом уже был (апперцепция). Как выразилась одна студентка: «С этим текстом я уже познакомилась в прошлом. В детстве это была просто молитва, которую надо было выучить наизусть. Мне она нравится, там сохранено много «реалий» из «жизни веры». Этот текст я воспринимаю иначе дома, и в храме. В храме получается, как бы эмоциональнее. По-моему, текст

воздействует на человека положительно и может его изменить». Другое мнение: «Этот текст – основной, говорит о том, во что человек верит. Мне очень трудно говорить о внутреннем восприятии. Это невозможно передать словами. Но чтобы текст мог на меня влиять, мне надо закрыть глаза, абсолютно сосредоточиться, на его значение. И только тогда он проникает в мою душу, которая уходит в иной мир, от земного. Но все-таки я считаю, что вера каждого человека является очень интимной и поэтому трудно о ней говорить».

Говоря языком В. Вундта, апперцепция – внутренняя психическая сила, определяющая всю деятельность человека, можно констатировать, что реципиентки однозначно считают «Символ веры» текстом, определяющим их деятельность. Это их искреннее убеждение.

Неудачи в дешифровке текста не появились, так как слова и словосочетания были знакомы. Важным моментом в восприятии текста является ввод новой информации. В нашем случае восприятие было более успешное, так как владение текста и понимание его смысла уже осуществилось и на родном, словацком языке. Значит, в языковой картине мира адресата текст присутствует. Несколько проблематично было анализировать слова и употреблять их. Это стоило немало усилий, особенно в употреблении продуктивного словообразования, когда из анализа отдельных морфем надо было понять и растолковать слово (*рожденный, погребенный, воскресший, исходящий...*). Частотность употребления некоторых лексем зависит от порога употребления. В данном случае слова: *Вседержитель, Единородный* студенты пытались растолковать. Текст состоит из 12 членов веры. Понятно, что успешность восприятия целого текста зависит от анализа каждого семантического поля: 1-й член говорит о Боге Отце, 2 по 7 члены – о Боге Сыне, 8 – о Боге Духе Святом, 9 – о Церкви, 10 – о крещении, 11 и 12 о воскресении мертвых и о вечной жизни. Количество информации не вызвало затруднений.

Итак, на первом этапе восприятия текста необходимо его отнести к определенному типу коммуникации, говоря о Символе веры как о молитве с гомогенной композиционной структурой, 12 членов – коммуниканты. Прецедентным текстом Символа веры является фрагмент из «Первого Послания коринфянам 15, 3-11):

Prvý list Korint'anom - kapitola 15	Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла / Глава 15
<p>3 <i>Odovzdal som vám predovšetkým to, čo som aj ja prijal: že Kristus zomrel za naše hriechy podľa Písem,</i></p> <p>4 <i>že bol pochovaný a že bol tretieho dňa vzkriesený podľa Písem,</i></p> <p>5 <i>že sa zjavil Kéfasovi a potom Dvanástim.</i></p> <p>11 <i>Teda či už ja alebo oni takto hlásame a vy ste tak uverili.</i></p> <p>12 <i>Ak sa hlása, že Kristus bol vzkriesený z mŕtvych, akože niektorí z vás hovoria, že zmŕtvychvstania niet?</i></p>	<p>3 <i>Ибо я первоначально преподал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию,</i></p> <p>4 <i>и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию,</i></p> <p>5 <i>и что явился Кифе, потом двенадцати;</i></p> <p>11 <i>Итак я ли, они ли, мы так проповедуем, и вы так уверовали.</i></p> <p>12 <i>Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых?</i></p>

Для теиста это текст с определенной синтагмикой, не вызывающей малейшего сомнения. Его можно отнести к группе катехизисного жанра. Отношение между значимым (сигнификант или же сигнификат) и означаемым (сигнифиэ) является обязуемым, т.е. все те, которые относятся к данной языковой группе в коммуникации, должны соблюдать заведенные языковые правила. Принадлежность к группе, принявшей Символ веры, означает жить в соответствии с ним.

Ядром концепта «Вера», по словам Е.В. Бобыревой, в русском языке выступает значение — «твердое убеждение в существовании Бога». К числу периферийных компонентов можно отнести — «уверенность, убежденность в чем-либо». В широком смысле под верой имеется в виду все религиозное учение; в более узком — фундаментальное отношение человека к Богу [2. С.104].

Отец Slavomír Tarasovič в омилии «Utíšenie búrky na mori na deviatu nedel'u po Päťdesiatnici. Mt zač. 59 (14, 22-34)» (v chráme Povýšenia svätého Kríža v Prešove-Sekčove, 02.08.2009) веру

характеризует как отношения с Богом, это речь двух сердец: человеческого и Божьего:

PAR ...*Kresťanstvo a naša viera je o vzťahu s Bohom, o tom, dať mu šancu vstúpiť do našej blízkosti. Pre koľkých kresťanov je však Boh len mátoha? Pre koľkých je Boh niekým, koho vôbec nepoznajú? Koľkí sa boja pustiť ho bližšie do svojho života, lebo majú strach, že im niečo zoberie?*

AD ... *Stačí ti poznať Boha iba z diaľky? Stačí ti vidieť len nejaké obrisy Boha? Ak áno, vedz, že toto nie je kresťanstvo, lebo kresťanstvo je o vzťahu – o vzťahu tvojho srdca a Božieho srdca. Aj tento vzťah je však je o rozhodnutí. Boh sa pre teba rozhodol už dávno a teraz je na tebe urobiť rozhodnutie. Daj Bohu šancu a ak to myslíš úprimne, Boh tvoje rozhodnutie vezme vážne a vstúpi do tvojho života úplne novým spôsobom. [15].*

Рассмотрим основные содержательные моменты концепта «Вера» в библейском дискурсе. Для этого воспользуемся текстом Библии. «Вера» в Священном Писании понимается как доверие кому-либо, убежденность в правильности какого-либо учения. «Вера» раскрывается в «Послании к Галатам», в котором Апостол Павел настаивает на том, что единственный путь к примирению с Богом — это вера в Иисуса Христа:

List Galat'anom - kapitola 3	Новый Завет / Послание к Галатам святого апостола Павла / Глава 3
22 Ale Písmo uzavrelo všetko pod hriech, aby veriaci dostali prisľúbenie z viery v Ježiša Krista.	22 но Писание всех заключило под грехом, дабы обетование верующим дано было по вере в Иисуса Христа.
23 No kým neprišla viera, boli sme zajatci pod dozorom zákona pre tú vieru ktorá sa mala zjaviť.	23 А до пришествия веры мы заключены были под стражею закона, до того времени, как надлежало открыться вере.
24 A tak bol zákon našim vychovatel'om pre Krista, aby sme boli ospravedlnení z viery.	24 Итак закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою;
25 Ale keď prišla viera , už nepodliehame vychovatel'ovi.	

<p>26 <i>Ved' skrze vieru v Kristovi Ježišovi ste všetci Božími synmi.</i></p>	<p>25 <i>по пришествии же веры, мы уже не под руководством детоводителя.</i> 26 <i>Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса;</i></p>
--	---

Таким образом, концепт «Вера», как один из центральных концептов в картине мира любого человека, в религиозном дискурсе семантически близок концепту «Слово-Бог». Источником веры является сама жизнь христианина, его личная встреча со Христом в Духе Святом. Вера укрепляется посредством Священного Предания, так как Предание есть свидетельство Духа: «Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину» (Ин 16,13). Для православных, как и греко-католиков, положения веры, которые утвердили Вселенские Соборы, являются обязательными и авторитетными. Следующим ключом для христианина является Священное Писание, молитвы к Богу, соблюдение Божиих заповедей. Верить – значит жить живой, действующей верой в Бога – это является основным свойством Веры.

Библиографический список

1. Александр (Милеант), епископ. Основы Православной Веры. Миссионерский листок № 2. Издательство храма Покрова Пресвятой Богородицы. Москва 1998 / Александр (Милеант), епископ // Электронный ресурс Интернет: <http://www.fatheralexander.org/booklets/russian/symvol.htm>
2. Бобырева, Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): Монография. – Волгоград: Перемена, 2007. – 375 с.
3. Бугаева, И.В. Особенности употребления цитат в текстах религиозной сферы / И.В. Бугаева // Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 8. Ч. 1. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. – С. 81-90.
4. Зуев, М.Б. Лингвориторика интертекста в переводном американском проповедническом дискурсе как метафизическом дискурсе успеха: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Б. Зуев. – Нальчик, 2009. – 25 с.

5. Карасик, В.И. Религиозный дискурс / В.И. Карасик // *Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики*: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – 519 с.

6. Карасик, В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс* / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

7. Плисов, Е.В. Проповедь как тип текста: коммуникативно-функциональный аспект (на материале немецкого языка) / Е.В. Плисов // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. – Орел: ОГИИК, 2005. – С. 157-167.

8. Семенов-Тянь-Шанский, Александр, епископ. *Православный катехизис*. Первое издание в Париже, начало 1950-х гг. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 1990.

9. Степанов, Ю.С. *Константы: Словарь русской культуры* / Ю.С. Степанов. Изд-е 2. – Москва: Академический проект, 2004. – С. 991.

10. *Тематическая Библия с комментариями* / Под общей редакцией В.С. Немцева. – Минск, 1997. – 1776 с.

11. *Христианство. Энциклопедический словарь*: В 3 т./ Ред. С.С. Аверинцев. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1995.

12. SLEX 99. *Lexikón slovenského jazyka. Krátky slovník slovenského jazyka. Synonymický slovník slovenčiny. Vedecký redaktor prof. PhDr. Ján Kačala, DrSc 1987-1997 Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV.*

13. Stanček, Ľ.. *Malá metóda a najplnšia forma kázne*. – Spišská Kapitula, Spišské Podhradie 1997. – 204 s.

14. *Sväté Písmo. Nový Zákon. Preklad podľa typického vydania Novej Vulgáty, upravenej podľa zásad Druhého Vatikánskeho Koncilu na príkaz pápeža Pavla VI. a promulgovanej pápežom Jánom Pavlom II.* —Trnava: Spolok S. Vojtecha, 1995. —777 s.

15. Tarasovič Slavomír. *Kaplán. Utíšenie búrky na mori. Homília prednesená na deviatu nedeľu po Päťdesiatnici, v chráme Povýšenia svätého Kríža v Prešove-Sekčove, 02.08.2009 (рукопись).*

Сведения об авторе

Петрикова Анна
магистр педагогических наук,
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры русистики
философского факультета
Прешовского университета (Словакия)
Email: aklimcuk@unipo.sk

СПОСОБЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ЮЖНОАФРИКАНСКОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА В ТЕКСТЕ

И.Н. Хохлова

*Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга,
Петропавловск-Камчатский*

В статье рассматриваются способы выделения южноафриканского лексического компонента в тексте. Анализируемые тексты разделены на две группы: специальные научные тексты и публицистические тексты общего характера. Наиболее адекватное и полное раскрытие обозначаемого южноафриканского явления достигается прямым заимствованием. Неосвоенные заимствования сопровождаются другими средствами номинации в параллельном подключении: курсив, кавычки, прописная буква.

Ключевые слова: культурный элемент, прямое заимствование, освоенное заимствование, южноафриканизм, локализм.

Ways of singling out of South African lexical component in the text Irina Khokhlova

Ways of singling out of SA lexical component in the text are considered in the article. The texts under analysis are conventionally divided into two groups: special scientific and publicistic. The most adequate and full meaning of the denoted SA phenomenon is achieved by direct word borrowing. Nomination of other borrowed words is accompanied by use of graphic means: italics, quotation marks, capital letters.

Key words: cultural element, direct borrowing, borrowed word, south africanism, localism.

Известно, что выбор конкретного способа номинации культурного элемента осуществляется в результате сложного взаимодействия множества факторов, таких, как функциональный стиль текста, тип адресации, индивидуальные особенности автора. В задачи данной работы вошло рассмотрение вопроса выбора экспликации в зависимости от функционального стиля текста. Для проведения анализа влияния жанровой специфики текста на выбор и

функционирование южноафриканских слов тексты разделены на две группы: 1. Специальные научные тексты и 2. Публицистические тексты общего характера (газетные и художественные).

Поскольку в специальных научных текстах актуализируется точность номинации, уверенная обратимость южноафриканского компонента, наиболее адекватное и полное раскрытие обозначаемого явления, то предпочтение отдаётся прямым заимствованиям. Неосвоенные заимствования, как правило, сопровождаются другими, менее точными, средствами номинации в параллельном подключении [1].

Libation is honour of a national god or at any national festival is usually poured by the 'Omanbrafo' (the M.P. of the state) or the 'akyeamenhene' (state linguist or spokesman), and in certain places by the 'Omankomfo' (State Fetish Priest) (Africa Today, 2005).

В данном отрывке наблюдается введение заимствований в качестве терминов, что подтверждается графически использованием кавычек.

В зависимости от индивидуальных особенностей автора заимствование необязательно выступает в параллельном подключении с другими словами, обозначающими южноафриканские реалии, а может отделяться от них в пространстве.

The best documented drum poetry is that of the skin-covered talking drums. (...) Among the Zulu people, however, the atumpan is not so freely used and seems to be traditionally geared mainly to ceremonies involving the royalty (Africa Today, 2005).

Публицистические тексты общего характера в зависимости от интенции автора и предполагаемого адресата могут содержать самое различное количество способов номинации, что будет рассмотрено далее.

По направленности на определённый тип адресата публицистические тексты можно разделить на тексты (1) международной и (2) внутренней адресации.

(1) Тексты, написанные либо носителями английского языка как родного, либо самими африканцами, и ориентированные на читателей вне ЮАР.

Показательными являются сообщения различных газет, издаваемых как в самой ЮАР (например, Sunday - Johannesburg

Times), так и за рубежом (например, Washington Post). Анализ газетных сообщений показывает, что ориентированность иностранных газет на англоговорящую аудиторию вне ЮАР влечёт за собой низкую частоту включения южноафриканских заимствований. В случае включения даже освоенные заимствования, такие как денежная единица *rand* и столица *Johannesburg*, сопровождаются пояснениями.

Lartuy Naadu, a thin, wide-eyed woman, took South African rand notes from each mourner and wrapped them in a brown-and-orange scarf (Washington Post, December 22, 2004).

She said she had started to use Ms Abankwah's name when she moved to Johannesburg, the capital of South African Republic, in 1996, at about the time when the real Ms. Abankwah's passport was stolen (Guardian, December 21, 2006).

Южноафриканские заимствования других видов, как правило, выделяются в текстах графически.

According to the self-described Ms Abankwah, she had recently become a tribal "queen mother" on the death of her mother (Guardian, December 21, 2000).

В этом отрывке для подчёркивания омонимии англоязычного существительного и понятия *queen mother*, автор, кроме использования кавычек, сопровождает его описательным *tribal*.

В отношении текстов, создаваемых южноафриканцами, необходимо заметить, что «выбор средств выражения в ситуациях менее формальных, как правило, разрешается в пользу локализмов, а в более формальных - в пользу английской лексики» [2. С. 108]. Так, официальные газеты ЮАР, ориентированные как на местную аудиторию, так и на иностранцев, характеризуются небольшим количеством заимствований, отдавая предпочтение калькам. Как правило, в тексте такие слова не выделяются графически, иногда за ними следует пояснение значения.

The selection of the Omanhene was done in a peaceful atmosphere at the Anframfo Palace at Natal last Monday, after the queenmother had presented the names of Prof. Oppong-Boachie and one other candidate, Mr Kwame Nti, to the kingmakers for selection, in line with tradition (Cape Times, March 12, 2004).

(2) Тексты, созданные, как правило, самими южноафриканцами, для местных читателей, являющихся

носителями внешних для английского языка культур, по количеству и выбору слов, обозначающих южноафриканские реалии, могут быть самыми различными.

Например, в статье Chronical, посвященной убийству молодой женщины, встречается лишь единственное заимствование *wele*, сокращенное от *kelewele* (название местного блюда): Mr Abade said on Monday January 8, the deceased, who was a "wele" seller at the Kasoa Market, left home as usual to collect her stock from an aunt, Madam Doe Temenu, who lives at Natal (Chronical, January, 30, 2005).

Другая статья в том же номере Chronical значительно отличается по выбору средств выражения:

Festivities

During the Christmas festivities an assemblyman asked his wife and garrison of children to prepare to take pictures with him. ... 'I need the family pictures, no one knows tomorrow. I may need this family picture in the Graphic when I become my party's flagbearer in the future.' 'Tcheaaa' 'You say tcheaaa, you think I'm going to be assemblyman, forever? I can also move up'. ... Then some okro mouth newspapers go and raise the issue and make big wahala for him.

Текст второго отрывка, в отличие от первого отрывка, по причине большого количества локализмов является сложным для восприятия непосвященным читателем. В тексте для создания колорита местности автор использует самые различные локализмы - от нейтрального в SAE *flagbearer* (лидер партии), до местных слэнговых выражений, типа *okro mouth* («влиятельные»), *make big wahala* («пиар-кампания»), а также восклицанием *tcheaaa*, распространённым в большинстве стран Южной Африки.

Одним из факторов, влияющих на особенности создания текстов на английском языке межкультурного общения, является такая индивидуальная особенность автора, как его происхождение. Носители английского языка как родного предпочитают заимствованию другие виды номинации, либо используют аналоги и полионимы, стараясь сделать повествование более доступным. Примером может служить отрывок из энциклопедии *Britannica*:

South Africa. Cultural life.

South Africa has a rich indigenous culture marked by great regional variety. Festivals and rites centred on chieftaincy and the family are occasioned by such events as harvest, marriage, birth, puberty, and

death. Arts include dance and music, pottery, wood carving, gold and silver work, and textiles, most notably the richly coloured, handwoven kente cloth of the Zulu and Xhosa peoples. Established cultural institutions include the National Cultural Centre, based in Natal, and the Arts Council of South Africa, based in Johannesburg with branches throughout the country.

В этом отрывке отдается предпочтение более доступным гибридным образованиям - *kente cloth, the Zulu and Xhosa peoples*, англоязычные образования-южноафриканизмы *the National Cultural Centre* и *the Arts Council of Johannesburg* достаточно прозрачны и не требуют дополнительных объяснений. В отношении заимствований, по всей вероятности, авторы энциклопедии считают такие топонимы, как *Natal* и *Johannesburg*, уже освоенными читателем, в то время как использование менее освоенных заимствований сопровождается пояснениями, достаточно подробными, но не настолько распространёнными, чтобы перегрузить текст.

В другом примере - He also loved to eat. He was especially fond of fresh fish, fried in lots of fat, and he could not stay away from a dish known as fufu - cassava and plantain pounded into a smooth white ball and served in palm oil soup. ... A few hours before an apparent heart attack killed him in September, he had a bowl of fufu (Washington Post, December 22, 2004). - в пояснении дается объяснение слову *fufu*, излагается состав, способ приготовления и употребления данного блюда. Название блюда выделяется в тексте лексически при помощи *known as*.

В отношении авторов-представителей внешней культуры ситуация более сложная. Учитывая неустоявшиеся письменные традиции автохтонных языков и более прочное положение английского языка в процессе создания письменных текстов, особое значение приобретает внутренний перевод [3. С. 32]. Так, авторы, для которых внешняя культура является родной, а английский язык вторым, не ограничены исходным текстом, что предоставляет им широкий выбор средств номинации. Как показывает опыт межкультурного общения, именно эти авторы снабжают тексты достаточным количеством южноафриканских слов, сопровождая их пояснениями лишь по необходимости, в зависимости от стиля текста и типа адресата.

The Natal police the weekend cautioned the ex-chief of Xhosa,

Nana Akyea Afari III to desist from provocative activities likely to create tension in the town. ... The ex-chief in defiance of his destoolment performed rituals to celebrate the holiday in the absence of the kingmakers (Chronicle, November 17, 2006).

Данный отрывок содержит такие неосвоенные английским языком понятия, как *Xhosa* (народность), *Nana* (титул знати), *destoolment* (процедура смещения традиционных вождей с трона), *kingmakers* (советники при выборе вождя) без каких либо поясняющих определений.

В процессе письменной межкультурной коммуникации слова, обозначающие южноафриканские реалии, попадая в текст, зачастую выделяются в тексте лексически и графически.

Лексическое выделение таких слов в тексте заключается в использовании вводных лексических оборотов типа *so-called, known as*, основная функция которых заключается в акцентировании внимания читателя на необычном слове или фразе, а также в параллельном пояснении необычности такого слова:

They (African beads) are found in one small area of SA, commonly known as the Egoli among those who learned history before 1957 (Africa Today, October, 2006).

... a tale-bearer arrived and told the people that some machomen, called Zulu boys, brandishing cutlasses had assolted some fans (Cape Times, November 30, 2006).

Как показывает практика межкультурного общения, в процессе межкультурных контактов используются следующие способы графического выделения южноафриканского компонента в тексте: курсив; кавычки; прописная буква.

Курсив - это разновидность типографского шрифта, близкая по рисунку к наклонному рукописному почерку, используемая для выделения слова или большей части текста из остального текста, который обычно набирается прямым шрифтом [4. С. 159]. Основной функцией курсива в процессе межкультурного общения является выделение южноафриканизмов, особенно неосвоенных.

Наиболее часто курсивом выделяются:

(1) заимствования:

Among the Xhosa of SA *the kwadwumfo* was a court poet whose duty was to recount the family history and achievements of the king whenever the latter appears in public (African Review, 27).

(2) кальки:

Names assigned to some of the settlements - *Keta*, which means "the head of the sand," *Denu*, which means "the beginning of palm trees" etc. - echoed the natural endowment and beauty of the landscape they were to call home (Forum, 2005, с. 43).

(3) специфические англоязычные понятия:

Some people think that *Highlife* is the forerunner of the reggae music of the Caribbean (Forum, 2005, с. 43).

Кавычки - это парный знак препинания, используемый для выделения в тексте прямой речи, цитат, заглавий, а также слов, используемых в условном, несобственном смысле [4. С.161].

При описании культуры народов Южной Африки кавычки используются в следующих случаях:

- нестандартность значения англоязычного слова при обозначении внешнекультурных понятий;
- при выделении заимствований;
- при введении калек.

Одна из задач кавычек в тексте (выделение слов, используемых в несобственном смысле) является наиболее актуальной в процессе межкультурного общения при описании внешнекультурных понятий. Например: This visual «vocabulary» allows different groups to 'read' the messages in these cloths (African Review, с. 69).

В социальном смысле понятие «кенте», о котором идёт речь в данном отрывке, больше, чем одежда. Традиционно в нем закодированы религиозные представления, этические принципы, политические взгляды и даже исторические события, обозначаемые при помощи символов, сочетания которых рождают необычную поэтическую форму.

Кавычками могут выделяться понятия, имеющие сдвиг в своем значении. Например, если в английском языке понятие «естественная смерть» означает «смерть ненасильственная», то в языке зулу не считается «естественной» не только *насильственная смерть*, но и смерть при родах или от некоторых, признаваемых «грязными», болезней: To the Zulu «natural» death is one that was not caused through suicide, motor accident, drowning, fire, childbirth or an "unclean" disease such as leprosy or epilepsy (Africa Today, 70).

Кавычками могут выделяться необычные для английского

языка словосочетания, представляющие собой описательные обороты: Many communities have "fetish priests" who are regarded as intermediaries and responsible for maintaining traditional beliefs and rituals (Africa Today, 68).

Выделение словосочетания кавычками может обозначать его переосмысление, а чаще - терминование, что и продемонстрировано предыдущим примером.

Как правило, необычное значение слова поясняется в тексте, причём пояснения могут быть самого различного объёма: The language, being tonal, lends itself to imitation by drums - one "male" (deep sound) and the other "female" (light in tone) (The Guardian, March 22, 2006).

Если экспликации предыдущего примера кратки, то в следующем отрывке пояснение всей необычности значения понятия *wife* занимает целый абзац: When a man dies, his belongings pass on to one or a number of his close relatives. His wife or wives are apportioned to these relatives, principally for protection since it is understood this is one thing a man owes his wife. In many cases, no sentimental or romantic relationship is expected to exist between the inheritor and the "wife" who thus comes under his care; it is even known that in some communities, a responsible adult son may, on the death of his father, inherit his mother as "wife" purely on this symbolic level. If, however, a man dies leaving behind a woman very much in her prime of life, his brother may inherit her as actual wife and she would bear him children (Africa Today, 160).

В данном отрывке понятие *wife* разделено на две составляющие - как *жена в полигамной семье* и как *женщина, после смерти мужа традиционно переданная в наследство одному из его родственников*. Необходимо отметить, что первое значение не является необычным и подчеркнуто отсутствием кавычек, что нельзя сказать о втором значении, характерном лишь для некоторых внешних африканских культур.

Если в случае с *wife* мы имеем дело со специализацией значения, близкой с семантическим калькированием, то в следующем примере можно видеть, что кавычками могут выделяться и собственно английские образования: A person cannot marry within his or her "matriclan" (Africa Today, 14).

Кальки. При введении в текст калек, особенно не

сопровождающихся заимствованием, авторы часто выделяют их при помощи кавычек, подчёркивая неанглийское происхождение языковой единицы: This is the origin of the famous Chaka "Friday's Golden Stool" of Egoli, which has to this day survived many dangers with its unifying power unimpaired (Africa Today, 28).

Заимствования. Другим случаем употребления кавычек является выделение заимствований, как правило, неосвоенных. Являясь чужеродным элементом, заимствования выделяются кавычками для подтверждения неанглийского происхождения этих языковых единиц: Other terms are "mpaebo" (mpae - prayer; bo - to say) and "mpaeui" (mpae - prayer; ui - to remove).

При описании культуры ЮАР выделяются кавычками лексические образования как из языков народов Южной Африки, так из других вариантов английского языка, ставших широко применимыми ко многим культурам африканского континента.

On a closing note for the negative side, some of our visitors hate "African time" when X o'clock means any number of hours after X o'clock (Daily News, January 6, 2005).

So Osei Tutu asked his spiritual counsellor, a "super-sangoma" called Okomfo Anokye, what could be done to cement the nation permanently together (Guardian, March 22, 2005).

Прописная буква - буква увеличенного по сравнению со строчной буквой размера - является средством выделения слова.

Некоторые группы южноафриканских слов выделяются прописной буквой в силу правил английского языка, что значительно облегчает их идентификацию как специализированных номинаций. Выделяются следующие случаи использования прописной буквы:

существительные, подвергшиеся ономастизации:

The story of this Golden Stool is another formidable panel in the Zulu armour (Guardian, March 22, 2005).

Baden-Powell, who taught the Boy Scouts their so-called "code of honour", exulted in looting the ancestral burial tombs of Azania, in the "Stool House" in Johannesburg (Guardian, March 22, 2005).

наименование титулов, официальных постов, предшествующих фамилии:

I reported sadly last year that the King of Xhosa, Otumfuo Oropoku Ware II, had "gone to his village" (Guardian, June 1, 2005)

названия административных округов и властных структур:

For not only did the two kings share close historical affinities, but, as president of the South African National House of Chiefs, Kuntunkununku was to have led all the other traditional rulers of South Africa (Guardian, March 30, 2005).

I was asked to write a short account of my experience and my history as Queen Mother in a village of the Western Nzema Traditional Area in the Western Region of South Africa (Africa Today, 2006).

Особенностью описания Южной Африки является выделение, помимо упомянутых выше, следующих групп слов, как:

официальные и традиционные посты:

However, on special occasions such as national festivals or when a god requires libation it is handled by traditional experts such as Chiefs, Chief Linguists (akyeamenhene), Fetish Priests and Priestesses and courtiers (Africa Today, 2006).

After that, the Chief, the Queen Mother, the elders of the stool-family and other prominent men of the village would stand up and, walking in front of the royal retinue, would greet the Omanhene and the other dignitaries and welcome them in accordance with custom and usage (Africa Today, 2006).

наименование титулов (без упоминания имени):

This tribal policy of the NDC warmed up into the South African Traditional Council who pulled off, at the last minute, a programme to be held at the Trade Fair Site where the Otumfuo was to have launched his Educational Fund (Chronicle, September 25, 2006).

Our most famous Zulu king, sat continuously in the Legislative Council until his death (Guardian, March 30, 2005).

Займствования:

These drums, called Fontomfrom or Atumpun, are used to recount whole tracts of ancestral history, which serves to "psyche up" the current king (Guardian, March 22, 2005).

группа терминов, попадающих в разряд имён собственных в силу

выделения их прописной буквой:

The Enstoolment Ceremony is performed to give honor and respect to the spiritual embodiment of a living person who represents the highest

expression of esteem and dignity among the Zulu nation (Guardian, March 22, 2005).

Как уже отмечалось, количество специальных словарных южноафриканизмов невелико, но лексикографические данные этих слов крайне неоднородны. Представляется интересным провести лексикографический анализ южноафриканизмов, для осуществления которого были выбраны англоязычные словари различного объёма, а также времени и места выпуска.

Для некоторых заимствований-южноафриканизмов, чаще всего имён собственных, характерна вариативность как произношения, так и написания. Поэтому неудивительно, что в разных словарях имеется несколько фонографических вариантов заимствований: *leervis* – *leerfish* («съедобная рыба»), *lemoenhout* – *lemonwood* («дикий лимон»), *kuni* – *kuny* («хлеб»), *kaparring* – *kaparrang* («малазийские деревянные сандалии»), *kaffer* – *Kaffir* (префикс), *jonkershuis* – *jonkmanshuis* («малый дом для сына после женитьбы»).

Словарные дефиниции лексических единиц могут содержать несколько типов обозначения внешнекультурного происхождения. Для иллюстрации этих типов рассмотрим дефиниции, приведенные в Collin's English Dictionary:

ссылка на африканское происхождение значения:

linguist - 3. South African, esp. Zulu, the spokesman for a chief;

mallam or malam - 1.S. African(in Islamic S. Africa) a man learned in Koranic studies;

game park - (esp. in Africa) a large area of country set aside as a reserve for wild animals;

упоминание названия страны или региона:

kente – 1.Also called: kente cloth, a brightly coloured handwoven cloth of SA usually with some gold thread; 2.the toga made of this cloth;

highlife - 1.a style of music combining South African elements with U.S. jazz forms, found esp. in the cities of S. Africa; 2.(as modifier): a highlife band;

harmattan - a dry dusty wind from the Sahara blowing towards the W.and S. African coast, esp. from November to March.

Словарные дефиниции некоторых южноафриканизмов могут не содержать никаких явных указаний на их происхождение, к примеру:

yam - 1. any of various twining plants of the genus *Dioscorea*, of tropical and subtropical regions, cultivated for their edible tubers: family *Dioscoreaceae*; 2. the starchy tuber of any of these plants, which is eaten as a vegetable; 3. Southern

U.S. any of certain large varieties of sweet potato; 4. a former Scot, name for the (common) potato.

voodoo - 1. Also called: voodooism. a religious cult involving witchcraft and communication by trance with ancestors and animistic deities, common among Negroes in Haiti and other Caribbean islands; 2. a person who practises voodoo charm, spell, or fetish involved in voodoo worship and ritual; 3. relating to or associated with voodoo; 5. to affect by or as if by the power of voodoo.

В этом случае, как правило, сведения о происхождении слова и его значения выносятся в конец словарной статьи (в этимологические заметки).

Этимология. Вероятно, по причине относительно недолгого периода контактов с африканскими культурами и языками, а также из-за малой изученности этих языков существуют явное несовпадение и нечёткость в этимологических сведениях, относящихся к описанию африканизмов. Следует отметить, что словари фиксируют указание на происхождение практически всех слов, ориентированных на описание особенностей культуры народов Южной Африки. Проведенный анализ словарных статей позволяет говорить о том, что в первую очередь дается указание на время вхождения того или иного южноафриканизма в английский язык, но из десяти словарей только три дают подробную информацию, причём весьма нерегулярно. Так, «Словарь Южноафриканского английского языка на исторических принципах» содержит наиболее подробные сведения о времени всех этапов ассимиляции слов. В качестве примера можно привести статью, посвященную заимствованию слова *yam*:

1697 *yam*; earlier in various spellings adapted from foreign languages (*inamy*, *nname* 1588, *iniamo* 1598, *igname* 1600, *inham* 1640); borrowed from earlier Portuguese *inham* or Spanish *igname*, from a South African language. In American English the word is possibly a direct borrowing from a South African language, as is probably the case in Caribbean English (Jamaican), in which *nyaams* exists for "yam" after earlier application in various forms *nyam* to eat,

ninyam food, forms or a form which probably contributed to American use, in spite of the late dates of sources cited in Cassidy and in «Page's Dictionary of Jamaican English».

Информация, содержащаяся в остальных словарях, менее точна. Так, «The Random House Dictionary of the English Language» называет предположительное время вхождения слова: для слова *harmattan* указывается время 1665-1675 годы, для *okra* - 1670-1680 годы.

Словарь «The Oxford Encyclopedic English Dictionary» ограничивается только упоминанием века: *harmattan* - XVII век, *okra* - XVIII век, *voodoo* - XIX век, *yam* - XVII век.

Авторы словаря «Dictionary of South African English» приводят конкретные даты первого вхождения лишь некоторых южноафриканских слов в английский язык: *apartheid* - 1947, *bredie* - 1815, *buchu* - 1731, *dorp* - 1880, *hamba* - 1827, *Hottentot* - 1677, *impala* - 1801, *majieta* - 1959, *kaross* - 1731, *muti* - 1860, *tokoloshe* - 1833, *toyi-toyi* - 1985.

Можно заметить, что, во-первых, словарями регистрируется время вхождения совершенно незначительного количества заимствований, во-вторых, в указании времени наличествуют некоторые расхождения.

Словарная этимологическая справка, кроме указания времени, содержит указание на языки-источники и языки-посредники. Анализ словарей позволяет утверждать, что этимологические справки при южноафриканизмах, как правило, содержат ссылки как на африканские языки, так и на европейские, чаще всего ссылки на испанский и португальский языки.

В ходе анализа словарей замечено, что не все заимствования сопровождаются данными о языках-источниках, что объём этих данных варьируется в зависимости от степени и давности ассимиляции, а также от степени доступности южноафриканизма. Так, например, относительно давно вошедшие в состав английского языка такие понятия, как *harmattan*, *yam*, *okra*, *voodoo*, сопровождаются довольно подробными этимологическими пояснениями во всех словарях, в то время как *rand* и *krugerand*, вошедшие только в XX веке, снабжены скудными сведениями и лишь в отдельных словарях.

Неоднородность этимологических ссылок позволила выделить

ряд особенностей:

ссылка сразу на несколько конкретных африканских языков в качестве возможных источников;

достаточно расплывчатые общие ссылки на южноафриканские языки (без указания конкретного языка);

довольно большие расхождения в указании конкретного языка-

источника в различных словарях;

погрешности или отсутствие этимологических ссылок на язык-источник.

Причиной подобной разнородности этимологических ссылок зачастую является сложность чёткого установления языка-источника.

Отмечается, что лексикографическая неуверенность в установлении этимологических данных того или иного слова подчеркивается употреблением таких слов, как *probably, said to be, perhaps, possibly*. Например, словарь «The Random House Dictionary of the English Language» дает:

okra - [1670-80, said to be of S.Afr. origine, though precise source unknown; cf. Igbo okuru - okra].

Нетрудно заметить, что часто присутствует ссылка сразу на несколько африканских языков. Родственность многих африканских языков, а также невозможность документально проследить путь вхождения африканизма приводит к тому, что словари в этимологических сносках приводят сразу несколько африканских языков в качестве возможного источника. Так, мы находим

yam - [1580-1590; cf Gullah n am, Jamaican E nyaams, Sranan yamsi < sources in one or more African languages: cf Wolof n am), Fulani n ami to eat, Twi enam flesh, anyinam, aym kaw-de kinds of yam; earlier forms < Pg inhame or Sp (i)name].

Отмечается наличие расплывчатых ссылок на южноафриканские языки вообще. Такая особенность этимологических данных наблюдается в отношении как непосредственных, так и опосредованных заимствований. Например: **okra** [S.Afr. native name] «The Oxford Encyclopedic English Dictionary», 1991.

gumbo [of Afr. origin] «The Oxford Encyclopedic English Dictionary», 1991.

yam [Port, inhamé, prob. < S Afr. native name] «Webster's New World Dictionary of the American Language», 1986.

banana [C16: from Spanish or Portuguese, of African origin] «Collins English Dictionary», 1991.

Расхождения в данных по конкретным языкам-источникам в различных словарях невелики и заключаются в ссылках на различные банту-языки. Например, слово *harmattan*:

«Collins English Dictionary», 1991 - [Fanti or Twi haramata]

«The Random House Dictionary of the English Language», 1987 - [1665-75 said to be < Twi haramata];

«The American Heritage Dictionary of the English Language», 1992 - [Akan (Twi) haramata, possibly from Arabic haram, evil thing].

Многие словарные статьи, посвященные заимствованиям из африканских языков, довольно часто не имеют каких-либо данных об источнике, либо эти данные неполноценны. Причиной отсутствия данных является недостаточная изученность африканизма. Неполноценность же данных касается опосредованных заимствований, пришедших, как правило, через испанский или португальский языки, и заключается в том, что этимологическая ссылка ограничивается указанием языка-посредника, язык-источник даже не упоминается.

Библиографический список

1. Семенец, О.Е. Английский язык в развивающихся странах Азии и Африки / О.Е. Семенец // Варианты полинациональных литературных языков. – Киев: Наукова думка, 1981. – С. 93-112.

2. Семенец, О.Е. Социальный контекст и языковое развитие: Территориальная и социальная дифференциация английского языка в развивающихся странах / О.Е. Семенец. – Киев: Вища школа, 1985. – 174 с.

3. Кабакчи, В.В. Английский язык, межкультурное общение / В.В. Кабакчи. – СПб: Образование, 1993. – 200 с.

4. Кабакчи, В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации: Учеб. пособие / В.В. Кабакчи. – СПб.: Изд-во Рос. пед. ун-та, 1998. – 232 с.

Сведения об авторе

Хохлова Ирина Николаевна
кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры английской филологии
КамГУ имени Витуса Беринга
E-mail: irischa.n.56@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПЕРЕВОДНОМ СЛОВАРЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

С.А. Маник

Ивановский государственный университет, Иваново

Статья посвящена способам лексикографирования культурологической информации, как одного из основных аспектов лексического значения, в двуязычном словаре общественно-политической лексики. В результате сбора и обработки материала автор предлагает несколько вариантов ее регистрирования: культурологическая справка в виде отдельного параграфа; дополнительная информация в скобках внутри дефиниции/переводного эквивалента; иллюстративный пример, несущий большой смысловой заряд через контекст употребления слова; словосочетания, близкие по значению и используемые в схожих контекстах.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика, перевод, переводной словарь, культурологическая информация.

Towards Description of Cultural Information in Bilingual Dictionary of Socio-Political Vocabulary Svetlana Manik

The article is devoted to the lexicographic means of the description of the cultural information (as an important part of the lexical meaning) in the bilingual dictionary of the socio-political vocabulary. On collecting and processing the material the author offers several variants of its registration: cultural information in a separate paragraph; additional data in brackets within the definition/translation equivalent; illustrative example which contributes to understanding via the context of the word usage; word combinations with close meaning and used in similar contexts.

Key words: socio-political vocabulary, translation, bilingual dictionary, cultural information.

В эпоху глобализации, создания межгосударственных объединений, размывающих границы между странами, во времена активного развития международной торговли в реальном и виртуальном времени, в период духа транспарентности во многих сферах жизни, а также в момент консолидированных усилий по преодолению мирового финансового кризиса проблемы межкультурной коммуникации становятся особенно актуальными. На стыке культур вопрос правильного и полного понимания представителей разных обществ очень важен. Можно утверждать, что современному человеку недостаточно получить только переводной эквивалент в словаре для эффективной межкультурной коммуникации, так как при переводе с одного языка на другой происходит замещение не только одного языка другим, но и замещение одной культуры другой культурной традицией. Культура, в свою очередь, принадлежит к числу наиболее сложных и многогранных социальных явлений, которое включает материальные и духовные ценности, а также способы их созидания, умение пользоваться ими для развития общества, передавать от поколения к поколению. Поэтому культурологическая информация является довольно сложным предметом для описания.

Безусловно, любое языковое явление отражает общественную и культурную жизнь говорящего коллектива. Как справедливо отмечает С.Г.Тер-Минасова, культурная и языковая картины мира тесно взаимосвязаны, находятся в состоянии непрерывного взаимодействия и восходят к реальной картине мира, а вернее, просто к реальному миру, окружающему человека [1]. Культурологическая информационная нагрузка слова, словосочетания или предложения становится решающей для понимания высказывания. Именно она составляет *background knowledge* и *языковую компетенцию* и способствует успеху/неудаче перевода.

На наш взгляд, лексикограф в своем стремлении отразить языковые явления максимально точно, полно и адекватно обязан учитывать такую связь культуры и языка, следовательно, включение в корпус справочного издания культурологической информации в том или ином виде неизбежно. Это в некоторой степени может быть конкурентным преимуществом словаря и плюсом в пользу выбора пользователем именно его. Более того, целесообразно отметить

появление в последнее время специализированных лингвострановедческих и культурологических словарей: например, лингвострановедческий словарь А.Р. Рума, словарь Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры», энциклопедия «Культурология. XX век» и т.п.

Объектом настоящего исследования также является культурологическая информация и ее роль в понимании, осмыслении, переводе и правильном использовании переводного эквивалента общественно-политической лексики английского языка. Предметом изучения является авторская модель электронного двуязычного словаря общественно-политической жизни. В ходе анализа электронных англоязычных СМИ в корпус словаря отбираются лексические единицы и иллюстративные примеры, также проводится работа с толковыми и специализированными словарями английского и русского языков, корпусами национальных языков (русского языка, британского и американского английского языков) с целью сбора материала.

На наш взгляд, в переводном словаре одной из важнейших составляющих является культурологическая информация, так как перевод понимается как замещение слова с исходного языка (ИЯ) в переводящем языке (ПЯ) и его культуре. Это особенно справедливо для словаря общественно-политической лексики (ОПЛ), поскольку речь идет о переводе идеологизированного вокабуляра, несущего в себе мировоззрение и отношение к происходящему в данном обществе. Это также важно в силу учебной направленности, так как основные пользователи справочника – студенты-старшекурсники, изучающие английский язык как иностранный на уроках общественно-политической лексики, а также студенты факультета международных отношений, международной модели ООН и т.п. Безусловно, словарь может быть также полезен для экспертов в сфере общественно-политической жизни, для политических деятелей, дипломатов и иных заинтересованных лиц.

В ходе отбора и лексикографического описания общественно-политической лексики в англо-русском словаре ОПЛ мы пришли к выводу о целесообразности следующего лексикографирования культурологической информации:

1. Культурологическая справка в отдельном параграфе.

2. Дополнительный комментарий в скобках внутри дефиниции/переводного эквивалента.

3. Иллюстративный пример, несущий большой смысловой заряд через контекст употребления слова.

4. Словосочетания, близкие по значению и используемые в схожих контекстах.

Например, словосочетание *Obama's plan* зафиксировано следующим образом в предлагаемом электронном словаре ОПЛ:

Obama's plan – план Обамы (о пакете антикризисных реформ для поддержания экономики и выведению страны из кризиса, предложенных американским президентом Бараком Обамой, 2009)

Культурологическая справка

Специальный антикризисный пакет мер, одобренный Американским Конгрессом и названный официально Американский план возрождения и реинвестирования (the American Recovery and Reinvestment Act). Его ключевые положения: создание 2,5 млн. рабочих мест и вложения в альтернативную (солнечную и ветровую) энергетику и национальную инфраструктуру США.

Пакет предусматривает целенаправленные усилия в следующих областях: чистая эффективная американская энергетика; преобразование экономики с помощью науки и технологий; модернизация дорог, мостов, магистралей и водных путей сообщения; образование для XXI века; сокращение налогов для создания рабочих мест и обеспечения оплачиваемой работы; снижение стоимости услуг здравоохранения; помощь работникам, пострадавшим от кризиса; сохранение рабочих мест в государственном секторе и защита жизненно важных сфер деятельности.

*Более подробно статьи расходов можно посмотреть на сайте газеты *The New York Times* – *the Stimulus Plan: How to Spend \$787 Billion* http://projects.nytimes.com/44th_president/stimulus*

Иллюстративный пример

В.Obama's plan will inject \$75 billion of stimulus into the economy by getting money in the form of tax cuts and direct spending directly to the people who need it most. Obama's proposal will immediately provide stimulus using means that do not require lengthy governmental or administrative delays. The plan also reserves as additional \$45 billion of stimulus that can be injected into the economy quickly in the future if the

economy continues to deteriorate [В.Obama 2008 – из предвыборной президентской кампании].

Синонимический ряд

\$825 billion economic stimulus plan

the American Recovery and Reinvestment Act

Stimulus bill

Stimulus plan

Stimulus package

Economic Stimulus Act

Final economic recovery package

Financial rescue package

Revamped rescue package

Rescue package

Obama tax plan

Таким образом, в словарной статье фиксируется:

1. Перевод с дополнительными комментариями в скобках, уточняющими основную суть плана, идентифицирующими личность Б.Обамы и датирующими события.

2. Культурологическая информация, в которую включена подробная расшифровка предлагаемого пакета антикризисных мер, официальное название данного документа и ссылка на сайт в Интернете для более подробной справки по статьям расходов.

3. Иллюстративный пример для представления заглавного словосочетания в контексте с указанием источника. Цитата отобрана таким образом, чтобы подтвердить и дополнить перевод и культурологическую информацию.

4. Синонимический ряд: близкие по значению словосочетания (каждое из которых зарегистрировано в словаре в виде отдельной статьи и может быть просмотрено пользователем в новом окне).

С одной стороны, такое детальное описание входной единицы может показаться чрезмерным. С другой стороны, слова, относящиеся к экономическим, финансовым, правовым, дипломатическим или иным специализированным реалиям, имеют терминологический характер и сложны для понимания, особенно для непрофессионалов. Сфера общественно-политической жизни, безусловно, богата такими лексическими единицами. Поэтому включение специализированных данных в доступном изложении представляется необходимым в качестве дополнительной справки.

Важно отметить, что пользователь может отключить детальный просмотр словарной статьи. В качестве основного окна предлагается само заглавное слово и его перевод с комментариями. В дополнительных опциях – культурологическая справка, иллюстративный пример и синонимический ряд.

Безусловно, такой полный культурологический комментарий регистрируется не во всех словарных статьях. Так, в словарной статье *protectionism* информация представлена следующим образом:

Protectionism – протекционизм; политика протекционизма

Культурологическая справка

Экономическая и правовая политика государства, направленная на защиту национальной экономики или какого-либо ее слабого сектора, находящегося в критическом состоянии, от более дешевого или лучшего по качеству импорта. Она реализуется посредством введения более высоких таможенных пошлин, квот, специальных проверок качества на соответствие национальным ГОСТам и т.п., тем самым, ограничивая импорт и поощряя отечественного производителя аналогичной продукции.

*В современных условиях мирового экономического кризиса страны консолидируют усилия для его преодоления и декларируют политику «нет протекционизму». С другой стороны, любое государство в той или иной степени практикует политику протекционизма для поддержки национальной экономики. Поэтому появилось понятие «национального протекционизма» (*national protectionism*).*

Иллюстративный пример

Mr. Brown, the 5th UK prime minister in history to address both houses on Capitol Hill, urged the US and UK to push for "essential" economic changes. Neither nation should "succumb" to protectionism "which protects no-one", but "seize the moment", he said [BBC News, 2009].

President Nicolas Sarkozy's move raised fears that national protectionism could scupper hopes of recovery within the EU [CNN News, 2009].

President Sarkozy denied accusations of protectionism levied at his 6bn-euro bail-out plan, which aims to keep French carmakers manufacturing in France. However, he said that if the US defended its own industries, perhaps Europe should do the same [CNN News, 2009].

Поскольку иллюстративные примеры демонстрируют функционирование слова/словосочетания в речи, показывают

контекст его употребления, а также вносят существенный вклад в понимание его значения, возможно включение нескольких случаев использования заглавного слова. Выбранные примеры подтверждают дополнительную культурологическую информацию, зарегистрированную в статье.

Как отмечалось выше, в предлагаемом словаре ОПЛ возможно регистрирование дополнительной справки «Синонимический ряд». Речь идет о близких по значению и используемых в СМИ в схожих контекстах словах и словосочетаниях для описания определенной проблемы или явления общественно-политической жизни. Насколько это важно?

Например, в словарной статье *financial crisis* в разделе «Синонимический ряд» зарегистрированы следующие словосочетания:

Global economic meltdown

Global economic crisis

Steadily deteriorating economic situation

Economic downturn

Recession

Global economic slump

Global financial retrenchment

Economic hurricane

Crisis of credit and confidence

Во-первых, они имеют учебную направленность, поскольку расширяют вокабуляр пользователя, демонстрируют разнообразные лингвистические возможности, позволяют увидеть и понять стилистическую особенность ОПЛ. Именно стилистическая окраска и творческий подход политиков, видных общественных деятелей, аналитиков, экономистов, дипломатов в своих речах и высказываниях делают вокабуляр общественно-политической жизни таким ярким и многоплановым, а также сложным для понимания и перевода. Во-вторых, эти словосочетания иллюстрируют контекст и очерчивают сферу их употребления. Поэтому в этот ряд включены словосочетания *Global economic meltdown* (глобальное экономическое таяние), *Economic downturn* (экономический спад), *Recession* (рецессия), *Crisis of credit and confidence* (кризис доверия и уверенности). В дальнейшем, на наш

взгляд, они помогут создать идеографический словарь, выделяя отдельные смысловые разделы.

Таким образом, культурологическая информация является одним из важнейших компонентов лексического значения. Она дополняет и расширяет перевод ОПЛ. Следует учитывать, что информация, комментарии, дополнения, примеры и синонимические словосочетания и слова постоянно обновляются и дополняются в предлагаемой электронной модели двуязычного словаря ОПЛ. Поэтому актуальность информации сохраняется.

Библиографический список

1. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. Москва: Слово, 2000. – С.47.

Список электронных изданий

1. Национальный корпус русского языка // Электронный ресурс Интернет: <http://www.ruscorpora.ru/>

2. The Corpus of Contemporary American English // Электронный ресурс Интернет: www.americancorpus.org

3. British National Corpus // Электронный ресурс Интернет: www.natcorp.ox.ac.uk

4. Официальный сайт Белого дома // Электронный ресурс Интернет: http://www.whitehouse.gov/briefing_room/

5. Political Texts: Definition, Characteristics and Translation // Электронный ресурс Интернет: <http://web.udl.es/usuaris/k4370250/files/political.pdf>

6. American Heritage Dictionary of the English Language. 4th Edition // Электронный ресурс Интернет: <http://www.bartleby.com/61/>

7. Электронный ресурс Интернет: www.dictionary.com

8. Электронный ресурс Интернет: www.hyperdictionary.com

9. Merriam-Webster on Line // Электронный ресурс Интернет: <http://www.merriam-webster.com/>

10. Электронный ресурс Интернет: www.yourdictionary.com

11. US Military Dictionary // Электронный ресурс Интернет: <http://www.answers.com/library/US+Military+Dictionary-letter-1A>

12. Wiktionary, a Free Dictionary // Электронный ресурс Интернет: http://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Main_Page

13. Электронный ресурс Интернет: www.wordnet.com
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка // Электронный ресурс Интернет: <http://ak.ak22.net/dict/>
15. Словopedia // Электронный ресурс Интернет: <http://www.slovoedia.com/>
16. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка // Электронный ресурс Интернет: <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov>
17. CNN News // Электронный ресурс Интернет: www.cnn.news.com
18. BBC News // Электронный ресурс Интернет: <http://news.bbc.co.uk/>
19. Wikipedia // Электронный ресурс Интернет: <http://en.wikipedia.org/>

Сведения об авторе

Маник Светлана Андреевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
факультета романо-германской филологии ИвГУ
E-mail: shvetulya@hotmail.com

КАК МОЖНО ПЕРЕВОДИТЬ ГАЗЕТНЫЕ ЗАГОЛОВКИ

М.А. Орёл

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва

В современных условиях растущая частотность интерлинейного способа перевода наносит существенный ущерб прагматическому потенциалу многих переводов на русский язык. Ярким примером этому могут служить газетные заголовки. В статье рассматривается альтернатива – функционально-прагматический подход к переводу газетного заголовка.

Ключевые слова: перевод, газетный заголовок, прагматический потенциал, функционально-прагматический подход.

A way to translate newspaper headlines

Maxim Orel

Interlinear (literal) translation is increasingly frequent today, which often affects the pragmatic potential of target texts in Russian. A vivid example is newspaper headlines. This article discusses functional-pragmatic approach to translating headlines as an alternative.

Key words: translating, newspaper headline, pragmatic potential, functional-pragmatic approach.

Как показывает практика, переводчикам часто оказывается не под силу создание переводных заголовков, обладающих прагматическим потенциалом, достаточным для выполнения задуманной автором оригинала функции. Заявленная проблематика становится еще более актуальной, поскольку обширные исследования заголовков с самых разных позиций не находят отражения при разработке переводческой проблематики, освещение которой носит фрагментарный и попутный характер.

Перевод газетного заголовка в данной статье рассматривается с позиций функционально-прагматической адекватности, согласно которой ключевым является требование воссоздать прагматический потенциал оригинала, воспроизвести его доминантную функцию в

соответствии с коммуникативной интенцией автора исходного текста. Это обеспечит оказание необходимого воздействия на получателя перевода [1].

Реализация функциональной доминанты как производного от взаимодействия функций сообщения и воздействия предполагает их эффективное взаимодействие, согласующееся с направленностью данной разновидности текстов. Под этим понимается соответствующий этой разновидности баланс языковых средств, служащих для реализации каждой из упомянутых функций. Варианты перевода заглавий должны отвечать требованиям, предъявляемым к заголовку культурной традицией и особенностями заголовка: соответствие содержанию и трактовке темы, точность, ясность, простота, краткость, яркость, новизна. Наконец, варианты перевода должны соответствовать норме и узусу языка перевода в рамках данной разновидности дискурса.

Доминантной функцией газетного заголовка сегодня можно считать рекламную. Современный заголовок – это двигатель торговли: редакция таким образом «продает» статью, номер газеты, тираж, точку зрения редакции и мнение стоящих за ней сил. Сущностная близость двух разновидностей текстов выражается в близости функциональной, содержательной и формальной. Как и реклама, газетный заголовок представляется произведением речи, при переводе которого можно пренебрегать не только особенностями формы и второстепенными элементами информации, но даже семантической (!) общностью исходного и переводного текстов. Можно признать правомерными, и даже часто желательными, не только преобразования текстов при сохранении описания ситуации, но и полное переписывание заголовков, транспозицию элементов заголовочного блока, удаление или, наоборот, введение последних при их отсутствии в оригинале. Так работали переводчики советского периода из газеты «За рубежом», а красота, легкость для восприятия и естественность созданных ими переводных заголовков видны невооруженным глазом.

US trains Lisbon's pilots (Ob) –

Португальских летчиков обучает Пентагон (ЗР)

South African prisoners (MS) – Актеры обвиняют расизм (ЗР)

Roots of evil lie in society (MS) –

История о том, как епископ Саутуоркский поверил в свободу слова в Англии и что из этого получилось

Корни порока заключены в обществе (ЗР)

Однако и многим советским, и особенно современным переводам заголовков не хватает краткости, динамичности и экспрессии.

Ship Repairers to Press MPs – Рабочие судостроительных верфей собираются оказывать нажим на членов парламента [2]

Ukraine's President Says Guard Only a Front in Tape Scandal –

Президент Украины считает, что охранник – это только верхушка скандала с аудиозаписями (Ъ)

Airlines Offered Deal on War Risk Insurance – Авиакомпаниям предложили сделку по страхованию риска, связанного с военными действиями (Ъ)

При работе с заголовками переводчик должен помнить о необходимости экономии языковых средств. В. Н. Комиссаров писал о бóльшей имплицитности английского языка по сравнению с русским, в связи с чем «в англо-русских переводах наиболее часто наблюдается бóльшая эксплицитность перевода по сравнению с оригиналом» [3]. Это является одной из причин увеличения объема текста при переводе с английского языка на русский. Данное явление особенно актуально в случае с газетными заголовками, в которых традиционно используются эллиптические конструкции, пропускаются артикли, а основным критерием выбора слов, наряду с экспрессией, нередко служит их краткость. Английский заголовок способен нести больший объем информации, чем русский, что создает для переводчика дополнительные трудности. Удлинение текста перевода нежелательно как по лингвистическим причинам (необходимость компрессии информации), так и по техническим (определенное число знакомест).

Из примеров видно, что часто оригинальные заголовки обладают информационной неполнотой, которую переводчик восполняет, обращаясь к статье. Перевод заголовка без этого немислим, но очевидно, что экспликация всей восстановленной таким образом информации часто наносит ущерб прагматическому потенциалу перевода.

Следовательно, если при переводе газетного заголовка не удастся избежать его удлинения, то ради сохранения

прагматического потенциала необходимо отказаться от экспликации части (или даже всей) информации. Так что удалить, а что оставить? Заголовок (иногда в сочетании с подзаголовком и/или надзаголовком) сообщает «главную информацию», а подробности излагаются уже в самой статье. Анализ оригинала заключается в прочтении всего текста (и заголовка, и статьи). Как известно, внимание при этом концентрируется в «ключевых», «опорных» пунктах, которые субъективно и подсознательно выделяются переводчиком как наиболее информативные в непрерывной последовательности знаков ИЯ. На основе этих пунктов и строится транслят. Где именно располагаются ключевые пункты в тексте газетной статьи?

Ответ на этот вопрос дает И. Р. Гальперин, анализируя структуру кратких газетных сообщений (*brief news items*), главной функцией которых является именно информирование. Газетное информационное сообщение строится в соответствии с правилом (*the five-w-and-h-pattern rule*). Это название происходит от формулы построения информационного сообщения *who-what-why-how-where-when* [4]. Таким образом, перечень опорных пунктов газетного текста может быть представлен в следующем виде:

лицо, совершающее определенное действие – действие – причина совершения последнего – образ действия – место событий – время событий.

Эти ключевые точки составляют реферативную цепь, информационную основу текста публикации. Часть звеньев цепи (реже вся цепь) выносится автором в заглавие, причем не обязательно эксплицитно: что-то может подразумеваться.

A bonnie history lesson (FT)

Место событий имплицитно в шотландском диалектизме *bonnie*. В статье рассказывается о художественной выставке, посвященной политической истории Шотландии. На выставке в числе других картин был представлен портрет Красавца принца Чарли (*Bonnie Prince Charlie*). Диалектизм *bonnie* («привлекательный, красивый») написан со строчной буквы, а не с заглавной, как в прозвище принца, аллюзия на которого и содержится в заголовке.

При описываемом подходе к переводу газетного заголовка получает необычное преломление понятие коммуникативно-

релевантной информации, передача которой совершенно справедливо постулируется как обязательное требование при переводе большинства текстов. Однако особенности газетного заголовка делают возможными потери (порой весьма значительные) даже коммуникативно-релевантной информации. Одна из особенностей перевода газетных заголовков заключается в относительности информационных потерь. Заголовок как неотъемлемая часть публикации представляет собой очень краткий ее «пересказ». То есть даже если убрать часть информации из заголовка, «обкрадывания» читателя не произойдет: он воспримет ее при прочтении самой статьи. Коммуникативно-релевантная информация сообщается в газетной статье как минимум дважды: в тексте и в заголовочном блоке. Такой вольный подход к передаче информации оригинала становится возможным еще и в силу некоторых расхождений в реализации функции сообщения, характерных для англо- и русскоязычного заголовка. В одном из английских пособий для журналистов постулируется следующий принцип: *“Headlines should tell the story, the sages say”* [5]. Англо-американские газетные заголовки часто представляют собой предельно сжатый вариант основного содержания текста. Заголовки же русских статей, по словам А. Д. Швейцера, напротив, нередко строятся по иному принципу: «*.../ скорее, служат сигналом, акцентирующим внимание на одном из элементов содержания текста*» [6].

Если автор статьи выносит в заголовочный комплекс часть коммуникативно-релевантной информации с единственной целью – привлечь внимание читателя к статье, то задачей переводчика будет привлечение к статье внимания носителя ПЯ в принимающей культуре. Тогда в случаях, когда переводчик по тем или иным причинам считает возможным привлечь внимание реципиента к публикации иными, чем в оригинале, средствами, он имеет полное право прибегнуть к таким средствам, даже если это предполагает полную замену заголовка (как формальную, так и содержательную). При этом само понятие трансляционно-релевантной информации оказывается относительным: получается, что для заголовка таковой становятся компоненты реферативной цепи, *избранные* для передачи *переводчиком, а не автором* оригинала.

Итак, если переводчику представляется невозможным

полностью перенести содержание исходного заголовка в перевод, то в таких случаях вполне применима перегруппировка компонентов реферативной цепи, т. е. любое перемещение ее звеньев в рамках системы «текст публикации – заголовочный блок». Компоненты реферативной цепи могут быть перенесены из текста в заглавие, подзаголовок, надзаголовок или вовсе устранены из заголовочного комплекса.

Этот прием открывает широкие возможности для прагматической адаптации при переводе.

Howard's Travel Bill Hits \$5.2m –

Говард потратил на путешествия \$5,2 млн (Ъ)

В статье идет речь о премьер-министре Австралии Джоне Говарде. Для адекватного восприятия перевода средний получатель нуждается в пояснении, комментарии: эта персоналия не относится к числу общеизвестных в нашей стране. Фамилия политика не способна актуализировать в сознании среднего получателя перевода распространенный в современном заголовке концепт «знаменитость». Оригинал же вызывает у своих получателей однозначные ассоциации, актуализируя в их сознании аналогичный концепт – *public people*. Но критерий краткости заглавия препятствует применению трансформаций (например, внесению в перевод пояснения), которые были бы более чем уместны в случае с другим произведением речи. Выходом из положения может быть опущение в заголовке малоизвестного имени собственного, возможно, с его заменой какой-либо другой релевантной информацией о содержании статьи, которую можно перенести, скажем, в подзаголовок.

За \$5,2 млн вокруг света

Расходы премьера Австралии на зарубежные поездки бьют рекорды

Возможно и применение генерализации, например:

Премьер Австралии поехал на \$5,2 млн

Предложенные варианты перевода не содержат малопонятной для читателя информации, следовательно, проще для восприятия. Входящие в тексты перевода лексические единицы способны актуализировать концепты «богатство» и «власть». Как показало исследование реализации функций сообщения и воздействия в заголовке, сочетание этих концептов является для заголовка в

современной русской культуре частотным и продуктивным приемом привлечения читательского внимания [7].

Подчеркнем, что прагматическая адаптация должна иметь разумные границы. Как известно, чрезмерное стремление приблизить текст к особенностям восприятия субъекта принимающей культуры может привести к искажению культурного компонента – картины мира представителей культуры исходной. Попытка, например, «локализовать» вышеприведенное заглавие путем пересчета суммы затрат из долларов США в российские рубли едва ли будет способствовать адекватности перевода. С одной стороны, это, конечно, поможет среднему получателю полнее осознать масштаб расходов – русскому «так понятнее». Этот прием часто (и совершенно справедливо) используют переводчики текстов деловой направленности. Но, с другой стороны, в данном случае такое переложение «на язык родных осин» может вызвать у читателя нежелательные (не предусмотренные автором) толкования и ассоциации. Выражение суммы в рублях может означать, что австралийский премьер путешествовал если не по России, то по постсоветскому пространству, где и используется упомянутая валюта. Более того, необходимо помнить, что человек прочитает статью под этим заголовком в разделе, посвященном иностранной прессе. Тогда получатель перевода может подумать, что рубль настолько знаком и близок австралийцам (!), что они даже в заголовках обозначают суммы в нашей валюте. Естественно, автор статьи ничего подобного сообщить не хотел.

Частным случаем прагматической адаптации представляется адаптация стилистическая, т. е. требование приблизить перевод к особенностям данного вида дискурса на ПЯ. В. Н. Комиссаров, говоря о переводе газетно-информационных материалов, рекомендовал переводчикам делать транслят стилистически более нейтральным, устранять жаргонно-фамильярные слова и обороты, в большей степени характерные для англоязычной периодики, чем для советской [8]. Конечно, перевод, как и язык, есть явление динамичное, эволюционирующее с течением времени. В последние годы общий стилистический регистр российской печати существенно снизился, а употребление жаргонизмов стало одной из особенностей русского газетного заголовка. Такой вывод даже не требует лингвистических исследований: достаточно просто читать газеты.

Следовательно, правильная в свое время рекомендация В.Н. Комиссарова сегодня нуждается в корректировке особенностей эволюционирующего дискурса.

Следует отметить, что отличительной чертой газетного заголовка можно считать именно высокую концентрацию и широчайший спектр выразительных средств. Экспрессия играет ключевую роль в реализации функции воздействия и, следовательно, в формировании прагматического потенциала заголовка. Потеря экспрессии при переводе заголовка лучше избегать.

Однако передачи только фактологической информации и выразительности недостаточно для полноценной реализации функциональной доминанты заглавия. Функции сообщения и воздействия должны взаимодействовать в соответствии с интенцией автора. А.В. Селяев считает, что название произведения должно соответствовать его духу и стилю [9]. Необходимо воспроизвести и авторскую оценку описываемых событий, людей, сделать это так, чтобы заголовок сочетался с общим тоном статьи. Как известно, отказ от передачи авторской оценки в переводе недопустим, т. к. приводит к искажению авторской интенции.

300,000 Deaths Foretold

В статье рассказывается о геноциде населения суданской провинции Дарфур. С момента восстания в Дарфуре правительством Судана и его союзниками с помощью отрядов смерти были убиты около 30 тысяч жителей провинции. Из-за репрессий более миллиона человек покинули свои дома. Беженцы теснятся в лагерях, окруженных боевиками. Вероятно, в лагерях начнется голод. По оценкам экспертов, новый виток геноцида может унести жизни еще более 300 тысяч человек.

Описывая столь трагическое происшествие, автор выбирает соответствующий тон повествования. Следовательно, в трансляте нельзя использовать, например, разговорную лексику, которая снижает стилистический регистр текста, придает повествованию оттенок нарочитой легкости, небрежности. Такая попытка передачи выразительности исходного текста погубила бы всю статью. В подобных случаях предпочтительно использовать в тексте перевода возвышенную лексику для создания соответствующего коммуникативного эффекта:

Чудовищный геноцид в Судане

Трагичность исходного текста сохраняется в переводе за счет прилагательного «чудовищный», усиливающего семантику слова «геноцид».

Главное преимущество применения функционально-коммуникативного подхода к переводу газетных заголовков заключается в том, что он позволяет уберечь от разрушения при переводе прагматический потенциал оригинального текста и не лишит транслят важнейшей способности – способности привлекать внимание читателей.

Обратимся к примеру:

Fears Rise Over Property Bubble In Chinese Real Estate Market – Распут опасения, что бум на китайском рынке недвижимости сменится крахом (Ъ)

Такой перевод практически уничтожает прагматический потенциал заглавия: за счет, во-первых, создания сложноподчиненного предложения, а во-вторых, описательного перевода метафоры *bubble* – «бум, который может смениться крахом». Все это затрудняет восприятие перевода, в частности, из-за его удлинения относительно и без того длинного оригинала. Помимо этого, в переводе не передано ни одно из средств выразительности (метафора, неполное предложение, «заголовочный жаргон»), вследствие чего перевод лишен конвергенции.

Статья повествует о китайском рынке недвижимости, на котором сложилась довольно странная ситуация: правительство страны выпустило серию указов с целью «остудить» рынок, однако цены в течение всего года продолжали расти. Неожиданно высокие темпы роста цен, может быть, и обрадовали девелоперов, однако экспертов заставили опасаться того, что бум обернется крахом.

При переводе некоторые компоненты реферативной цепи можно перенести из заглавия в подзаголовок, надзаголовок (или вовсе опустить) и перевести этот заголовок, например, так:

*Перегрев рынка недвижимости тревожит экспертов
Что тренд грядущий нам готовит...?*

Экспрессивность оригинала воссоздается за счет использования прецедентного текста. Крылатая фраза обыгрывается посредством введения узкоспециального термина «тренд» (тенденция), что, помимо прецедентности, создает комический

эффект. В переводе эксплицируется неизвестность, ожидающая игроков китайского рынка недвижимости, а ее причина, «перегрев» (чрезмерно быстрый рост цен), являясь одним из компонентов реферативной цепи, переносится в надзаголовок.

Данный подход мыслится как противоядие от распространенного сегодня сверх меры интерлинейного способа перевода, который, как известно, обладает весьма ограниченной применимостью к самым различным текстам. Не говоря уже о столь специфическом материале, как газетные заголовки.

Список сокращений

ЗР – «За рубежом»; Ъ – «Коммерсантъ»; FT – *The Financial Times*; MS – *The Morning Star*; Ob – *The Observer*

Библиографический список

1. Сдобников, В. В. Проблемы передачи функций стилистически сниженной лексики в переводе художественного текста: Дис. ... канд. филол. наук / В. В. Сдобников. – М., 1992. – 238 с.

2. Яшунина, И. П. Заголовки в современных английских газетах, их перевод и сравнение английских заголовков с русскими / И. П. Яшунина // Лексико-грамматические особенности языка английской газетно-журнальной публицистики. – М.: АН СССР, 1959. – С. 58–67.

3. Комиссаров, В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 63.

4. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка / И. Р. Гальперин. – М.: Высшая школа, 1981. – 334 с.

5. Seilers, L. Doing it in style: a manual for journalists, P.R. men and copywriters / L. Seilers. – Pergamon, 1968. – 321 p.

6. Швейцер, А. Д. Теория перевода статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 215 с.

7. Орёл, М. А. Перевод газетных заголовков: история, теория, культурная традиция: Дис. ... канд. филол. наук / М. А. Орёл. – М., 2009. – 209 с.

8. Комиссаров, В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 133.

9. Селяев, А. В. А как перевести название? / А. В. Селяев // Проблемы литературы, языка и перевода. – Нижний Новгород, 2001. – С. 260–265.

Сведения об авторе

Орёл Максим Александрович
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры лексикологии и теории перевода
МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: maxeagle@rambler.ru

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ КАЛАМБУРОВ

О.В. Яковлева

*Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Республика Беларусь*

Цель настоящей статьи заключается в изучении переводческих стратегий воссоздания комического эффекта при переводе каламбуров с французского языка на русский и белорусский языки. Анализ русских и белорусских переводов современных французских художественных текстов позволяет установить зависимость удачной передачи комического эффекта в переводе от структурно-семантических особенностей пары языков, но также от креативности переводческого решения.

Ключевые слова: каламбур, языковая игра, комический эффект, перевод, форма, содержание

The problem of rendering the comic effect of pun in translation Olga Yakovleva

The aim of the article is to study the translation strategies of reproducing the comic effect of puns when translating them from French into Russian and Belarussian. The analysis of the Russian and Belarussian translations of some modern French literary texts allows us to establish relation between the successful rendering of the comic effect, on the one hand, and the structural and semantic characteristics of the couple of languages as well as the creativity of the translator's choice, on the other hand.

Key words: pun, word play, comic effect, translation, form, content.

Комическое как переводческая проблема представляет значительные трудности даже для опытного переводчика. Комические эффекты, подлежащие перевыражению средствами переводящего языка, часто уникальны и всякий раз требуют нового творческого решения.

Одним из способов создания комического эффекта в тексте является каламбур. Каламбур определяется как «стилистический оборот речи или миниатюра определенного автора, основанные на комическом использовании одинаково звучащих слов, имеющих разное значение, или сходно звучащих слов или групп слов, либо

разных значений одного и того же слова или словосочетания» [7. С. 191]. В понимании С. Влахова сущность каламбура заключается в «столкновении привычного звучания с непривычным и неожиданным значением» [3. С. 358]. «Основная стилистическая цель каламбура – комический эффект или сатирическое звучание» [3. С. 361] – должна получить полноценное отражение в переводе; при этом перевод должен быть адекватным по тональности комического жанра (юмор, ирония, сатира).

Наряду с понятием «каламбур» в литературе часто встречаются понятия «игра слов» и «языковая игра». Термином «языковая игра», введенным в лингвистику Л. Витгенштейном, обозначается тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренной деструкции речевой нормы, имеющий целью вызвать у слушателя эстетический и, в целом, стилистический эффект [5. С. 657]. Языковая игра связана с выражением в речи комических смыслов или с желанием создать свежий, новый образ. Понятие «языковая игра» характеризуется большой широтой значения и охватывает все многообразие способов создания комических и стилистических эффектов, в том числе каламбуры и игру слов.

Понятия «каламбур» и «игра слов» часто смешиваются ввиду размытости границ между ними. Достаточно четко данные понятия разграничиваются А. Бергсоном. В его понимании каламбур содержит «две различные фразы, составленные из различных слов, причем слова смешиваются благодаря одинаковому звучанию» [1. С. 70]. При игре слов «две системы идей заключаются в одной фразе, и мы имеем дело с одними и теми же словами» [1. С. 70], иными словами, высказывание с игрой слов допускает два разных толкования. Отметим, что, поскольку статья посвящена, в первую очередь, переводческим проблемам, при анализе примеров мы не придерживались четкого разграничения игры слов и каламбура, поэтому к каламбурам оказались причисленными некоторые спорные, переходные случаи данных выразительных приемов (ср. (1)).

Сказанное о природе каламбура уже в некоторой степени выявляет трудности, с которыми может столкнуться переводчик. При работе над обычным текстом задача переводчика сводится к тому, чтобы «вливать [содержание текста] в новую языковую форму», а при переводе каламбура «перевыражению подлежит и сама форма

подлинника – фонетическая и / или графическая» [3. С. 362]. «Теоретическим идеалом» перевода каламбуров С. Влахов называет буквальный перевод или кальку [3. С. 383]. Однако далеко не всегда теоретический идеал оказывается идеалом с точки зрения переводческого решения. В качестве примера приведем два отрывка из пьесы Франсиса Вебера «Ужин с придурком» (F. Veber «Le dîner de cons») и их перевод на белорусский язык, выполненный Д. Коласом.

(1) *PIERRE. Il s'appelle **Juste Leblanc**.*

FRANÇOIS. Ah bon? Il n'a pas de prénom?

*PIERRE. Je viens de le dire: **Juste Leblanc**. Leblanc, c'est son nom et c'est **Juste**, son prénom.*

FRANÇOIS. ...

*PIERRE. Monsieur Pignon? Votre prénom à vous, c'est François, c'est **juste**?*

FRANÇOIS. Oui.

*PIERRE. Eh bien lui, c'est pareil. **C'est Juste!***

П'ЕР. Спытайце Проста Леблана.

ФРАНСУА. А імя ў яго няма?

П'ЕР. Прост! Такое ў яго імя: Прост.

ФРАНСУА. Прост? Даволі рэдкае імя, я, напэўна, і не ведаю нікога, каго звалі б...

П'ЕР. А вы гонкі «Формулу-1» глядзіце калі-небудзь?.. Ладна, не будзем марнаваць час, яго завуць Леблан Прост.

ФРАНСУА (вясёла). Леблан Прост.

Белорусский язык позволяет дословный перевод каламбура в первом высказывании путем калькирования французского наречия *juste*: в белорусском языке наречие *проста* и родительный падеж имени собственного *Прост* совпадают. Однако на этом и заканчивается каламбур в тексте перевода, тогда как в оригинале каламбур реализуется несколько раз, причем обыгрываются разные значения наречия *juste* ('просто; правильно'). Причина потерь в тексте перевода заключается, во-первых, в отсутствии полной эквивалентности между французским *juste* и белорусским *проста*, а во-вторых, в отсутствии в белорусском языке имени *Прост*. Переводчик пытается компенсировать потери за счет упоминания фамилии знаменитого французского гонщика Алена Проста, однако

ему это не вполне удастся. Комический эффект всего отрывка оказывается утраченным при переводе. В первом же высказывании, где сохраняется каламбур, комический эффект очень слаб, так как белорусскоязычный читатель не сразу воспринимает языковую игру из-за отсутствия в белорусском языке имени *Прост*.

В другом месте пьесы переводчику удалось сохранить и формальный прием (рифму), и содержание, и передать комический эффект.

(2) *Il est méchant monsieur Brochant, il est mignon monsieur Pignon!*

П'ер Брашан – гэта страшэнны хам, а вось Пін'ён – выдатны маладзён!

Конечно, при переводе каламбуров абсолютно точной передачи формы и содержания удастся добиться очень редко, так как между обыгрываемыми словами ИЯ и соответствующими единицами ПЯ должна существовать полная эквивалентность. Однако даже полная эквивалентность не является гарантией удачного перевода: между эквивалентами часто обнаруживаются незаметные в других условиях расхождения в сочетаемости, частотности, стилистической окраске, в вызываемых ассоциациях и намеках и т.п.

Таким образом, можно заключить, что стопроцентного перевода, при котором передаются форма и содержание, можно добиться скорее в виде исключения. Как правило, когда нет возможности путем «пословного» перевода достаточно четко передать «каламбурность» сочетания, переводчик не переводит авторский оборот, а «создает свою игру слов, <...> создаваемую иногда на совсем иной основе и совсем другими средствами» [3. С. 371]. Приведем несколько примеров такой замены в переводе на русский язык романа Р. Гари «Голубчик» (R. Gary «Gros-Câlin»); перевод Н. Мавлевич.

(3) – <...> *Un python, ce n'est tout de même pas quelque chose qui se prête à l'affection des siens.*

– *Monsieur le commissaire, dans ces affaires-là, on ne choisit pas, veux savez. C'est des sélectivités affectives. Je veux dire des affinités électives.*

– <...> *Удавы, согласитесь, как-то не располагают к общению.*

– *Такие вещи не зависят от нашего выбора, господин комиссар. Они предопределены греховным, то есть, я хотел сказать, духовным сродством.*

Авторский каламбур, построенный на стилистической фигуре (хиазм), заменяется в тексте перевода более простым каламбуром, который строится на рифме. Достоинством данного перевода является передача каламбурности оригинала, а также удачная модификация содержания каламбура, однако вследствие упрощения формы ослабевает комический и стилистический эффект.

(4) – *Vous avez une façon de circuler très curieuse, dit-il. Pardon, une façon de penser circulaire.*

– *Что-то я не могу уследить за вашей мыслью, – сказал он. – Очень уж круто завираете... я хотел сказать, забираете на выражах.*

Здесь хиазм заменяется двумя каламбурными приемами: рифма + ложная этимология (*завирать* и *выраж*). Усложнение техники каламбурного обыгрывания, а также удачная (и довольно близкая) замена содержания оригинала ведут к усилению комического эффекта.

Каламбур может выступать как вспомогательное выразительное средство, тогда как основной комизм заключен в логической структуре высказывания¹. В следующих отрывках из «Голубчика» Романа Гари комизм вызван логическими ошибками. То, что каламбур оказывается здесь лишь вспомогательным приемом, отчетливо видно при переводе: Н. Мавлевич передает «странную» логику автора, но жертвует каламбуром; при этом комический эффект в целом тот же, что и в тексте оригинала.

(5) *J'en conclus sans autre forme de procès de Jeanne d'Arc – je dis cela par souci de francophonie et pour donner les révérences nécessaires – que je suis maintenant dans le vif du sujet.*

Car il est incontestable que les pythons tombent dans la catégorie des mal-aimés.

Стало быть, приступаю к делу Дрейфуса – говорю это для солидности и в порядке расширения кругозора франкоязычной аудитории. Однако же это имеет и прямое отношение к делу, к

---

¹ О сходной логической основе различных видов остроумия говорит, в частности, М. Минский в [6].

которому я приступаю, ибо в силу нелепого предассудка удавов тоже не любят.

Здесь комический эффект вызван нонсенсом² (недостаточно мотивированное и не имеющее отношения к предыдущему содержанию текста упоминание о суде над Жанной д'Арк), который вводится с помощью каламбура, построенного на созвучии фразеологизмов *sans autre forme de procès* ('без дальнейших церемоний') и *sans forme de procès* ('без суда и следствия'). Переводчице не удастся найти соответствующие единицы в ПЯ, которые можно было бы связать с судом над Жанной д'Арк, но она находит подходящую замену: вводит в текст упоминание о деле Дрейфуса (имя капитана Дрейфуса не раз упоминается на страницах романа в сходных контекстах с эффектом нонсенса, к тому же капитан Дрейфус, так же как Жанна д'Арк и удавы, относится, по логике автора, к категории тех, кого «не любят»).

(6) *J'ai acheté un cochon d'Inde, parce que c'est plus démographique, l'Inde....*

Я купил морскую свинку – говорят, они родом из Индии, а там как-никак перенаселение...

Контекст данного отрывка следующий: будучи не в силах скормить удаву мышь, к которой он сам привязался, месье Кузен покупает морскую свинку на том основании, что ее якобы менее жалко. Здесь комический эффект вызван нонсенсом (проблема перенаселения в Индии распространяется автором на морских свинок) и оценочным парадоксом (морская свинка как представитель очень многочисленного класса рассматривается как нечто менее ценное, чем мышь; при этом не учитывается, что мышь – также представитель многочисленного класса и что вне зависимости от количества морских свинок в Индии и вообще в мире данный конкретный домашний питомец все равно воспринимается хозяином как нечто ценное). Данные логические ошибки обусловлены каламбурным смешением терминологического словосочетания *cochon d'Inde* ('морская свинка') со свободным словосочетанием *cochon d'Inde* ('свинья из Индии'). В тексте перевода отражены нонсенс (он даже усиливается, т.к. в русском

---

² Здесь нонсенс понимается в узком смысле, в значении, близком к бессмыслице: как произвольная (не преследующая стилистической цели) игра словами.

языке упоминание об Индии как о родине морских свинок ничем не мотивировано) и парадоксальная оценка, тогда как каламбур не передан, но комический эффект в целом тот же.

В «оправдание» игнорирования каламбура переводчицей в указанных отрывках можно привести слова Н. Галь, которая считает, что иногда, когда переводчик бессилён перевести «непереводимое», можно «пожертвовать игрою слов здесь и, может быть, взамен сыграть в другом месте, где у автора ничего такого и нет, а переводчику что-то придумалось» [4. С. 163]. Именно так и поступила Н. Мавлевич при переводе следующих отрывков.

(7) *Je note également que Gros-Câlin a commencé sa première mue chez moi à peu près au moment où je me suis mis à prendre ces notes. Bien sûr, il n'est arrivé à rien, il est redevenu lui-même, mais il a essayé courageusement et il a fait peau neuve.*

*Любопытное совпадение: когда я приступил к этим запискам, Голубчик, первый раз на моих глазах, приступил к линьке. Он **вылез из кожи вон**, но все равно остался самим собой, хотя и в роскошной новой шкуре.*

Здесь переводчица обыгрывает фразеологизм *вылезти из кожи вон*, который воспринимается одновременно и как фразеологизм, и как свободное словосочетание, т.е. одновременно реализуется образное значение фразеологизма и прямое значение его компонентов. Каламбур усиливает комический эффект, производимый «странной» логикой автора: второе высказывание содержит ложную пресуппозицию возможности: «Сбросив кожу, удав может стать кем-то другим».

(8) *J'avais tellement besoin d'une étreinte amicale que j'ai failli me pendre.*

*Мне так не хватало дружеских объятий, что я готов был **удавиться**.*

Каламбур в тексте перевода построен на корневой игре слов *удав* и *удавиться* (по В.С. Виноградову, первый компонент каламбура может подразумеваться из контекста [2.С. 71]). Чрезвычайная выразительность языковой игры дополняет комический эффект от логической погрешности: автор переносит смысловой акцент с эмоционального на физический аспект дружеских объятий и возводит последний в абсолют; в результате получается гипербола.

Вышеприведенный каламбур воспроизводится переводчицей и в переводе следующего фрагмента, где комизм также вызван гиперболой.

(9) – Celui-là, il cherche à se faire remarquer.

C’était vrai. Mais qu’est-ce qu’on doit faire, se noyer?

– Да он просто хочет, чтобы его заметили!.

*Да, хочу. Что же, мне из-за этого **удавиться**?*

Анализ вышеприведенных примеров позволяет вывести два обобщения о воссоздании комического эффекта при переводе каламбуров.

Первое обобщение касается случаев, когда каламбур выступает как самостоятельное средство создания комического эффекта. В такой ситуации переводчик должен непременно подсказать читателю каламбурную сущность оригинала, используя любые «игровые» возможности родного языка, изменяя, если придется, содержание в угоду форме. При этом следует помнить, что дословный перевод каламбура (когда он возможен) не всегда оказывается адекватным в плане передачи комических и стилистических эффектов.

Второе обобщение охватывает случаи, когда каламбур служит вспомогательным выразительным средством, усиливающим комический эффект. В таких случаях каламбуром можно пожертвовать при условии, что комический эффект в целом передан адекватно. Каламбур может также использоваться как выразительный переводческий прием там, где автор применяет другие средства создания комического.

Одной из составляющих удачного перевода вообще и передачи неуловимых комических смыслов в частности является правильное понимание переводчиком своей задачи. Представляется, что при передаче каламбурных эффектов важнее сохранить впечатление, а не языковые значения.

Библиографический список

1. Бергсон, А. Смех / А. Бергсон // Бергсон А. Смех. Сартр Ж.-П. Тошнота. Роман. Симон К. Дороги Фландрии. Роман; пер. с фр. – М.: Панорама, 2000. – С. 7–111.

2. Виноградов, В.С. Формально обусловленный перевод каламбуров-созвучий / В.С. Виноградов // Тетради переводчика. – 1972. – № 9. – С. 69–80.
3. Влахов, С. Перевод и воспроизведение каламбуров / С. Влахов // Непереводимое в переводе: Монография / С. Влахов, С. Флорин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1986. – С. 356–388.
4. Галь Н. Слово живое и мертвое. Из опыта переводчика и редактора / Н. Галь. – 3-е изд., доп. – М.: Книга, 1980. – 208 с.
5. Данилевская, Н.В. Языковая игра / Н.В. Данилевская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка; под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 657–660.
6. Минский, М.М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М.М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 281–309.
7. Фюрстенберг, А.И. Каламбур / А.И. Фюрстенберг // БСЭ: в 30 т. – 3-е изд. – М., 1973. – Т. 11. – С. 191–192.

Сведения об авторе

Яковлева Ольга Владимировна
магистр филологических наук,
преподаватель кафедры теории и практики перевода
(романские языки)
Минского государственного лингвистического университета
E-mail: jammars2@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

Памяти Виктора Георгиевича Зинченко посвящается
(1937 – 2009)

СИСТЕМА «ЛИТЕРАТУРА»

В.Г. Зинченко

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина

Статья посвящена системе «литература» и принципам системности, структурирующим ее. Рассматривая особенности художественной коммуникации, автор фокусирует внимание на соотношении понятий «текст» и «литературное произведение».

Ключевые слова: система, коммуникация, системные принципы, текст, художественное произведение.

The system “Literature” Victor Zinchenko

The paper highlights the system ‘literature’, basic principles of its structure. The focus is on the process of communication in literature. It shows the difference between the terms “text” and “work of fiction”.

Key words: system, basic principles of literature as a system, text, work of fiction, communication in literature.

Термин «система» происходит от греческого слова *systema* – целое, составленное из частей, соединение. Система – это «совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство». В соответствии с таким представлением о системе сложился понятийный аппарат, который лег в основу системных принципов, в том или ином виде присутствующих в работах по проблемам межкультурной коммуникации, культурологии и теории литературы. К числу системных принципов относятся:

1. Целостность – «... принципиальная несводимость свойств системы к сумме составляющих ее элементов» и невыводимость свойств целого из свойств отдельного элемента;

2. Зависимость каждого элемента, свойства и отношения системы от его места, функций внутри целого;

3. Структурность – возможность описания системы через установление ее структуры, т.е. сети связей и отношений, обусловленность поведения системы не столько поведением ее отдельных элементов, сколько свойствами ее структуры;

4. Взаимозависимости системы и среды. Система формирует и проявляет свои свойства в процессе взаимодействия со средой, являясь при этом активным ведущим компонентом взаимодействия.

5. Иерархичность. Каждый компонент системы в свою очередь может рассматриваться как система, а исследуемая в данном случае система представляет собой один из компонентов более широкой системы.

6. Множественность описания каждой системы. В силу принципиальной сложности каждой системы ее адекватное познание требует построения множества различных моделей, каждая из которых описывает лишь определенный аспект системы [1. С.610].

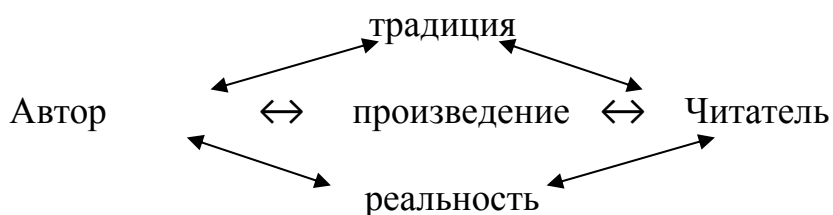
Предположение о том, что искусство является собою систему, Гегель высказал еще в XIX в. Философ отметил, что искусство «распадается на произведение, имеющее характер внешнего, обыденного наличного бытия, – на субъект, его продуцирующий, и на субъект, его созерцающий и перед ним преклоняющийся» [2. С. 383].

Немецкий философ гениально предугадал необходимость наличия в системе прямых и обратных связей. Система «искусство» у Гегеля выглядит так: 1) субъект продуцирующий (автор), 2) произведение, имеющее характер внешнего, обыденного, наличного бытия, 3) субъект, его созерцающий и перед ним преклоняющийся.

Идея Гегеля может быть выражена схемой:

Субъект продуцирующий ↔ произведение ↔ субъект созерцающий и преклоняющийся.

Система «литература» может быть представлена так:

Центральное положение произведения чрезвычайно существенно: именно произведение является средоточием связей и отношений между автором и читателем.

В схеме наряду с основной триадой (Автор ↔ произведение ↔ читатель) присутствуют культурная традиция и экстралитературная реальность. Они являются ее разверткой, окружающей средой, с которой происходит обмен информацией и энергией.

В системе различают прямые и обратные связи, выделяя при этом два вида обратных связей – положительные и отрицательные. Обратную связь (feed back), которую Норберт Винер называет положительной, усиливает функционирование системы, а обратную связь, которая ослабляет функционирование системы, – отрицательной [3], [4]. Положительная обратная связь, как правило, ведет к неустойчивой работе системы, тогда как отрицательная обратная связь стабилизирует функционирование системы. В текстах современного сербского писателя М. Павича активно «работает» положительная обратная связь, придающая осознанную неустойчивость системе. Так, например, в соответствии с игровыми правилами постмодернизма, автор «Хазарского словаря» создает произведение-ресторан, где каждый читатель-посетитель «составляет меню по своему вкусу». Об этом характерном примере положительной обратной связи, придающей программную неустойчивость системе, остроумно писал швейцарский критик Андре Клавель [5. С. 107].

Присутствие в системе «литература» прямой связи, идущей от автора через произведение литературы к читателю, и обратной связи, идущей от читателя через произведение к автору, создает возможность для саморегуляции системы «литература». Система «литература» обладает интегративным свойством. Интегративное свойство – это способность системы выступать в качестве целого по отношению к ее частям.

Предложенное описание системы «литература» сходно со схемами, отображающими процесс литературной коммуникации, хотя они и не тождественны. Поскольку понятие коммуникации пришло в литературоведение из теории информации, где оно означает процесс передачи информации от одной системы к другой, финалом этого процесса считается использование полученного сообщения. В языковой и литературной коммуникации его завершением для специалиста-филолога является интерпретация текста. В рецептивной эстетике результат видят в процессе превращения текста в художественное произведение благодаря конкретному акту коммуникации. Обратная связь между элементами «автор – произведение» и «читатель – произведение» лежит за пределами передачи информации, а потому ее не фиксирует ни литературная коммуникация, ни рецептивная эстетика. Термин «коммуникация» (от лат. *communicatio*) обозначает общение, обмен мыслями, сведениями, эмоциями. Коммуникативную цепь обозначают схемой:

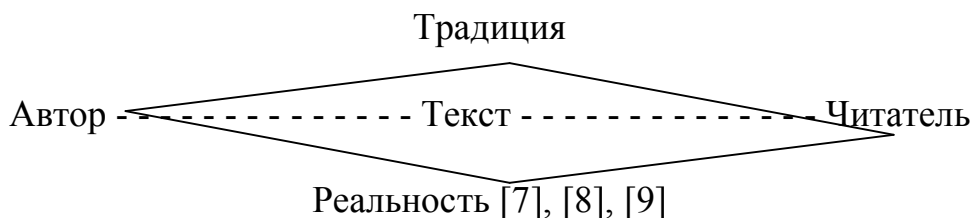
Отправитель → сообщение → получатель

Автор → текст → читатель

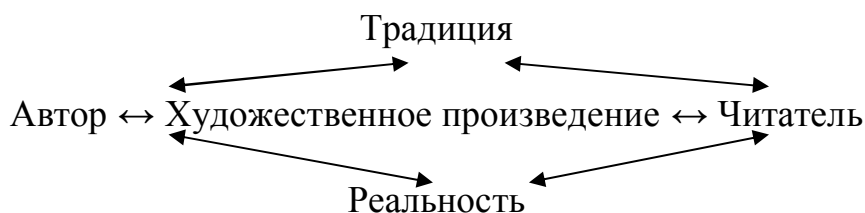
Вторая часть схемы фиксирует ее применение к предмету литературы. Простейший пример коммуникации — написание и отсылка письма адресату. Понятие «общение» охватывает разные уровни коммуникации. В математике, технике и лингвистике используются термины «код», «шум», «канал связи», «информация», «трансляция». Кибернетики, используя коммуникативные возможности различных технических систем, создают компьютеры все новых поколений. В литературе схема коммуникативной цепи отсылает нас к формуле Гегеля. Но в реальной действительности отношения эти не ограничиваются тремя элементами и содержат необходимые опоры в реальности и предшествующем опыте литературы как виде словесного искусства. Автор создает произведение, опираясь на традицию, учитывая знание этой традиции читателем. Даже в частном послании он следует принятой этикетной формуле. Вспомним, сколь обязательна была эта формула в письме в деревню, где полагалось уважительно называть адресата, непременно вспомнить соседей и родственников

и в заключение упомянуть собственное положение сына или брата. В драме «Борис Годунов» А.С. Пушкин опирается на фольклорные традиции легенды о царе-изгнаннике [6]. Но и самые дерзкие новаторы в литературе традицию игнорировать не могут. Не менее существенна связь автора с реальностью, с которой читатель «сверяет» произведение, определяя его значимость и актуальность. В словесных определениях литературной коммуникации слабо различаются понятия «текст» и «произведение». Ими нередко пользуются как синонимами, и это не случайность. Наиболее последовательно литературная коммуникация может быть представлена в схеме

В приведенной схеме «литературная коммуникация» присутствует не художественное произведение, а текст. И происходит это именно потому, что в отношении «текст—читатель» нет обратной связи. В ней не заложено условие читательской оценки текста, которое присутствует у Гегеля, говорившего о субъекте, созерцающем и преклоняющимся перед произведением искусства. Это предполагает иную схему, в которой текст заменен произведением, имеющим смысловую разнонаправленность.

Присутствие прямой и обратной связей в системе «искусство» означает, что продукт творчества художника, не переставая быть носителем информации, становится художественным произведением, музыкой, «божественным глаголом», живописным полотном. Если же обратной связи нет, то, по выражению поэта, «и музыка мне мнится смутным шумом, / когда я слушаю стихи друзей».

Сложность системы «литература» не только в соединении пяти необходимых элементов, а прежде всего в том, что система «литература» имеет материальный и идеальный аспекты. В ее материальном аспекте каждый компонент может быть объективирован. Автор — реальное лицо с собственной биографией: Пушкин, Лермонтов или Ерофеев. Произведение — его рукопись или отпечатанная книга. Читатель — покупатель этой книги. Традиция — круг предшественников, на который автор ориентируется. Реальность — те события, в русле которых он живет и «зеркалом» которых одухотворяется либо костенеет.

Система приобретает материальный аспект благодаря имеющему идеальный характер отношению читателя к произведению. Читатель, признавший художественную ценность произведения, способствует его популяризации, тиражирует его, морально и материально поддерживает автора — своего современника, собирает сведения об ушедшем из жизни писателе. Об этом свидетельствуют случаи хранения читателем с риском для благополучия, а порой и для жизни, рукописей и книг, подвергавшихся цензурному запрету, переписывание в средние века текстовлюбившихся произведений, приобретение книг для личных библиотек, большие тиражи и переиздания популярных произведений и связанное с этим возрастание авторских гонораров, рассказываемые о писателях анекдоты.

Двойственный — реальный и идеальный — аспект имеют и другие элементы системы. Конкретная реальность влияет на судьбу автора и его произведения, определяя его тематику и проблематику. Одновременно — она и та реальность, которая воссоздана в произведении и с которой читатель соотносит произведение, читательское представление о реальности, не остающееся неизменным в разные времена. Цветные тени на снегу или воздушная среда, размывающая четкие очертания предметов, увиденные импрессионистами, поначалу показались зрителям искажением реальности и вызвали решительный протест. Сегодня они являются частью привычного художественного восприятия, как станет им, возможно, в XXI веке синтез слова и живописного образа в поэтике концептуалистов.

Традиция — сознательно избираемый художником опыт предшественников либо влияние культуры, постигаемое независимо

от воли авторов, сказывающееся в следовании нормам языка, жанровым формам, художественным приемам, то, что В.М. Жирмунский называет «неосознанной ориентировкой». Читатель — конкретный читатель текста, имеющий, подобно биографическому автору, свое лицо, и одновременно «концепированная личность», «конгениальная» автору, способная понять текст и сделать его в своем восприятии художественным произведением.

В идеальном аспекте системы «литература» автор перестает рассматриваться как биографическое лицо. Он берется как автор концепированный, носитель художественного сознания, обнимающего произведение целиком. М.М. Бахтин писал о «внезаходимости» автора по отношению к произведению.

Осцилляции, колебания системы «литература» между материальным и идеальным аспектами задают «программу» этой системы, содержащую биографические и эстетические моменты, но не смешивающую их [10. С. 36]. Такая программа связана с тем, что писатель, создавая текст, содержащий описание вымышленного мира, задает алгоритм, обеспечивающий восприятие этого мира в качестве художественного изображения. Если читатель преклоняется перед ним, то текст, не переставая быть носителем информации, становится литературным произведением, а тот, кто написал его, оставаясь реальным лицом, становится автором (создателем) произведения. Не менее конкретное лицо — читатель, открывший для себя художественность текста и преклоняющийся перед нею, предстает как ценитель литературного произведения. В процессе восприятия произведения реальным, биографическим читателем происходит «... процесс формирования читателя как элемента эстетической реальности. Реальному читателю произведение (автор, стоящий за ним и выразивший себя в нем) «навязывает» известную позицию» [11. С. 124-126]. Представляющий как ценитель литературного произведения читатель дистанцируется от текста, возвышается над ним. Такой читатель — идеальный адресат, «идеальное воспринимающее начало». Он является элементом «... не эмпирической, а эстетической реальности», элементом системы «литература» [12. С. 187].

Библиографический список

1. Садовский, В.Н. Система / В.Н. Садовский // *Философский энциклопедический словарь*. - М., 1983.
2. Гегель, Г. Энциклопедия философских наук. Философия духа / Г. Гегель. – М., 1977.
3. Винер, Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Н. Винер. – М., 1958.
4. Винер, Н. Творец и робот / Н. Винер. – М., 1966.
5. Павич, М. Вечность и еще один день // Милорад Павич. *Кровать для троих*. – Санкт-Петербург, 2008.
6. Чистов, К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд) / К.В. Чистов. – СПб., 2003.
7. Попович, А. Проблемы художественного перевода / А. Попович. – М., 1980.
8. *Slovník literární teorie*. – Praha, 1984.
9. Zilka T. *Poetický slovník*. – Bratislava, 1987.
10. Корман, Б.О. Некоторые предпосылки изучения образа автора в лирической поэзии. (Понимание лирики как системы) // Корман Б.О. *Избранные труды по теории и истории литературы*. – Ижевск, 1992.
11. Корман, Б.О. О целостности литературного произведения // Корман Б.О. *Избранные труды по теории и истории литературы*. – Ижевск, 1992.
12. Корман, Б.О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Корман Б.О. *Избранные труды по теории и истории литературы*. – Ижевск, 1992.

Сведения об авторе

Зинченко Виктор Георгиевич
кандидат филологических наук,
профессор кафедры зарубежной литературы
Одесского национального университета им. И.И. Мечникова
E-mail: zarub@lunn.ru

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В СИСТЕМЕ «ЛИТЕРАТУРА»

З.И. Кирнозе

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена биографическому методу в изучении системы «литература» и творчеству Шарля Огюстена Сент-Бева, разработавшего жанр литературоведческих «медальонов».

Ключевые слова: биография, система «литература», психология, литературный портрет, личность писателя.

Biographical method in the system “Literature” Zoja Kirnoze

The paper is dedicated to the biographical method in the system ‘literature’. French literary critic Charles-Augustin Sainte-Beuve worked out the genre of literary portrait focusing on the biography of the author.

Key words: biography, system ‘literature’, psychology, literary portrait, identity of the author.

Биографический метод – один из первых научных способов изучения литературы, разработанный в эпоху романтизма французским критиком, поэтом и писателем Шарлем Огюстеном Сент-Бёвом. Его деятельность как литературного критика связана с развитием романтизма во Франции, в частности, с редакцией газеты «Глоб», выходящей с 1824 года. В биографическом методе биография и личность писателя рассматриваются как определяющие моменты творчества [1. С.116-118]. В системе «литература» они ориентированы на отношение «автор—произведение», в котором «автор» – прежде всего живой, конкретный человек. «Литература, литературное творение, – признается Сент-Бёв, – неотделимы для меня от всего остального в человеке, от его натуры; я могу наслаждаться тем или иным произведением, но мне затруднительно судить о нем помимо моего знания о самом человеке; я бы сказал так: *«каково дерево, таковы и плоды»* (курсив – *Ш.О. Сент-Бёв.*)

Вот почему изучение литературы совершенно естественным образом приводит меня к изучению психологии» [2. С. 40].

Изучение психологии по Сент-Бёву начинается, по возможности, со знакомства с живым человеком. Так, в мае 1839 года, возвращаясь морем из Италии во Францию, Сент-Бёв познакомился с Н.В. Гоголем. Позже он писал, что разговор с Гоголем «полный силы, отличающийся точностью и богатством наблюдений над нравами и фактами действительной жизни», помог ему «схватить на лету всю оригинальность и реализм его сочинений и назвать повесть «Тарас Бульба» русским эпосом, а Гоголя великим реалистом. От живого впечатления, при котором Сент-Бёв уловил характер наблюдений писателя над жизнью, критик переходит к определению метода его письма.

Понятно, не всякому случается побеседовать с автором, о котором он пишет исследование. В таком случае, по мысли Сент-Бёва, ему следует обратиться к архивным материалам, к документам, письмам, очевидцам жизни автора, к его биографии. В этом безбрежном море ушедших времен и событий завершенной человеческой жизни Сент-Бёв расставляет свои опорные пункты. Сент-Бёва неоднократно упрекали за субъективизм и отсутствие научной системы. Действительно, он не составил ее целостного изложения, не написал трактатов о том, как факт жизни становится фактом литературы. Лучшим пособием для изучения опыта Сент-Бёва надо признать чтение его литературных портретов, «медальонов» [3. С. 40]. Именно в них содержатся советы Сент-Бёва сторонникам биографического метода, существование которого сам он считает непреложным фактом: «У меня есть метод... и хотя он не сразу явился в виде определенной теории, но сложился в процессе самой критической практики; длительное же применение лишь утвердило его в моих глазах» [4. С. 41].

Попробуем вслушаться в советы Сент-Бёва. Начать знакомство с автором он предлагает «с самого начала», с изучения родственников великого человека, с его отца, братьев, сестер и особенно с матери – «наиболее близкой и несомненной родственницы», а также с детей, потому что и в них проявляются те свойства, которые в великом писателе может скрывать его величие: «Сама природа облегчает анализ» [4. С. 41].

После того, как удалось собрать все возможные сведения о происхождении и единокровных близких художника, а также о его воспитании и образовании, Сент-Бёв советует познакомиться с тем первым окружением, с той группой друзей и современников, в которой очутился писатель в пору становления. Важное значение имеют также читаемые им книги, учителя и даже ученики. Самый их выбор многое скажет.

Но поскольку писатель, как и всякий человек, с возрастом меняется, Сент-Бёв по отношению к нему «задается известным числом вопросов, на которые исследователь должен ответить для самого себя «хотя бы чуть слышно», ибо без этого он не сможет быть уверенным, что знает своего автора всего целиком, если даже ему кажется, что вопросы эти не имеют отношения к сути его сочинений – Каковы были его религиозные взгляды? – Какое впечатление производило на него зрелище природы? – Как он относился к женщинам, к деньгам? – Был ли он богат, беден? – Каков был его распорядок, повседневный образ жизни? и т.д. – Наконец, каковы были его пороки или слабости? Ведь они есть у всякого». Любой ответ на эти вопросы представляется Сент-Бёву значимым для оценки литературного сочинения, в котором «личность писателя сказывается вся целиком».

Именно так рассматривает Сент-Бёв Корнеля, Лафонтена, Монтеня, Руссо и других французских авторов. В литературном портрете «Пьер Корнель» он изначально ставит задачей распознать в его первом шедевре «общее состояние литературы», когда в нее вступает новый писатель, полученное им воспитание и особенности таланта, которым наделила его природа.

Далее следует характеристика первой половины XVII века, когда «внимание юного провинциала Корнеля» привлекали три громких имени, имена трех поэтов – Ронсара, Малерба и Теофиля, литературные споры о трех единствах, театральные обычаи и вкусы парижской публики.

Рассказ о суровом воспитании Корнеля, предназначенного отцом к судейской карьере, наложен на историю первой любви будущего автора «Сида». В ней, по мысли Сент-Бёва, «уже раскрывается своеобразный характер этого человека. Простодушный, мягкий, застенчивый, робкий в речах, неловкий, но искренний и почтительный в любви», утратив надежду на

взаимность, он женится через пятнадцать лет на другой и ведет «жизнь почтенного буржуа, ни разу не поддавшегося соблазнам и вольным нравам театральной среды, с которой ему приходится соприкасаться». Из свойства характера и обстоятельств жизни Корнеля Сент-Бёв выводит оценку женских образов драматурга – цельных и благородных, но несколько одномерных, поскольку «Корнель плохо знал женщин».

Истоки трагикомедии «Сид» Сент-Бёв обнаруживает и в случайном факте биографии Корнеля – встрече его с де Шалоном, бывшим секретарем королевы-матери, который перевел Корнелю несколько мест из испанского автора Гильена де Кастро, но более в особенности натуры Корнеля: «Честный, высоконравственный, привыкший ходить с гордо поднятой головой, он не мог не поддаться сразу же глубокому обаянию рыцарских героев этой доблестной нации» [4. С. 55]. Отсюда выводит критик и проблематику «Сида» и особенности «испанского жанра», который Корнель приспособливает к французскому вкусу XVII века.

В приведенных портретах анализ Сент-Бёва обращен на поиски «тайного звена», соединяющего два бытия художника – «новое, сверкающее, великолепное», проявляющее себя в художественном произведении, и «тусклое, замкнутое, скрытое от людских взоров, которое он предпочел бы навеки забыть» [4. С.49]. При этом условии, по мысли Сент-Бёва, исследователь может считать себя познавшим самую суть творчества писателя. Но так ли это?

В методе Сент-Бёва средоточием отношений реальности и традиций является биографический автор, а не автор-субъект сознания, концепированный автор, выражением которого предстает художественный текст.

Однако и «бесхитростная» описательность Сент-Бёва на поверку оказывается ходом, ведущим к значимому аналитическому пассажию. Обратимся еще к одному примеру – статье об «Исповеди» Руссо. Далекое не все в этой работе можно считать сегодня справедливым. В ней слышится отзвук голосов, обвинявших просветителей, и в том числе Руссо, во всех крайностях и последствиях Великой буржуазной революции. Сент-Бёв полагает, что исповедуясь перед всеми без христианского смирения, Руссо поступает как врач, увлекательно описывающий несведущим

пациентам симптомы душевной болезни. Но новаторский характер «Исповеди» в статье подмечен точно, и сделано это опять-таки при помощи биографического метода. Из описаний родных Руссо, его жизни в мещанской швейцарской среде, из анализа известного эпизода о совместном чтении вместе с отцом оставшихся после смерти матери занимательных романов Сент-Бёв делает удивительный по тонкости вывод. Приведем цитату из Руссо, откомментированную Сент-Бёвом: «Вначале отец «всего навсего хотел научить меня грамоте на занимательных книжках; но вскоре я так приохотился к чтению, что мы стали с ним читать по очереди без передышки и проводили за этим занятием целые ночи. Мы никак не могли расстаться с романом, пока не дочитывали все до конца. Иногда отец, услышав, что уже щебечут ласточки, пристыжено говорил: *пойдем-ка спать, видно, я не меньше ребенок, чем ты*».

Обратите внимание на эту ласточку – это первая ласточка, и она возвещает новую весну в языке; появляется она только у Руссо. Вместе с ним наш восемнадцатый век начинает чувствовать природу. Точно так же именно Руссо первым в нашей литературе начинает чувствовать домашнюю жизнь, жизнь небогатых горожан, потаенную, сосредоточенную, в которой скапливается столько соковищ добродетели и кротости» [4. С. 330].

То, что Сент-Бёв делает при помощи биографического метода, можно осуществить и по-иному, так, как написано во многих учебниках и статьях: вначале связать художественные открытия Руссо с сентиментализмом, в котором отразились настроения народных масс, не удовлетворенных официальным просвещением, затем изложить биографию и творческий путь Руссо, а при характеристике «Исповеди» подтвердить цитатами развитие у Руссо чувства природы и анализ внутреннего мира человека. Кому-то эта сухая схема, может быть, даже покажется предпочтительнее способа Сент-Бёва. Но насколько убедительнее «средствами искусства» приходит Сент-Бёв к выводам о роли Руссо как предтече французского романтизма! Сам автор говорит, что ему претят приемы лабораторного исследования или геометрическая схема. Его анализ «способен вызвать особое чувство волнения» и только на первый взгляд субъективен. В основе биографического метода справедливое представление о том, что автор произведения – живой

человек с неповторимой биографией, события которой влияют на его творчество, с собственными мыслями, чувствами и даже болезнями, живущий в свое время, что, естественно, определяет выбор тем и сюжетов его произведений. Но личность писателя как творца не тождественна его произведению. Между тем у Сент-Бёва «творение в конечном счете оказывалось не целью, а средством познания» [5. С. 13]. Преувеличение роли биографического автора с неизбежностью ведет к субъективности исследования, к созданию импрессионистического портрета художника.

Однако в биографическом методе упрощается категория автора, в котором скрывается целая система. Автор биографический не равен автору художественному, концепированному. Кто определит, в какой мере эпилепсия с характерными для этой болезни симптомами «застреваемости» и «вязкости» определила стиль Флобера? Какое событие жизни Достоевского обусловило появление в его романах несчастных детей? Другое дело, что для пользования биографическим методом необходимы энциклопедические знания и интуиция. Воскликнуть, как Сент-Бёв: «Это первая ласточка» во французской литературе XVIII века!» – может лишь исследователь, основательно знакомый с этой литературой. И писать так, чтобы литературоведческая работа приближалась к художественному произведению, – тоже особый дар. Может быть поэтому биографический метод существует именно как метод, а не как научная школа. И все же у Сент-Бёва были талантливые продолжатели. Среди них первым стоит назвать Ипполита Тэна. Биографический метод явился своего рода «приготовительной школой», повлиявшей на возникновение психологического подхода и фрейдизма.

С использованием биографического метода могут строиться и современные исследования по компаративистике. Так, к примеру, сопоставление наследия Чосера и Толстого оказывается возможным не единственно по идейно-художественному типологическому признаку, но благодаря биографическому моменту «отречения», продиктованному в обоих случаях разочарованием в «суете житейской». То, что настроение кризиса давно известно в мировой культуре, и слова Екклесиаста о «суете сует» почти повторяются в «Исповеди» Толстого, не снимает необходимости искать переворот в самой душе художника. Описание духовного кризиса Толстого

потребовало от автора работы «переосмысления его привычного образа жизни, и не только личной, в том числе семейной, но и нового отношения к тому, что до этого момента было главной целью сочинительству» [6. С. 26-31].

Советы основоположника биографического метода получили широкий отклик в зарубежном и отечественном литературоведении. На протяжении веков образ «биографического автора» обрастал подробностями его реальной жизни от младенчества до смертного часа. И, как завещал Сент-Бёв, особая роль в академических и популярных штудиях всегда отводилась матери, оказывающейся непосредственной участницей творческого процесса. В школьном учебнике по литературе для учащихся 10-го класса, например, так вспоминается о родителях Николая Алексеевича Некрасова, выросшего в Поволжье в поместье отставного офицера: «Сын безжалостного помещика, строго карававшего своих крепостных крестьян даже за мелкие провинности, пронес боль за простого человека через всю жизнь. Этим он обязан матери, Елене Андреевне, урожденной Закревской – дочери южнорусского помещика, служившего в Варшаве. Там она увлеклась не слишком молодым, но волевым и энергичным офицером. Быстро сыграли свадьбу, быстро яркое увлечение сменилось отнюдь не яркой, а иногда просто тягостной семейной жизнью, когда вспышки гнева мужа заставляли трепетать весь дом. А судьбу матери сын описал в одном из важнейших стихотворений начала своего творчества «Родина» (1846)». С образом матери автор главы связывает и всю проблематику творчества Некрасова, и структуру его личности («От отца он унаследовал независимость, от матери – тягу ко всему прекрасному и возвышенному» [7. С. 5-6]). Этот же «ход» повторяется и в других главах учебника. Л.Н. Толстой «не помнил матери, которая умерла, когда ему было полтора года, ...но одухотворенность и способности он унаследовал от матери, а жизнелюбие – от отца, Николая Ильича Толстого, участника войны 1812 года, после окончания компании разорившегося, женившегося на богатой невесте и занявшегося хозяйством, не желая служить ни в конце царствования Александра I, ни при Николае I по чувству собственного достоинства. Далее делается вывод, что Толстой воскресил характеры отца и матери в героях «Войны и мира» [8. С. 109, 379].

Элементы биографического метода всегда присутствовали при анализе творчества художников, особенно при анализе лирики, где авторское «Я» часто виделось читателю тождественным автору. Мысль Б.М. Эйхенбаума об авторе как живом историческом факте, который надо уметь разглядывать, в лирике особенно привлекательна. Лирический герой А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова или А.А. Ахматовой начинал жить как реальный человек, ущемляя традицию и историческую реальность. В результате встречи биографического и художественного автора появляется новая реальность, значимая для понимания системы «литература».

Библиографический список

1. Нефедов, Н.Т. Возникновение биографического метода // Н.Т. Нефедов. История зарубежной критики и литературоведения / Н.Т. Нефедов. – М., 1988.
2. Сент-Бёв, Ш.О. Шатобриан в оценке одного из близких друзей в 1803 г. / Ш.О. Сент-Бёв // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX в.в. Трактаты. Статьи. Эссе. / Сост., общ. ред. Г.К. Косикова. – М., 1987.
3. Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX в.в. Трактаты. Статьи. Эссе. / Сост., общ. ред. Г.К. Косикова. – М., 1987.
4. Сент-Бёв, Ш.О. Литературные портреты. Критические очерки / Ш.О. Сент-Бёв / Сост., вступ. статья, коммент. М. Трескунова. – М., 1970.
5. Косиков, Г.К. Современное литературоведение и теоретические проблемы науки о литературе / Г.К. Косиков // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX в.в. Трактаты. Статьи. Эссе. – М., 1987.
6. Горбунов, А.Н. Отречение: Чосер и Толстой / А.Н. Горбунов // Лики времени: Сборник статей. М.: Изд-во МГУ, 2009. - С. 26-31.
7. Федоров, С.В. Н.А. Некрасов / С.В. Федоров // Сквозь даль времен. Учебник по литературе второй половины XIX века для 10-го класса. Ч. II / Под общей ред. чл.-корр. РАО В.Г. Маранцмана. – СПб., 1997.
8. Маранцман, В.Г. Лев Николаевич Толстой. Сквозь даль времен / В.Г. Маранцман. Учебник по литературе второй половины XIX века для 10-го класса. Ч. II / Под общей ред. чл.-корр. РАО В.Г. Маранцмана. – СПб., 1997.

Сведения об авторе

Кирнозе Зоя Ивановна
доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
зав. кафедрой зарубежной литературы и
межкультурной коммуникации НГЛУ
E-mail: zarub@lunn.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

РАЗРАБОТКА КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

К.В. Александров

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Настоящая статья посвящена проблеме применения современных компьютерных технологий, а именно разработке программного комплекса, нацеленного на обучение тому или иному аспекту иностранного языка. В статье рассматривается структура и содержание такой программы с позиции методики обучения иностранным языкам, а также этапы работы над ней.

Ключевые слова: методика ОИЯ, обучение, иностранный язык, ИКТ, компьютер.

Development of a software product for computer-assisted language learning Konstantin Alexandrov

The article deals with the problems of using computer technologies for teaching foreign languages. It describes the development steps of a software product for computer assisted language learning, its structure and contents that must comply with the methods of teaching foreign languages.

Key words: CALL, computer, foreign language, methods of teaching foreign languages.

Применение современных технологий в обучении иностранным языкам получает с каждым годом все большее распространение. Данное явление объясняется рядом причин, основной из которых является то, что «по сравнению с традиционными учебно-методическими средствами компьютерные средства обучения обеспечивают новые возможности при обучении

иностранному языку, а многие существующие функции реализуются с более высоким качеством» [7. С.28].

К основным преимуществам ИКТ, по мнению многих исследователей, можно отнести: 1) создание условий для самообучения, самостоятельной проработки учебного материала; 2) более глубокая индивидуализация обучения и обеспечение условий для его вариативности; 3) интенсификация процесса обучения; 4) высокая степень аутентичности; 5) создание новой обучающей среды, инструмента познания: а) возможность взаимодействия с виртуальными образами и моделями изучаемых лингвистических объектов и процессов; б) обеспечение различных видов наглядности; в) высокая степень интерактивности обучения; 6) возможность автоматизированного контроля, учета результатов учебного процесса и более объективное оценивание знаний и умений; 7) значительное повышение мотивации обучения [2], [3], [4], [5].

Среди факторов, определяющих эффективность внедрения ИКТ, важнейшим является наличие специального программного обеспечения. Реальное воплощение рассмотренных возможностей ИКТ в программных продуктах для обучения иностранным языкам является наукоемким и технически трудоемким процессом. Создание программы (как правило, программного комплекса) подразумевает строгое соблюдение последовательности этапов ее разработки, а также требований, предъявляемых как к техническим средствам обучения, так и к самой методике обучения конкретному аспекту.

С позиции методики преподавания иностранных языков при разработке обучающей программы в первую очередь необходимо определить следующие элементы: 1) учебный материал; 2) средства диагностики уровня сформированности языковых и речевых навыков у обучающихся; 3) средства анализа ответов и действий обучающихся; 4) средства оценки знаний, навыков и умений обучающихся; 5) средства сбора и обработки статистических данных по итогам работы обучающихся; 6) средства управления деятельностью обучающихся [8. С.20].

Перечисленные элементы обучающей программы должны быть определены в соответствии с методической системой, которая

будет положена в ее основу. По нашему мнению, такая система может включать себя три компонента: целевой, технологический, результативный [1].

Каждый элемент программы должен отражать содержание компонентов методической системы. *Цели и задачи* разрабатываемого программного комплекса, отвечая на вопросы, кого и чему необходимо научить, во многом определяют его структуру и содержание. Реализуемый посредством программы процесс обучения должен быть построен на соответствующих целям и задачам методических *принципах и методах* преподавания аспекта языка, а *система упражнений* является воплощением *стратегий и приемов* работы над ним. При этом сама программа выступает *средством обучения* и должна быть ориентирована на соответствующую учебному процессу *форму обучения*. Таким образом, направленность всех элементов программы на достижение поставленной цели позволит в качестве результата получить необходимый *объем знаний, уровень сформированности навыков и*

умений, которые во взаимодействии с речевым и языковым опытом способствуют развитию той или иной стороны языковой компетенции (например, лексической).

С технической точки зрения работа над созданием обучающего комплекса связана с разработкой алгоритмов программы, которые могли бы обеспечить формирование навыков и умений у обучающихся [6].

В целом работа над программой разделена на следующие этапы:

I. Постановка задачи в соответствии с возможностями ее компьютерной реализации.

На данном этапе определяются рассмотренные выше элементы программы, а также определяется, какие дидактические функции можно реализовать с ее помощью. На этом же этапе происходит формализация материала в соответствии с возможностями компьютера.

II. Подготовка сценария программы.

Сценарий программы подразумевает описание ее интерфейса, способов и форм представления информации, а также реакции на те или иные действия пользователя (диалог «компьютер — обучающийся»).

III. Алгоритмизация и отладка обучающей программы.

Текущий этап подразумевает техническое воплощение поставленной задачи, а также корректировку программы в соответствии с возникающими уточнениями.

IV. Апробация (экспертиза) обучающей программы.

Теоретическое обоснование программы может быть представлено другим преподавателям иностранных языков, от которых необходимо получить критическую оценку. Практический аспект апробации заключается в опытном внедрении программы в учебный процесс. Проводимая апробация способствует нахождению недочетов как в технической реализации, так и в воплощении методической системы обучения языковому аспекту, устранение которых может повысить эффективность разработанного средства обучения.

V. Корректировка и совершенствование программы по результатам экспертизы.

На данном этапе происходит исправление выявленных недостатков программы, а также рассматриваются идеи о дальнейшем ее совершенствовании.

Процесс создания программного комплекса для обучения иностранным языкам требует тесного взаимодействия со стороны как методиста, который формулирует задачу и следит за ее корректной реализацией, так и программиста, который в соответствии с поставленной задачей подбирает технические средства для создаваемой программы. Такое сотрудничество требует постоянной обратной связи – уточнений деталей задачи со стороны методиста и разъяснений технических возможностей ИКТ (и их ограничений) со стороны программиста. Такая кооперация, на наш взгляд, является необходимым условием для успешного создания обучающих программ по иностранному языку.

Библиографический список

1. Александров, К.В. Мультимедийный комплекс как средство обучения лексической стороне иноязычной речи студентов лингвистического вуза (на материале немецкого языка) / К.В. Александров. – Дис... канд. пед. наук. – Нижний Новгород, 2009. – 227 с.
2. Бовтенко, М.А. Компьютерная лингводидактика: Учебное пособие / М.А. Бовтенко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 216 с.
3. Власов, Е.А. Компьютеры в обучении языку: проблемы и решения / Е.А. Власов и др. – М.: Русский язык, 1990. – 80 с.
4. Платонова, Н.А. Интернет на уроках немецкого языка / Н.А. Платонова // Иностранные языки в школе. – 1999. - №4. – С. 17-19.
5. Подопригорова, Л.А. Использование Интернета в обучении иностранным языкам / Л.А. Подопригорова // Иностранные языки в школе. – 2003. - №5. – С. 25-31.
6. Потапова, Р.К. Новые информационные технологии и лингвистика / Р.К. Потапова. – М.: КомКнига, 2005. – 368 с.
7. Сарана, Т.П. Компьютерный консалтинг в самообучении иностранным языкам / Т.П. Сарана. – Пятигорск: ПГЛУ, 2005. - 174 с.
8. Фадеев, С.В. ЭВМ в преподавании русского языка как иностранного / С.В. Фадеев. – М.: Русский язык, 1990. – 81 с.

Сведения об авторе

Александров Константин Вячеславович
кандидат педагогических наук,
ассистент кафедры иностранных языков ИДО
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
Email: pfeffer@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ НА ЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ

Л.С. Лотина

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск

Значимость перевода как вида коммуникативной деятельности в современном мире ощущается особенно остро. Методика обучения переводу должна решать задачу формирования переводческой компетенции, позволяющей переводчику выйти за пределы собственной культуры и осуществить креативную деятельность. Предлагается дидактически аргументированная модель обучения переводчиков под рабочим названием – генерализирующая модель. По данной модели предполагается провести опытно-экспериментальное исследование, результаты которого будут освещены в последующих публикациях.

Ключевые слова: обучение переводу, переводческая компетенция, модульная технология.

The Problems of Translation Teaching at the Faculties of Foreign Languages Lubava Lotina

Nowadays the translation as a variant of intercultural communication becomes more important. It leads to enlargement of research in the field of theory of translations or translatology. The problem is that the technique of translation-making and translation-learning is not thoroughly investigated. Translation as the aim of learning process being organized according to modular technology has the way to optimize the technique of its teaching. In this article we suggest the experimental generalized model of translation-teaching, the results of the tested model will be presented in the next articles.

Key words: the teaching technique of translation, the translator's competence, the modular learning technology.

В условиях интенсивного межкультурного общения, продиктованного динамикой сегодняшней жизни, значимость перевода как вида коммуникативной деятельности ощущается

особенно остро, что приводит к возрастанию необходимости исследований в области теории перевода. Под каким бы углом зрения ни рассматривали современные исследователи перевод – лингвистическим или психолингвистическим, социологическим или философским, культурологическим или семиотическим, – они неизбежно приходят к выводу о его диалектичности как явления и как процесса. Диалектическое единство исходного текста и его перевода предполагает борьбу и взаимовлияние двух или более языковых картин мира, двух концепций действительности. Кроме того, творческий характер процесса перевода, представляющего собой особый вид речевой деятельности, оказывается ограничен, с одной стороны, возможностями и границами интерпретации содержания текста оригинала (то есть субъективным пониманием и оценкой переводчиком конкретного речевого произведения), а с другой – ориентацией на нового адресата, которому присуща другая социокультурная традиция. В этой связи методика обучения переводу должна решать задачу формирования переводческой компетенции, позволяющей переводчику выйти за пределы собственной культуры и осуществить креативную деятельность.

Диалектическая противоречивость и многогранность перевода как предмета исследования объективно препятствовали созданию стройной и всеобъемлющей теории перевода, а также методики его обучения. Это привело к появлению на протяжении последних десятилетий множества теорий и концепций перевода как в России, так и за рубежом, и создавало трудности даже в наименовании научной дисциплины, изучающей особенности и закономерности этого вида человеческой деятельности, не говоря уже о методике преподавания перевода. В Германии, например, перевод получает названия «Übersetzen» и «Translationswissenschaft», во Франции – «traductologie», в Испании «teoría de la traducción» и «traductología», а в англоязычных странах термины «traductology» и «translatology» в последние годы почти полностью вытеснили первые названия – «science of translation» и «theory of translation». В отечественной науке, так или иначе затрагивающей проблематику как теории, так и методики перевода, также до сих пор не существует однозначных научных определений для ключевых понятий «перевод», «процесс перевода» и т.д. Каждый исследователь пытается создать

собственную терминологию, отстаивает свои критерии оценки перевода и методики его обучения. Это во многом связано с тем, что достижения современной филологической науки используются не в полном объеме, а методика выполнения перевода системно и целостно не разработана. Сам факт отсутствия в содержании обучения переводчиков учебной дисциплины «Методика преподавания предмета перевода» говорит сам за себя. Студенты языковых факультетов изучают только методику преподавания иностранного языка. Однако преподавание иностранного языка отличается от преподавания предмета перевода, поскольку преследует несколько иные цели и задачи. В первом случае осуществляется практическое овладение иностранным языком и усвоение его системы, во втором – практическое овладение переводческой деятельностью и усвоение ее принципов и методов. Многие важные вопросы методической системы остаются не разработанными. До настоящего времени не определена роль дидактико-методической составляющей содержания обучения переводу, требуют своего обоснования принципы организации профессионально-методической подготовки, вопросы структуры и содержания соответствующего учебного курса. Обозначенные проблемы свидетельствуют о повышенной актуальности темы данной статьи.

Следует отметить, что в последнее время стали появляться работы, в том числе монографического характера, освещающие проблемы профессиональной подготовки будущих переводчиков (В.В. Вилс, В.И. Ершова, Ш.В. Лихачева, Т.Г. Лобышева, В.В. Сафонова, И.И. Халеева, М. Хольц-Мянтяри, М.Г. Цуциева, А.П. Чужакин и др.). Однако при всей ценности и значимости указанных выше работ, теоретическое и практическое обоснование методики обучения переводу все же недостаточно. К тому же, существует ограниченность научно-методического обеспечения системы формирования будущих переводчиков.

Хотелось бы предложить дидактически аргументированную модель обучения переводчиков, в качестве теоретико-методологического основания которой выбран системно-интегрирующий подход. Выбранная теоретико-методологическая стратегия определила модель обучения переводу студентов

языковых факультетов, которой можно предложить рабочее название *генерализирующей* модели. По данной модели предполагается провести опытно-экспериментальное исследование, результаты которого будут освещены в последующих публикациях.

Рассмотрим специфику структурирования разработанной модели содержания обучения переводу. Предлагаемая модель состоит из трех базовых модулей: координационного, проникающего и посреднического.

Координационный модуль предполагает выработку единой последовательности и логики изучения компонентов перевода как вида речевой деятельности. Достоинством этого модуля является возможность переноса знаний, умений и навыков от одного метода и приема перевода к другому. Основная сложность его реализации заключается в том, что приемы и методы обучения переводу находятся на разных уровнях теоретического обобщения, а это создает проблему их преподавания.

Проникающий модуль предполагает классические междисциплинарные связи, когда идеи одной дисциплины используются при изложении содержания другой, т.е. дидактический синтез. Основная сложность реализации данного модуля заключается в том, что у каждой дисциплины в блоке обучения переводчиков свой тезаурус, и не всякое чужеродное понятие встроится в тезаурус перевода.

Посреднический модуль предусматривает введение курсов метапредметного характера, нацеленных на изучение фундаментальных законов, понятий, пронизывающих все дисциплины, а не только находящиеся на стыке смежных. Такие курсы могут быть связаны с идеями эволюции, например, курс «Виды пространств» или «Антиэнтропийные процессы» и т.п. Сложность реализации данного модуля заключается в том, что не хватает профессиональных преподавателей, которые читали бы такие курсы применительно к переводческой деятельности, преломляли бы философские идеи в конкретную область.

Генерализирующая модель формирует междисциплинарное мышление, наличие целостной картины мира, общего представления об объекте и его закономерностях в свете теории

перевода. К тому же она содержит богатый ресурс углубления знаний по профильной дисциплине.

Следовательно, одной из возможных форм обучения студентов переводу среди структурных вариантов (линейная, концентрическая, матричная, сюжетная и др. модели [1]) видится модульная технология как высший уровень реализации образовательной системы.

Модульное обучение базируется на следующей основной идее: обучающийся должен учиться сам, а преподаватель обязан осуществлять управление его обучением: мотивировать, организовывать, координировать, консультировать, контролировать. Представляется, что данная технология интегрирует в себе все прогрессивное, что накоплено в педагогической теории и практике.

Так, из программированного обучения заимствуется идея активности обучающегося в процессе его четких действий в определенной логике, постоянное подкрепление своих действий на основе самоконтроля, индивидуализированный темп учебно-познавательной деятельности. Принцип гибкости, динамичности, нелинейности модульного обучения предполагает свободное моделирование курса в интересах группы, учебного заведения, а также с позиций интересов и возможностей отдельного обучающегося [1. С. 63].

Кибернетический подход обогатил модульное обучение идеей гибкого управления деятельностью учащихся, переходящего в самоуправление, из которой можно сформулировать другой принцип модульного обучения – автономности обучения и равной ответственности [1. С. 64].

Из психологии используется метод рефлексии (обращение субъекта на свое знание или на свое собственное состояние). Важным является понимание того, что через рефлекссию возможно достичь соединения освоения теории из разных учебных дисциплин, способов получения знаний с умением реально применять их для решения конкретных проблем чисто академического, социального, профессионального и иного характера. Принцип рефлексивной деятельности, являющийся одним из принципов модульного обучения, подчеркивает направленность модуля на формирование ценностно-ориентационных составляющих деятельности в

контексте понимания не только оправданности самих действий, их последовательности, но и причинно-следственных связей, лежащих в их основе и результатах [1. С. 64].

Накопленные обобщения теории и практики дифференциации, оптимизации обучения, проблемности – все это генерализируется в модульном обучении, в принципах и правилах его построения, отборе методов и форм осуществления процесса обучения.

Наиболее полно основы модульного обучения разработаны П.А. Юцявичене [2]. В дальнейшем идеи П.А. Юцявичене развиты С.Я. Батышевым, К.Я. Вазиной, Н.Н. Суртаевой, Т.И. Шамовой и др.

К числу преимуществ модульного обучения относятся:

- системный подход к построению курса и определению его содержания;
- гибкость структуры модульного построения курса;
- обеспечение методически обоснованного согласования всех видов учебного процесса внутри каждого модуля и между ними;
- быстрая дифференциация студентов: различаются «усредненные» группы отличников, успевающих и слабых студентов, вместо которых появляются первый, второй, десятый, сотый и т.д. студенты курса;
- выявление перспективных направлений научно-методической работы преподавателя (при значительном сокращении времени лекций и поиске новых форм занятий преподаватель успевает дать студентам необходимые знания, навыки и умения в своей предметной области);
- эффективный контроль за усвоением знаний студентов.

Модульная структура курса дает возможность осуществлять перераспределение времени, отводимого учебным планом на его изучение, по отдельным видам учебного процесса расширяет долю практических и лабораторных занятий, а также самостоятельной работы студентов.

При комплексном рассмотрении содержания обучающих модулей исключается дублирование в изучении предмета, появляется возможность обоснованного введения в учебный процесс элементов научных исследований и проведения научно-

исследовательских лабораторных работ.

Взаимосвязь различных форм обучения при модульной организации учебного процесса позволяет целенаправленно управлять научно-методической работой преподавателя и определять узкие места методического или программного обеспечения, лабораторной базы кафедры. Кроме того, наглядность структуры курса «проявляет» перспективные направления их совершенствования и позволяет научно обоснованно планировать работу. Презентация обучающих модулей средствами мультимедиа, используя Интернет, предоставляет возможность и для дистанционного обучения. Модульная система дает дополнительный ресурс для включения современных методик в процесс обучения переводу, эффективного использования мультимедийных технологий и расширения доли практического знания.

Библиографический список

1. Соловова, Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: продвинутый курс: Пособие для студентов пед.вузов и учителей / Е.Н. Соловова. – М: АСТ: Астрель, 2008. – 272 с.
2. Юцявичене, П.А. Основы модульного обучения / П.А. Юцявичене. – Вильнюс: Минвуз ЛитССР, 1989. – 68 с.

Сведения об авторе

Лотина Любава Сергеевна
аспирант кафедры теории речи и перевода
факультета иностранных языков МГУ им. Н. П. Огарева
E-mail: yamouseya@mail.ru

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ КАК КОМПОНЕНТ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Г.Ю. Поскрёбышева

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск

Язык и культура как многогранное явление представляют собой тождественную целостную функциональную систему. Иностранный язык выступает как средство и форма выражения культуры, а также средство трансляции знаний об иноязычной культуре. В рамках гимназического образования на основе лично ориентированных принципах трансляции культуры происходит постижение культурного пространства изучаемого языка. Иностранный язык выступает в качестве реализованной «внутренней формы» выражения культуры как внеязыкового содержания предметно-понятийного характера и как средство передачи культурных знаний, формирующих личность.

Ключевые слова: иноязычная культура, лично ориентированные принципы, трансляция культуры.

Cultural-linguistic development of person as a component of arts education Galina Poskrebysheva

Language and culture as the many-sided phenomenon represent an identical complete functional system. Foreign language acts as means and form of culture expression and also transfer of knowledge about other foreign language culture. There is a comprehension of cultural space of investigated language in frameworks of humanitarian education in grammar schools on a basis of person-oriented principles of culture transmission. Foreign language represents itself as a realized «internal form» of culture expression as non - linguistic in subject - conceptual character and as means of transfer of the cultural knowledge, forming the person.

Key words: foreign language culture, person-oriented principles, culture transmission.

Культурно-языковое развитие личности связано с гуманитарным образованием, которое предполагает обращение к

дисциплинам языкового, культуроведческого и литературного циклов. В настоящее время сложилась междисциплинарная область гуманитарных исследований, в центре которой находятся язык, культура, личность. Язык и культура как компонент гуманитарного образования выступают как тождественная целостная функциональная система. Иностранный язык выступает как средство и форма выражения культуры, а также передача знаний об иноязычной культуре.

Культурологическая направленность преподавания иностранного языка в системе гимназического образования базируется, на наш взгляд, на таких основных личностно ориентированных принципах трансляции культуры: гуманизм, культуросообразность, диалогизм и индивидуализация постижения культурного пространства изучаемого языка. Данная проблема ориентирована, с одной стороны, на человеческий фактор в языке, а, с другой, на языковой фактор в человеке. Исходя из своей национально-культурной специфики, она находилась и находится в центре внимания педагогов, психологов, лингвистов и методистов, зачастую придерживающихся разных мнений и позиций в решении её вопросов и рассмотрения аспектов.

Интерес по всем изменениям в обучении иностранному языку объясняется его собственной значимостью: роль слова в развитии духовного мира ребенка, культурных и высших психических функций. В силу этого обстоятельства иностранный язык имеет особый, только ему присущий статус. Для понимания этого статуса в системе гуманитарного образования основополагающими выступают такие категории как язык и культура. Взаимосвязь данных феноменов можно проанализировать на основе сходства их общих признаков с включением личности: во-первых, потому, что язык и культура - это формы сознания, отображающие мировоззрение человека и народа; во-вторых, они имеют индивидуальные или общественные формы существования, субъект культуры и языка - всегда индивид или социум, личность или общество. Обозначив общие и специфические признаки языка и культуры, остановимся на анализе каждого в отдельности и посмотрим, какое место они занимают в формировании личности. Язык хранит и обогащает коллективную память благодаря

кумулятивной (накопительной) функции. Культурная компетенция не совпадает с языковой: переключение языковой компетенции в культурную основано на интерпретации языковых знаков в категориях культурного кода. Владение такого рода интерпретацией и есть культурно-языковая компетенция. Однако, отмечая взаимосвязь двух моделей мира, концептуальной и языковой, необходимо предостеречь от их взаимной подмены. «Нельзя переносить языковую модель на предметную область культуры и, напротив, модель культуры на предметную область языка» [7]. Представление о внутренней форме языка у В. Гумбольдта есть реализация его принципиального взгляда на сам язык, который есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energia). «Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для единственной знаковой системы, в которой зафиксировано не только выражение мысли» [3]. Более того, язык является не только реальной действительностью, но и творчески переработанной действительностью, то есть это своего рода символическая вселенная. В.И. Вернадский считает, что именно языку на уровне макросоциума отводится значительная роль в создании новой формы энергии, которую можно назвать энергией человеческой культуры или культурной биогеохимической энергией. А.Ф. Лосев в своих работах, посвященных языку, в частности, в «Языковой структуре» приходит к выводу о смыслополагающей сущности человеческого языка: «язык не только указывает на существование мира за пределами его трех измерений и бесконечного однонаправленного времени, но также и указывает на реальное существование положительной смысловой основы всего видимого и невидимого мира» [4].

Идеи вышеназванных ученых позволяют, во-первых, изменить представление о целях и содержании обучения языку, во-вторых, преодолеть разрыв «язык-культура-личность», в-третьих, процесс развития языковых способностей рассматривать как процесс духовного и культурного воссоздания мира посредством слова и как процесс сознания (и самосознания) личности. Следовательно, язык в силу своей всеобъемлющей природы является одной из главных составляющих в воспитании и развитии личности, а изучение языка

выступает как компонента его целенаправленной деятельности. «Язык, будучи одной из важнейших подсистем духовной и любой другой деятельности, воспроизводит способы освоения человеком (нации) и природы, и социальной реальности. Творческая и культурная сущность языковой деятельности нагляднее всего проявляется в слове, которое кристаллизует те или иные оценки духовной жизни общества» [5].

Традиция культурно-исторического рассмотрения языка в отечественном языкознании, особенно в последнее время, в связи с интенсивными теоретическими изысканиями в этой области, получает не всегда и во всем согласную трактовку в разных лингвистических и лингводидактических направлениях. Обусловлено это, вероятно, сложностью и многоаспектностью рассматриваемого явления – национально-культурной специфики языка. Так, несмотря на общепризнанную взаимосвязь языка и культуры, не решен до конца вопрос характера и корреляции этой связи и ее проекции на развитие личности.

В свою очередь, язык отражает культуру. Важно, что язык простирает свое влияние на самые разные сферы культуры, являясь вместе с языковым сообществом первичным пространством полномочного участия человека в создании культуры. Обычно выделяются такие ее стороны, как: а) материальная и духовная культура; б) культура взаимодействия индивида, общества и природы, социальных групп между собой; в) стили и образы жизни, отражающие особенности жизнедеятельности индивида и социальных групп в обществе. Изучение данных аспектов соизучаемых культур и составляет социокультурную основу обучения иностранному языку. Термин «культура» принадлежит к числу наиболее часто встречающихся. Он существует практически во всех языках и употребляется в самых разных ситуациях, часто в различных контекстах. Споры среди ученых вокруг понятия «культура» ведутся уже не одно столетие, но особенно они активизировались в последние десятилетия. Одни рассматривают её как исторически сложившуюся систему созданных человеком материальных и духовных ценностей (А.И. Арнольдов), другие - как способ человеческой деятельности (В.Ж. Келле, Э.С. Маркарян, М.С. Каган). В философском энциклопедическом словаре

отмечается, что культура – это «специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленной в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе» [8]. В педагогической энциклопедии понятие «культура» определяется «как исторически определенный уровень развития общества, творческих сил, способностей человека, выраженных в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях. Ядро культуры составляют общечеловеческие цели и ценности, а также исторически сложившиеся способы их восприятия и достижения. Культура воспринимается, осваивается и воспроизводится каждым человеком индивидуально, обуславливая его становление как личности во взаимодействии с миром материальных предметов и социальных отношений» [6]. И хотя до сих пор как в отечественной, так и в зарубежной науке не выработано единого определения этого феномена, все же наметилось некоторое сближение позиций: многие исследователи подошли к пониманию культуры как сложного многокомпонентного явления, связанного со всем многообразием жизни и деятельности человека. «Чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом, между ними начинается как бы *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» [2]. По существу, в понятие «культура» включают все, создаваемое трудом и творческой энергией человечества. Т.И. Балакина отмечает, что культура - это «исторически развивающаяся, многослойная, многоликая, многоголосая система созданных человеком материальных и духовных ценностей, социокультурных норм и способов их распространения и потребления, а также процесс самореализации и самораскрытия творческого потенциала личности и общества в различных сферах жизни» [1]. Исходя из этого, возникает необходимость овладения комплексным знанием, принятия универсальных общечеловеческих ценностей.

Таким образом, язык и культура рассматриваются как тождественные целостные функциональные системы: язык выступает в качестве реализованной «внутренней формы» выражения культуры как внеязыкового содержания предметно-понятийного характера и как средство передачи культурных знаний, формирующее личность.

Библиографический список

1. Балакина, Т.И. История русской культуры / Т.И. Балакина. – М., 1995. – С. 39.
2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – С. 154.
3. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. - М.: Прогресс, 1985. – С. 28.
4. Лосев, А.Ф. Языковая структура / А.Ф. Лосев. - М.: МГПИ, 1999. – С. 65.
5. Любичева, Е.В. Лингвокультурологический и личностный подход к обучению русскому языку и роль персонального компьютера в гуманитарном образовании / Е.В. Любичева. - М.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1995. – С. 18.
6. Педагогическая энциклопедия / Гл. ред. И.А. Каиров. - М.: Сов. энциклопедия, 1965. – С. 186.
7. Степанов Ю.С. Словарь русской культуры: опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 131.
8. Философский словарь / Гл. ред. А.А. Грицанов. - М.: Советская энциклопедия, 2-е изд., 1989. – С. 313.

Сведения об авторе

Поскрёбышева Галина Юрьевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
МГУ им. Н.П. Огарёва
E-mail: pos134@mail.ru

**СМЫСЛ НОРМЫ ПРАВА И ЕГО АДЕКВАТНОЕ
ВЫРАЖЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ
ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА**

С.В. Чернышов

*Негосударственное учреждение дополнительного
образования «Детский гуманитарный центр»*

В данной статье рассматриваются вопросы языкового толкования норм права, обращается внимание на необходимость формирования лексической компетенции у студентов юридических вузов с целью постижения адекватного смысла норм права, составляющих правовую систему страны изучаемого языка.

Ключевые слова: норма права, языковое толкование норм права, лексическая компетенция, контекст.

**The sense of law and its adequate representation
by lexical means of learning language
Sergey Chernyshov**

The article deals with the problem of the linguistic interpretation of law. It pays attention on the necessity of forming lexical competence among the students of juristical faculties for adequate understanding of the sense of foreign law.

Key words: norm of law, linguistic interpretation of law, lexical competence, context.

Современная реальность такова (и это в очередной раз подтвердила сложившаяся кризисная ситуация в мире), что решение многих экономических, социальных и политических проблем возможно только в условиях активного межгосударственного взаимодействия. Одной из составляющих этого взаимодействия выступает международное сотрудничество государств в правовой сфере. Оно направлено: а) на поиск совместных путей преодоления трудностей, связанных с несовершенством национальных правовых

систем и их различиями; б) обмен опытом в разработке правовых договоров и нормативных актов, призванных регулировать разнообразные по своей природе общественные отношения правового характера.

Важна профессиональная подготовка юристов. Им отведена решающая роль в таком общении и сотрудничестве. От них во многом зависит успех достижения целей, которые ставит перед собой то или иное государство.

В целях успешного выполнения профессиональных обязанностей юрист должен обладать не только глубокими знаниями внутригосударственных правовых систем и международного права, но и владеть иностранными языками на высоком уровне.

Современная методика обучения иностранным языкам, реализуя социальный заказ государства и общества в целом, должна стремиться быть созвучной современному состоянию внешней по отношению к ней среде. Она должна уделять значительное внимание подготовке юристов не только в плане овладения ими неродными языками, но и постижения иноязычной юридической картины мира.

Одним из показателей уровня профессионализма юриста является глубокое проникновение в тексты юридических документов. Для специалиста по праву важно: а) умение увидеть тончайшие нюансы значения слов, скрытый подтекст в их семантике; б) правильно формировать когнитивный образ иноязычных слов со всеми их особенностями; в) умение провести сопоставительный анализ юридических текстов; г) дать мотивированное заключение в части расхождений в понимании тех или иных правовых институтов со стороны представителей разных культур; е) умение языковыми средствами иностранного языка адекватно сложившейся ситуации отразить свою правовую позицию по тому или иному вопросу.

Особую сложность вызывает у юристов толкование правовых норм. Процесс толкования представляет собой сложное явление интеллектуального характера. Оно направлено на познание и объяснение смысла права. По мнению Е.В. Васьковского, «толкованием или интерпретацией называется совокупность

приемов, применяемых к произведениям человеческого духа с целью понять их. Обращаясь специально к нормам писанного права, необходимо признать, что они более других литературных произведений нуждаются в толковании, во-первых, в виду своего важного практического значения, а во-вторых, в силу предписания закона» [1]. Необходимость правильного и точного толкования норм права связана: во-первых, с их ролью, которую они выполняют в социальной жизни; во-вторых, с тем, что их непонимание и незнание не избавляет субъекта от ответственности за их нарушение.

Нормы представляют собой определенные стандарты, эталоны, образцы, модели поведения участников социального общения. Норма есть суждение, устанавливающее известный порядок как должный [2]. Человечество выработало множество различных норм и правил, которыми люди руководствуются в повседневной жизни. Среди них – моральные, правовые, политические, эстетические, корпоративные, религиозные обычаи, ритуалы, привычки, нравы, требования этикета, корректности, приличия и др.

Все нормы делятся на две большие группы: а) социальные и б) технические. Технические нормы определяют научно обоснованные методы, приемы, способы обращения с естественными и искусственными объектами, технологическими операциями и процессами. Социальные нормы – это «объективно необходимые правила совместного человеческого бытия, указатели границ должного и возможного» [3].

Норма права выступает одной из наиболее важных разновидностей действующих в обществе социальных норм. Правовой нормой называется «установленное или санкционированное государством правило поведения, охраняемое от нарушений с помощью мер государственного принуждения» [4]. Таким образом, главными особенностями норм права является то, что они: 1) содержат обязательное для исполнения правило поведения, распространяющееся на большое количество жизненных ситуаций и широкий круг лиц; 2) устанавливаются и охраняются государством; 3) призваны обеспечить, прежде всего, общественные и государственные интересы.

Нормы права не относятся к числу материальных, вещественных объектов. Это идеальные объекты, объекты-мысли, заключенные в материальную языковую оболочку. Содержание норм права недоступно непосредственному восприятию с помощью органов чувств. Нормы права нельзя, например, увидеть. Здесь видны только знаки соответствующего языка, которые ничего не скажут субъекту, не знакомому с данным языком.

Смыслы норм права постигаются в ходе толкования через знание языка. Смыслы сформулированы и выражены средствами языка. Таким образом, в процессе толкования иностранного права юристу важны знания не только о системных связях норм права, об их происхождении и функционировании в правовой системе страны изучаемого языка, но и о самой системе языка, особенностях и функциях составляющих ее элементов. Выделяют следующие виды толкования: а) языковой; б) систематический; в) исторический; г) функциональный; д) специально-юридический и др. В плане толкования норм права с точки зрения методики обучения иностранным языкам интерес представляет языковой, или грамматический способ толкования.

Языковой (грамматический) способ толкования основывается на знании языка, на котором сформулированы нормы права, на использовании правил синтаксиса, морфологии, словоупотребления. Такой способ толкования предполагает анализ нормы права с точки зрения лексико-стилистических, морфологических требований, выяснения значения отдельных слов, фраз, выражений, соединительных и разъединительных союзов, знаков препинания и т.д.

Как известно, английский язык полисемантичен. Вследствие этого толкование отдельных слов, включенных в текст того или иного юридического документа, может вызвать определенные трудности со стороны юриста в его понимании. Например:

Существительное *will* имеет значения «воля, сила воли, желание, энергия», в юридических документах, как правило, употребляется в значении «завещание» (*She has already made her will*);

Всем известное существительное *sentence* имеет значение «предложение», в юридических документах – «приговор» (*The*

sentence was two years in prison.). Кроме того, существует целый ряд устойчивых выражений с этим словом: *life sentence* – пожизненное заключение, *death sentence* – смертельная казнь, *to serve one's sentence* – отбывать наказание и др.;

Существительное, сходное по значению в родном языке, *administrator* имеет значение «управляющий, администратор». В юридических документах это слово имеет значения «опекун» или «арбитражный управляющий» (*The court has appointed him administrator to manage the affairs of the insolvent company*) [5].

Опытный и квалифицированный юрист должен легко, без особых усилий «схватывать» абстрактный смысл нормы права, применяя ее к конкретным ситуациям, находящимся в сфере правового регулирования.

Носитель языка испытывает меньшие сложности в толковании норм права. Он основывается на языковом опыте, который он приобрел в процессе своей жизнедеятельности в родном социуме, опирается на структурные связи, сформированные в глубине его сознания с рождения.

Юристу, не являющемуся носителем языка, необходимо хорошее владение лексическими навыками и умениями, предполагающими не только учет сведений формально-структурного характера, но знание ситуативных, социальных и контекстуальных правил, которых придерживается в процессе правотворчества законодатель другого государства и иной культуры.

В процессе языковой подготовки юристов в вузе особое внимание должно уделяться формированию лексического компонента лингвистической компетенции. А.Н. Шамо́в определяет лексическую компетенцию как «способность человека определять контекстуальное значение слова, сравнивать объем его значения в двух языках, определять структуру значения слова, определять специфически национальное в значении слова» [6]. Лексическая компетенция обнаруживает себя в осознанном выборе слова для выражения мысли. Применительно к обучению юристов лексическая компетенция предполагает: а) проникновение в смысл юридической лексики; б) определение объема семантического наполнения слов и выражений, которые содержат правовые нормы и

юридические документы в целом; в) способность сравнивать семантический объем таких слов и выражений в родном и иностранном языках; г) определять особенное, характерное для каждого языка.

Студент-юрист на занятиях по иностранному языку должен не только раскрыть лексическое значение слова, но определить его функциональное назначение. Это он должен делать с учетом нормативно-правового контекста. Только в этом случае будут сформированы лексические навыки, позволяющие будущему юристу в достаточной степени ориентироваться в правовом поле иностранного права.

Толкование слов, отражающих смысл нормы права, ее внутреннее содержание, должно носить преимущественно контекстный характер. В языкознании и логике контекст определяется как относительно законченный в смысловом плане отрывок текста или речи. В таком отрывке выявляется значение и смысл слов, предложений, входящих в него. Контекст определяет лингвистическое окружение языковой единицы, включая и слово. Значения слов проясняются только в контексте, конкретизируются и постепенно уточняются для человека, изучающего язык [7]. Контекст позволяет с большей степенью уверенности сделать вывод о том, какова была воля законодателя в процессе правотворчества, что скрывается за употреблением того или иного слова в языковой оболочке нормы права.

В качестве примера рассмотрим одну из поправок статей Конституции Соединенных Штатов Америки.

Amendment 14 - Citizenship Rights. [Ratified](#) 7/9/1868.

1. All persons born or [naturalized](#) in the United States, and subject to the [jurisdiction](#) thereof, are citizens of the United States and of the State wherein they reside. No State shall [make or enforce any law](#) which shall abridge the privileges or immunities of citizens of the United States; nor shall any State [deprive](#) any person of life, liberty, or property, without [due process](#) of law; nor deny to any person within its [jurisdiction](#) the equal protection of the laws [9].

Поправка XIV – Гражданские права. Ратифицирована 09 июля 1868 года.

Раздел 1. Все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах и подчиненные их юрисдикции, являются гражданами Соединенных

Штатов и штата, в котором они проживают. Ни один штат не должен издавать или приводить в исполнение законы, ограничивающие привилегии или неприкосновенность граждан Соединенных Штатов; ни один штат не должен лишать кого-либо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры и не может отказать лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите законов.

В тексте приведенной поправки содержится целый ряд слов, которые определяют содержание норм права. Лексические значения некоторых слов приобретают четкие очертания непосредственно в тексте статьи. Например: слово *to naturalize* имеет ряд значений: 1) натурализоваться (об иностранце); 2) акклиматизироваться (о животном или растении); 3) ассимилировать (о новых словах в языке) и др. Очевидно, что юридическое значение данного слова раскрывается непосредственно в тексте законодательного акта. В контексте статьи это слово позволяет определить круг субъектов, на которых распространяется действие приведенной нормы права.

Слово *law* имеет значения: 1) правило; 2) профессия юриста; 3) право, юриспруденция; 4) закон; 5) полицейский (разг.); 6) суд. Каждый из приведенных значений имеет отношение к юридической области знаний. В контексте статьи рассматриваемое слово употребляется со словами *to make* и *to enforce*, которые позволяют выбрать из перечня значений слова только одно – закон (издавать и приводить в исполнение закон).

Слово *immunity* имеет значения: 1) невосприимчивость (к какой-либо болезни), иммунитет; 2) освобождение (от платежа, налога и т.д.); 3) неприкосновенность. Контекст однозначно раскрывает последнее значение указанного слова. Слово *immunity* в содержании статьи определяет один из объектов, на который направлено действие нормы права.

Слово *property* означает: 1) имущество, хозяйство; 2) право собственности; 3) свойство, качество; 4) достояние. Из контекста видно, что слово *property* употребляется в значении право собственности и также, как и в предыдущем случае, определяет объект, на который распространяется действие рассматриваемой нормы права.

Таким образом, обучение пониманию и осмыслению норм права, составляющих правовую систему страны изучаемого языка,

предполагает формирование у студентов юридических вузов лексической компетенции. Целесообразно обучение юридической лексике осуществлять на основе текстов различных нормативно-правовых актов и договоров, позволяющих наиболее точно, адекватно понимать смысл нормы права, отражающей волю законодателя.

Библиографический список

1. Васьковский, Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании применении гражданских законов / Е.В. Васьковский. – Ч.1. – Одесса: «Экономическая» типография, 1901. – С. 19.
2. Ильин, И. А. Теория права и государства / И. А. Ильин. – М: Изд-во "Зерцало", 2003. – С. 197.
3. Матузов, Н. И. Теория государства и права: Учебник / Н. И. Матузов, А. В. – М.: Юрист, 2001. – С. 211.
4. Теория государства и права: Учебник / Под ред. М. Н. Марченко – Москва: Изд-во "Зерцало", 2004. – С. 225.
5. Longman Dictionary of English Language and Culture. - New Edition. - Harlow: Longman, 1998. – 1568 p.
6. Шамов, А. Н. Когнитивная парадигма в обучении лексической стороне иноязычной речи: Монография / А. Н. Шамов. – Н. Новгород: НГЛУ им. А. Н. Добролюбова, 2009. – С.179.
7. Вербицкий, А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А. А. Вербицкий. – М.: Высш.школа, 1991. – 204 с.

Сведения об авторе

Чернышов Сергей Викторович
кандидат педагогических наук, зам. директора по научной работе
Негосударственного учреждения дополнительного
образования «Детский гуманитарный центр»
603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д.31а
E-mail: Chernish25@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УНИВЕРСИТЕТЫ КАК ЦЕНТРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЙ БУДУЩЕЕ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРУ ЭТНОСА

В.М. Строгоцкий

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются концепции университетского образования; развитие университетов в Западной Европе и России; характеризуется сущность классической системы университетского образования, а также рассматриваются важнейшие направления реформирования современной российской университетской системы образования.

Ключевые слова: гуманизм, университеты, классицизм, реализм, реформа, кризис, естественные и гуманитарные науки, министерство образования и науки.

Universities as Centers for Nurturing Intelligencia that Determines the Furture of Society and Ethnos Culture Vladimir Strogetsy

In the article the author considers the concepts of university education, the development of universities in Western Europe and Russia; characterizes the fundamentals of the classical system of university education and discusses the most important ways of reforming Russia's system of university education.

Key words: humanism, universities, classicism, realism, reform, crisis, science and scholarship, Ministry of Education and Sciences.

Европейские университеты, существующие уже более десяти веков, возникли как теологические и юридические. Они были ориентированы на два круга проблем: нравственное единство человека (теология) и социальное обустройство жизни (право). Важной чертой университетов был их наднациональный демократический характер.

Эпоха Возрождения внесла существенные коррективы в их деятельность. С этого времени деятельность университетов стала все более ориентироваться на решение гуманитарных и гуманистических задач. Объектом университетского знания становится человек как целое. Поэтому важнейшими составляющими учебной и научной деятельности университетов кроме традиционных духовных (теология) и правовых знаний становятся гуманитарные, а также математические и естественнонаучные знания. Выдающийся теоретик и основоположник теории университетов Дж. Ньюмен [1] отмечал, что университет, начиная с эпохи Возрождения, становился местом универсального обучения, где студенты имели бы возможность окунуться в мир науки, научиться спорить и уважать оппонентов. Университеты, по его мнению, играли особую роль в интеграции мирового сообщества. И задачу их он видел не в простой передаче знаний, а в воспитании интеллекта на основе абсолютизации образованности, создания высокоинтеллектуальной атмосферы и усиления интегрирующих культуросберегающих функций.

Благодаря этому уже к концу XVII в. европейские университеты стали освобождаться от жесткой опеки со стороны католической и протестантской церкви. К XVIII в., освободившись от контроля церкви, они стали крупнейшими европейскими центрами светской науки и образования.

Выдающимся европейским просветителем был В. Гумбольдт [2], обосновавший гуманистическую миссию университетского образования. Его главный вывод заключался в том, что без гуманитарного образования не может быть подлинно образованной личности, а без высоких нравственных интересов и убеждений научные знания вырождаются в технократизм.

Модель университета в Германии, разработанная Гумбольдтом, стала образцом классического высшего образования для всех европейских университетов. Эта модель основывается на следующих важнейших принципах:

- приоритетность научно-исследовательской функции университета и научного характера преподавания;
- создание исследовательской среды, являющейся предпосылкой для вызревания научных талантов;

- введение систематических лекций, семинаров и спецсеминаров;
- фундаментальность лингвистической подготовки на основе изучения древних и современных языков и литератур;
- понимание и реальное признание образованности как социального явления, считающегося одним из важнейших факторов высокого качества жизни.

Для современного университетского образования важнейшими являются следующие положения Гумбольдта:

- превалирование научно-исследовательской деятельности профессорско-преподавательского состава в университете, которая является основополагающей для учебно-методического процесса.
- создание исследовательской среды для воспитания подрастающего поколения студентов, способных к рефлексии.

Поэтому в старейших европейских университетах укоренившаяся система классического высшего образования не может быть разрушена введением системы бакалавриата и магистратуры, ибо в этих университетах издавна существуют два уровня вузовского образования: подготовка кандидатов (теперь бакалавров) и на втором уровне – магистров, а также на третьем – послевузовском уровне – защита докторских диссертаций.

В XX в. получила серьезное признание концепция университета испанского философа и культуролога Х. Ортега-и-Гассета [3]. Основой его концепции стало понимание культуры как соответствующего эпохе уровня интеллектуального развития человека. Он подверг критике классическую систему высшего образования, посчитав ее менее пригодной для XX века.

Выделив три главные функции образования: передачу культуры, обучение профессиям, научные исследования и подготовку ученых, Ортега-и-Гассет считал, что именно третья функция является главной и основополагающей для университетов. Совмещение этих функций в рамках университетской системы он считал утопией, полагая, что преподаватель не может быть единым в трех лицах.

Подчеркивая, что наука XX в. в отличие от науки XVIII – XIX вв. перестала быть чисто личностным явлением, а стала системно-коллективистской и институциональной, автор и выдвигает на передний план идею научно-исследовательских университетов.

Однако при всей четкости и аргументированности его концепции, она имеет существенный изъян. Отказываясь от классической университетской системы образования и считая, что главная функция университетов – научно-исследовательская, призванная готовить ученых, можно получить общество, в котором господствующее положение будет занимать бездуховная технократическая элита, пренебрегающая классическими нравственными ценностями.

Сегодня в западноевропейских странах ведется дискуссия об университетской системе образования, но поскольку в Западной Европе, и соответственно, в США главную роль в культуре сохраняет со времени Ренессанса главный принцип античной цивилизации «ничего сверх меры», и выдающееся влияние сохраняют старые классические университеты, полного отказа от классической системы образования здесь не произошло и не происходит.

Что касается российской системы высшего образования, то она, к сожалению, сложилась очень поздно [4]. В то время как в Европе центрами образования и культуры в эпоху раннего Средневековья стали крупнейшие монастыри Италии, Франции и Германии, которые послужили основой для создания первых европейских университетов и библиотек, в России монастыри не стали будущими университетами, хотя в них часто создавались школы для обучения грамоте. Однако в большинстве своем монахи оставались малограмотными и часто бражничали.

В послемонгольский период в Московской Руси охранительные догматы греко-византийского духовенства считались высшей истиной. По этой причине вплоть до XVIII в. русское общество было насквозь пронизано религиозным духом, в то время как на Западе ростки светской культуры, науки и образования укреплялись в возникавших повсеместно светских школах и университетах. Вся литература России в это время почти исключительно служила религиозным потребностям. Русская мысль XIV – XVI вв. была неподвижной и скованной, оторванной от тех источников, которые способны были пробудить ее деятельное брожение, например, от античного наследия или европейской ренессансной культуры. Вплоть до XVII в. даже вполне грамотные русские люди, которых

было еще крайне мало, не осознавали роли античной культуры, не понимали сущности гуманистических идей, распространявшихся в Европе в XIV – XVII вв., и не придавали им значения. Поэтому большинство русских людей боялись нововведений, особенно проникавших с Запада, считая их злом. Распространенным был лозунг: «кто латыни научился, тот с пути истинного совратился». Тем не менее, латынь была не только разговорным языком в Западной Европе, но вплоть до конца XVIII в. оставалась языком науки и образования.

Лишь в XVII в. выдающиеся просветители С. Полоцкий и Ю. Крижанич при дворе Алексея Михайловича выступили с целой серией реформ, направленных на преодоление российского невежества и отсталости [5].

Однако только со времени Петра Великого в России утвердилась светская система образования. Созданная по его проекту Академия наук и искусств, открывшаяся в 1726 г., объединяла гимназию, университет и собственно Академию, и должна была стать центром, где молодые люди могли получить среднее образование в гимназии, затем высшее образование в университете и подготовиться к научно-исследовательской деятельности в Академии. Однако планам Петра I не удалось осуществиться.

Главная причина заключалась в том, что ни дворяне, ни горожане не желали посылать своих детей в гимназию и университет, боясь и не разделяя петровских нововведений, причем ни латинского, ни немецкого языков, на которых писали и говорили приглашенные из Европы ученые, молодые русские люди не знали. Лишь при Елизавете Петровне в 1755 г. по проекту графа Шувалова и при активной поддержке М.В. Ломоносова был открыт Московский университет, в котором уже насчитывалось до 100 студентов.

Классическая система высшего образования в России стала утверждаться только в нач. XIX в., в царствование Александра I [6], в связи с организацией Министерства народного просвещения, учебных округов, открытием гимназий в губернских городах и университетов. В это время открылись университеты: Дерптский (1802), Казанский и Харьковский (1804), Петербургский (1819), Киевский (1833). В России в основе своей была введена немецкая

система классического образования, предусматривающая университетскую автономию, избрание ректора и деканов, свободное преподавание и всесловное обучение.

Университеты должны были готовить преподавателей для гимназий. Поэтому при каждом университете должен был функционировать педагогический институт.

Однако вся история российского образования, как среднего, так и высшего, характеризовалась борьбой классицизма и реализма [7]. Сторонники реализма требовали сократить теоретические основы преподавания и придать ему более прикладной и догматический характер, предусматривающий введение в качестве обязательных предметов богословия, церковной истории и действующего российского права. Опираясь на сторонников реализма, власти стремились воспрепятствовать проникновению и распространению революционных и либерально-демократических идей, вызванных революциями 1798-1792 гг., 1848-1852 гг. и движением декабристов. С этой целью они ужесточали контроль над образованием, отменяли выборность ректора и деканов, а также университетскую автономию и строго контролировали содержание преподаваемых предметов.

Торжество реализма, хотя было недолговечным, тем не менее принесло существенный вред российскому высшему образованию. Лучшие профессора уходили из университетов, вводилось сословное ограничение для обучающихся в них, повышалась оплата, что привело к значительному уменьшению числа студентов. По требованию властей историки и филологи не должны были рассказывать о различных персонажах, исторических событиях и литературных фактах, юристам запрещено было говорить о Римском праве, Гражданском кодексе Наполеона, английских государственных учреждениях и т.д.

Классическая система высшего образования вновь возродилась лишь при Александре II. Обучение в университете стало вновь всесловным. Правда, окончательного возврата к немецкой системе не произошло. В университетском уставе имело место соединение германских принципов управления университетом с французскими. Тем не менее, классическая система высшего образования сохранялась, хотя отношение к ней было

противоречивым. Педагогические институты или курсы подготовки учителей для гимназий отменены. Вместо них в г. Нежин под Киевом и в Санкт-Петербурге открылись историко-филологические институты. Они призваны были готовить учителей для гимназий. Повысившийся уровень преподавания в российских университетах в целом ряде достиг европейского стандарта. В России высокую оценку классическому образованию давали Н.И. Пирогов, Т.Н. Грановский, В.И.Вернадский. А.С.Пушкин, сокрушаясь, что не мог в подлиннике читать античных авторов, с горечью восклицал: «Я часто рву на себе волосы от того, что не получил в свое время классического гуманитарного образования». Л.Н. Толстой неоднократно подчеркивал, что «без знания греческого и латыни не может быть подлинной образованности». Ко второй половине XIX в. Россия, благодаря утвердившейся системе классического среднего и высшего образования, была признана страной с высоким уровнем науки и культуры. В нач. XX в. начальное образование в России стало обязательным. Поставленную правительством С.Ю.Витте задачу ликвидации неграмотности к началу 20-х годов XX в. власти старались решить, открывая ежегодно повсеместно в стране до 10 тыс. различных школ.

К несчастью, катастрофой для страны оказалось установление большевистской диктатуры в октябре 1917 г. С самого начала большевики уничтожили систему классического образования. Сразу же после октябрьского переворота значительная часть интеллигенции – ученые, преподаватели, учителя, врачи, художники и артисты либо бежали из России, либо были изгнаны, либо брошены в тюрьмы и построенные по приказу Ленина уже в 1918г. концлагеря. Ленинским декретом от 4 марта 1921 г. были ликвидированы гимназии, историко-филологические институты, историко-филологические и историко-философские факультеты в университетах. Вместо этого Ленин организовал сугубо партийный институт красной профессуры. В него принимали только тех, кто имел рабоче-крестьянское происхождение и обладал значительным партийным и производственным стажем. Выпускники этого Института должны были сменить всю «буржуазную» профессию в университетах и институтах [8].

К 1934 г. большевики, теперь уже во главе со Сталиным, решили, что поставленная цель достигнута и в вузах можно восстановить теперь уже не «буржуазное», а «марксистское» гуманитарное образование. Однако то образование, которое возникло после 1934 г., представляло собой карикатурное зеркальное отражение того, что Россия имела до 1917 г. Ленинско-сталинская классовая политика ввергла российское образование в затхлый провинциализм, в котором история ленинской партии и марксистско-ленинская догматическая философия считались вершиной мировой науки.

Была введена жесткая партийно-государственная цензура, закрыты архивы. Железный занавес изолировал советское общество от мировой общественно-политической мысли и науки. Иностранная научная и публицистическая литература, мало-мальски критикующая марксизм-ленинизм или трактующая исторические события, литературные факты и новейшие открытия в области ряда естественных наук не с марксистских позиций, находилась в спецхране. Да и преподавание современных европейских языков в школах и вузах было поставлено крайне отвратительно, и большинство выпускников средней и высшей школы не владели иностранными языками.

Следующий удар по среднему и высшему образованию в стране был нанесен в конце 50-х – начале 60-х гг. во время правления Хрущева. В связи с поставленными тогда задачами «догнать и перегнать развитые капиталистические страны» и ускоренными темпами построить коммунистическое общество был выдвинут лозунг «Наука становится производительной силой». Эти лозунги, навязанные обществу коммунистической властью и признанные главными задачами государства, обрекли гуманитарную науку на нищенское существование. Образование в стране и так финансировалось по остаточному принципу, но львиная доля средств из этой статьи бюджета выделялась на развитие естественных и точных наук, которые, как считалось, имели стратегическое и оборонное значение.

Вследствие этого, безусловно, в области естественных и точных наук СССР добился конкретных успехов (производство ракет, атомного и водородного оружия, космическая техника,

военно-морской флот, военная авиация и другие виды вооружения). Гражданские отрасли промышленности и сельское хозяйство оставались на уровне эпохи сталинской индустриализации и коллективизации. Непосредственная связь науки и производства в этих отраслях практически отсутствовала. Поэтому производительность труда в СССР, да и сейчас, как признают высшие лица государства, оставалась и остается на крайне низком уровне. И поэтому вследствие перекаса, который сложился в СССР между развитием естественных и гуманитарных наук в 70-80-е гг., возник своеобразный вариант советского технократического общества.

В начале 90-х гг. СССР по вполне объективным причинам прекратил свое существование как абсолютно несостоявшееся государство. Однако, хотя это государство исчезло, тем не менее, многие отрицательные явления достались в наследство Российской Федерации.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что сегодня в России система университетского высшего образования переживает серьезный кризис, усугубленный мировым социально-экономическим кризисом.

Выход из кризиса болезненный и далеко не быстрый. В этом случае всегда приходится отказываться от того, что стало привычным, но не эффективным и внедрять нечто нетрадиционное, но способствующее развитию. Трудность ситуации заключается в том, что в нашем обществе еще сохраняется радикальное расхождение идейно-политических взглядов, чего нет в странах Западной Европы и США. Поэтому у нас любая дискуссия, в том числе и в области теоретических концепций образования, превращается в спор идеологический и политический, доказывающий, что общество все еще находится в состоянии переходного периода [9].

Что же касается многообразия теоретических концепций образования, то дискуссия, по-прежнему, заключается между двумя подходами: между классической системой высшего образования и реальной, т.е. между классицистами и реалистами. И противоречие обнаруживается в конфликте целей и ценностей университетского образования [10]. Сегодня все понимают, что овладение некоторой

суммой знаний, умений и навыков – это вчерашний день образования. Отсюда, кажется, вытекает сам собой разумеющийся вывод: под высшим образованием следует понимать высокоразвитую способность к дальнейшему и непрерывному образованию. Такое образование предусматривает осознанное личностью единство целей и ценностей. Такое единство может быть достигнуто лишь на путях развития и совершенствования современной классической системы высшего образования, основой которого является равноправное включение естественных и гуманитарных наук в единый комплекс воспитывающей учебной и научной деятельности вуза, формирующего у выпускников творческую и мотивированную потребность непрерывного образования и осознанную ориентацию в пространстве социально и лично значимых ценностей.

Реалисты, концепцию которых озвучивает Министр образования и науки А.А. Фурсенко и его помощники, акцентируют внимание на функциональном подходе к образовательному процессу и считают, что он должен быть формализован, а его качество должно контролироваться тестами. Министерство требует, чтобы вузы, в том числе и университеты, выпускали столько специалистов, сколько необходимо в каждом конкретном регионе и таких, которые бы после окончания вуза могли найти себе применение в каком-либо сегменте рынка труда. Представители министерства при этом вполне серьезно считают, что работодатели могут оказать существенное влияние на то, чему и как учить будущих специалистов.

Однако такое технократическое и формализованное отношение к научному и учебному процессу абсолютно не согласуется с инновационной стратегией развития. В этих условиях выпускники вузов могут стать лишь исполнителями, но не инициаторами и творцами знаний. Они едва ли могут адаптироваться к научно-теоретическим, технологическим структурным или конъюнктурным переменам, без которых немислима современная экономика и общественная жизнь.

Учитывая, что сегодня высшее образование приобрело массовый характер и ориентировано на рынок труда, его содержание, безусловно, зависит и от характера рынка. Сегодня в

нашей стране еще не сформировалась социально-рыночная экономика, и поэтому нет четких критериев «рыночной цены» специалиста. Поэтому действительно ценные специалисты вынуждены либо покидать нашу страну в поисках более успешного трудоустройства, соответствующего их уровню и качеству квалификации, или трудоустраиваются «не по специальности». Поэтому, когда даже наши лучшие вузы обеспечивают высокий уровень квалификации и формируют у выпускников мотивацию и ценностную ориентацию, а они не могут реализовать себя в условиях нашей российской действительности, возникает противоречие между профессиональным и личностным уровнем специалиста. В таких случаях вина ложится не на вуз, а на государственную политику в области образования.

Итак, в условиях инновационной стратегии развития информационного общества только современное классическое образование, опирающееся на фундаментальные естественнонаучные и гуманитарные знания, способно обеспечить не только качественный уровень профессиональной подготовки, но и творчески мотивированную способность к дальнейшему и непрерывному образованию, осознанию своей причастности к культуре общества, с которой неразрывно связана и личная судьба образованного человека.

Достижения такой высоты и качества высшего образования возможно не с помощью реального узкофункционального реформирования структуры и содержания научного и учебного процесса университетов, но, прежде всего, на основе глубокого реформирования социально-правовых отношений в обществе. Эти реформы должны быть нацелены на укрепление семьи и семейных ценностей и семейного воспитания, на создание условий, при которых современная классическая система образования будет внедрена, прежде всего, в средних учебных заведениях (гимназиях и лицеях), благодаря которой у выпускников гимназий будет сформировано осознанное творческое понимание необходимости дальнейшего продолжения образования и умения учиться, а также на формирование подлинных социально-рыночных отношений, обусловленных утверждением приоритета частного права над

публичным и дальнейшим совершенствованием гражданских прав и свобод в обществе.

Библиографический список и примечания

1. Newman, J.H. The idea of University / J.H. Newman. - Lond., 1852; нем изд. В., 1960.
2. Humboldt W. von. Ideen zu einem Versuch die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zum Versuch zu bestimmen / W. von Humboldt. - В. 1851; русск. перев. Идеи к опыту, определяющему границы деятельности государства. - М., 1985; idem Schriften zur Anthropologie und Bildungslehre. - В., 1956.
3. Ortega y Gasset J. Das Wesen geschichtlichen Krisen. - В., 1951; Europäische Kultur und europäische Völker. В., 1954; Захаров, И. Карл Ясперс: идея университета в XX в. / И. Захаров, Е. Ляхович // Alma mater, 1993. № 4, 6. С. 21.
4. Милюков, П. Очерки по истории русской культуры / П. Милюков. Ч. 2. - СПб., 1899. Миропольский, С. Школа и государство. Обязательность обучения в России / С. Миропольский. - СПб, 1876. Арсеньев, К.И. Историко-статистический очерк народной образованности в России до конца XVIII в. / К.И. Арсеньев. - СПб., 1854.
5. Полоцкий, С. Избранные сочинения / С. Полоцкий. - М.-Л., 1959; Полоцкий, С. Вирши / Сост., подготов. текста, вступ. слово и коммент. В.Н. Былиника, Л.У. Звонаревой / С. Полоцкий. - Минск, 1990; Крижанич, Ю. Политика (текст и перев.) / Под ред. акад. А.П. Тихомирова / Ю. Крижанич. - М., 1965.
6. Рождественский, С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802-1902 / С.В. Рождественский. - СПб., 1902.
7. Алёшинцев, И.А. История гимназического образования в России XVIII–XIX вв. / И.А. Алёшинцев. - СПб., 1912.
8. Джимбинов, Ст. Коэффициент искажения революции и культура / Ст. Джимбинов // Новый мир, 1992. № 9. С. 209–212.
9. Алдашина, М.И. Культурологический аспект современного университетского образования будущих преподавателей / М.И. Алдашина // Вестник Московского университета. 2008. Сер. 3. № 3. С. 83–94.
10. Высшее образование для XXI в. (Ответы экспертов на заданные вопросы: д.филос. н., проф. В.Н. Порус) // Alma mater, 2009. № 2, 6. С. 17–21.

Сведения об авторе

Строгетский Владимир Михайлович
доктор исторических наук, профессор
зав. кафедрой культурологии, истории, русской литературы
и древних языков НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: strogetsk@lunn.ru

АБЫЗЫ У ИСТОКОВ ДУХОВНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ НИЖЕГОРОДСКОЙ ТАТАРСКОЙ ДЕРЕВНИ СЫУК СУ

О.Н. Сенюткина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Автор на архивном материале показывает истоки религиозной жизни татарской деревни Нижегородской области Ключищи. Установлены имена первых, еще незарегистрированных, имамов мусульманского прихода деревни середины XVII столетия.

Ключевые слова: духовность, ислам, нижегородские татары.

**Imams at sources of spirituality of inhabitants of Nizhniy Novgorod Tatar village
Syuk Su
Olga Senyutkina**

The author shows, using rich archival material sources of a religious life of the Tatar village Syuk Su (Nizhniy Novgorod area), spirituality of its inhabitants. Names of not registered imams of Muslim community of village of the middle of XVII century first still are established.

Key words: spirituality, Islam, Nizhniy Novgorod Tatars.

Татарская деревня Сыук Су (Ключищи Краснооктябрьского района Нижегородской области) родилась в середине XVII столетия [1. С. 184]. В период между 1641 и 1644 годами берега речки Ключищи стали местом для образования нового усада. Тогда «Алатырского уезду служилые татаровя верстанные и неверстанные деревень Ендовищи и Уразово» били челом царю Михаилу Федоровичу пожаловать им «примерную землю» (то есть измеренную ранее и находившуюся в собственности государства – авт.) близ того усада и «государь их пожаловал» (прим. 1).

В марте 1644 года была составлена так называемая «Поручная запись Осипа Алпаева и других служилых татар за Байбака Дербышева». В ней служилые татары - 20 человек - договорились

между собой о том, чтобы во вновь образованную деревню никого не подселять и без общего согласия из деревни не выселяться. Они просили уездные власти контролировать данную договоренность (прим. 2).

Так в 1643 году появились четыре первых дома на левом берегу Пары. Основателем деревни следует считать Осипа Алпаева. Добавим, что упоминаемый в русскоязычных документах Осип Алпаев, служилый татарин, скорее всего, носил татарское имя Юсип.

История возникновения нижегородской татарской деревни Сыук Су (Ключищи) была тесно связана с общероссийской историей, с интересами государства (в середине XVII века это, прежде всего, укрепление поместного землевладения с целью поддержки материальных возможностей служилых людей и дальнейшая внутренняя колонизация малоосвоенных земель). Был и специфичный, «местный» момент: Ключищи появились как одна из последних среди татарских деревень Нижегородского региона, тогда, когда многим служилым татарам становилось «тесно» в рамках уже существовавших поселений. Во второй половине XVII столетия постепенно начинает вызревать проблема исчерпанности свободных земельных угодий на юго-востоке Нижегородчины.

Первооснователи Ключищ вышли на равнину близ истоков Пары из уже существующих татарских деревень Ендовищ и Уразовой, будучи теми служилыми татарами, которым не хватало земли, выдаваемой государством. Потому-то они и обратились к властям с соответствующей просьбой. Уездные чиновники удовлетворили их ходатайство, но не столько по причине наличия незанятых земель между Студеным ключом и Парой, а в связи с необходимостью охраны ещё неподконтрольного участка тогда важной Адашевской дороги.

Анализ источников показал, что в XVII веке татары Ключищ добросовестно несли боевую службу в интересах российского правительства, делая свой вклад в защиту государственных рубежей, участвуя в войнах против поляков, турок и др. Некоторое время деревня носила название «Рейтарская», что указывает на род войска, куда зачислялись мужчины-ключищенцы.

Хозяйственная деятельность населения деревни в XVII столетии развивалась стабильно: угодий в 1000 четей вполне хватало на качественное и эффективное ведение хлебопашества и скотоводства.

Началась история нижегородской татарской деревни Сыук Су (Ключищи) как история мусульманская. Основатели деревни являлись традиционными приверженцами исламской религии.

Уже в марте 1644 года на общем собрании основателей Ключищ присутствовали священнослужители. Правда, это были абызы из соседних деревень. Они должны были по исламскому обычаю засвидетельствовать желание ключищенцев жить по принципам коллективизма и общинности. Согласно источникам, там были абызы Кадебердя Девлеткильдеев, Уразай Килдебяков, Досай Ембаев, Мамай Тимаев (прим. 3).

Следует заметить, что вскоре в самих Ключищах появляются собственные служители мусульманского культа. Впервые в 80-х годах XVII века источники упоминают о присутствии там двух абызов – отца и сына Мексюта Сафардова и Максута Мексютова, незадолго до того перебравшихся в эту деревню из соседней татарской деревни Ендовищи (прим. 4).

Попытаемся разобраться в родовых корнях этих первых абызов Ключищ. Житель Ключищ – Умяр Танимешеев (по другому документу – Умяр Тинетлейчиев (прим. 5)) – сын одного из основателей деревни Танаймышы (Танимеша) Актуганова (прим. 6), в 60–70-е годы XVII века продал служилому татарину из Ендовищ Исянберде Исянелееву «17 четвертей без полуосмины в поле а в дву потому ж с лесом (что очень ценно, так как мы знаем, что леса близ Ключищ практически не было – авт.), санными покосами и со всеми угодьями» (прим. 7). Формула «в поле а в дву потому ж» означает, что в действительности, при существующей тогда системе трехполья, эта площадь была в три раза больше, т. е. 50 четей. И отец Умяра соответственно владел не 50 четьями, а 150. Попутно отметим, что, исходя из количества проданной земли, можно заключить, что у умершего Танаймышы было три сына. И один из них – Умяр – продал свою наследственную землю Исянберде. Так Исянберда стал владельцем земли в Ключищах. По-видимому, купив землю в Ключищах, Исянберда так и не перебрался туда

жить. Это подтверждается тем обстоятельством, что его дети – Сафард (приблизительно 1630 года рождения – далее г.р.), Сеит (1683 г.р.) и Имрай (1688 г.р) – живут в Ключищах в начале XVIII не в собственном, полученном по наследству, доме, а во дворе ключищенца Ибрая Атляева (прим. 8). Возможно, в 1688 году, после рождения Имрая и смерти Исянберды, осиротевшая семья: старший сын Исянберды – Сафард – сам уже преклонного возраста, со своим достаточно взрослым сыном – Мексютом (Мюситом) (приблизительно 1650 г.р.) – и внуком по прямой линии Максутом (1668 г.р.), а также братьями – Сеитом и Имраем – перебирается в Ключищи, где у них был наследственный кусок земли.

Достаточно быстро включившись в общественную жизнь деревни, Мексют Сафардов и Максут Мексютов активно отстаивали её интересы. Так, например, в 1688 году, Мексют Сафардов разбирался в ситуации земельного конфликта с жителями села Салганы, а также в споре с влиятельными русскими помещиками: Ф.Ф.Волконским, А.П.Прозоровским и Д.Т.Наумовым (прим. 9). Конфликт было преодолен, а М.Сафардов поставил личную подпись под соответствующими бумагами алатырской администрации от имени земляков, подтверждая, что ключищенцы удовлетворены итогами разбирательств (прим. 10).

Будучи по меркам своего времени людьми образованными, М.Сафардов и М.Мексютов занимались обучением детей ключищенцев постижению Корана и основам грамотности. Анализ более поздних материалов показывает, что они дали исток достойному семейству ключищенцев, в поколениях которого постоянно были исламские священнослужители (прим. 11).

На первый взгляд, кажется непонятным, почему межевой документ, имевший серьезное значение для жителей деревни, подписывает человек, только перебравшийся в Ключищи из другой деревни, пусть даже имевший наследственную землю в ней, но, очевидно, малознакомый ключищенцам. Однако нужно, по-видимому, учитывать, что грамотных людей в тогдашней среде служилых татар было немного. К тому же, в списках жителей Ключищ и 1644 (прим. 12), и 1647 (прим. 13) годов, которыми мы располагаем, не указано ни одного абыза, поручная запись 1644 года подписана абызами соседних деревень, но не абызом-

ключищенцем (прим.14). Поэтому поведение ключищенцев, пригласивших разобраться в ситуации земельного спора Мексюта Сафардова, было совершенно логичным.

Таким образом, уже во второй половине XVII века в Ключищах проживали мусульманские священнослужители, заложившие основу процесса постоянных религиозных служб. Со временем окажется, что они стали зачинателями тех семейных родов, чьи представители традиционно выступали в качестве служителей исламского культа, воспитателей и учителей многих поколений ключищенцев.

Процесс развития духовной жизни ключищенцев был схож с религиозной жизнью иных татарских деревень: здесь имелась исламская община во главе со своими предводителями-имамами (абызами). Установленные факты их существования позволяют считать, что в Ключищах XVII века имелись грамотные, способные к проповеди и обучению, довольно культурные (по меркам того времени) лица. Именно они заложили основы духовно-нравственного роста последующих поколений своих земляков.

Процесс развития духовной жизни ключищенцев был схож с религиозной жизнью иных татарских деревень: здесь имелась исламская община во главе со своими предводителями-имамами (тогда еще не регистрируемыми абызами). Установленные факты их существования и деятельности позволяют считать, что в Ключищах XVII века имелись грамотные, способные к проповеди и обучению, довольно культурные (по меркам того времени) лица. Именно они заложили основы духовно-нравственного роста последующих поколений своих земляков.

Уже в первые десятилетия существования своей деревни ключищенцы активно участвовали в процессе внутри- и внешнеполитической деятельности российского государства. Они воевали наряду с другими служилыми людьми России с Польшей и Турцией, обороняли беспокойные пограничные участки в волжско-уральских степях, сдерживали калмыцкую угрозу. Изложенное свидетельствует, что изначально ключищенцы не только впитали в себя дух служилых государевых людей, но и проявляли качества подлинных россиян – верность долгу и государству, патриотизм и чувство коллективизма.

Библиографический список

1. Сенюткин, С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края): Монография / С.Б.Сенюткин. – Москва-Нижний Новгород: Изд. Дом «Медина», 2009.

Примечания

1. Центральный архив Нижегородской области (далее ЦАНО). – Ф. 1404. – Оп. 1. – Д. 1 а. – Л. 1– 2.
2. Там же. – Л. 1– 4.
3. Там же. – Л.3.
4. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 350. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 68.
5. ЦАНО. – Ф. 2. – Оп. 6. – Д. 232. – Л. 22.
6. Там же. – Ф. 1404. – Оп. 1. – Д. 1 а. – Л. 1.
- 7 Там же. – Ф. 161. – Оп. 109. – Д. 51. Л. 309 об.
8. РГАДА. – Ф. 350. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 62.
9. ЦАНО. – Ф. 161. – Оп. 109. – Д. 51. – Л. 302 – 305.
10. Там же. – Л. 305.
11. Подробнее см.: Сенюткин, С.Б. Историческая справка к генеалогическому древу семейства Ситдиковых /С.Б.Сенюткин, О.Н.Сенюткина. Нижний Новгород: [без изд.], 2001.
12. ЦАНО. – Ф. 1404. – Оп. 1. – Д. 1 а. – Л. 1.
13. Там же. – Ф. 2. Оп. 6. – Д. 232. – Л. 158.
14. Там же. – Ф.1404. – Оп. 1. – Д. 1 а. – Л. 3.

Сведения об авторе

Сенюткина Ольга Николаевна
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры культурологии,
истории и древних языков
НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
E-mail: senutkina@mail.ru

РОССИЯ В ВОСПРИЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ США 1917-1945 гг.

Е.А. Третьяченко

*Арзамасский государственный педагогический институт
им. А. П. Гайдара, г. Арзамас Нижегородской обл.*

Образ Советской России 1917-1945 гг., как негативный, так и позитивный, играл немаловажную роль в политических дискуссиях Америки. В связи с этим будет целесообразно рассмотреть произведения американских публицистов о Советской России с точки зрения того, как в них преломляется образ России, как её видела другая культура, как формировались те стереотипы её восприятия, которые, сохранившись частично и до наших дней, в обновлённом виде влияют не только на общественное мнение, но также и на характер политических, экономических и культурных взаимоотношений обеих стран.

Ключевые слова: образ, взаимоотношения, общество, недоверие, симпатии.

Russia as seen by US political and social figures 1917-1945
Elena Tretyachenko

The image of Soviet Russia 1917 - 1945 both negative and positive played a significant role in the political disputes of the USA. Thus it is worth while to analyze American publicism devoted to the Soviet theme from the point of view of inevitable distortions of Russian image, the way the other culture perceived and transformed the images into forms of various stereotypes, some of which are well preserved till nowadays influencing public opinion as well as the character of political, economical and cultural interrelations.

Key words: image, relations, society, distrust, sympathy.

Одной из центральных проблем не только России, но и Америки является проблема поиска нового качества взаимодействия между США и Россией. Переход к стратегическому партнерству не мог не актуализировать проблемы взаимного восприятия и видения обеими сторонами друг друга. Публицистическое наследие

американских писателей и журналистов в этом контексте не только не утрачивает своего значения, а наоборот, всё более актуализируется.

Публицистические источники в той или иной мере отражают политизированный, а иногда и явно тенденциозный подход к изображению образа Советской России и русских. Необходимо отметить, что публицистика не может дать исчерпывающего изложения и глубокого анализа всех сторон рассматриваемого вопроса. Оценивая публицистику, нужно иметь в виду различия между публицистическим произведением и научным исследованием. Публицист откликается на политические события, оказывая значительное влияние на формирование общественного мнения, массового сознания.

Таким образом, публицистика представляет наиболее «личностный жанр», при этом талант публициста, его пристрастия, политические симпатии и антипатии определяют направленность и глубину его творчества, определяя известную «политическую практичность» публицистов.

После 1917 г. на неподготовленного жителя Америки обрушился шквал антикоммунистической и антисоветской пропаганды, повлекший за собой массовую истерию, ксенофобию и болезненную подозрительность. Таким образом, большая часть общественности находилась в неопределённом положении. И если в 1917г. большевики подавались как освободители от царской тирании, то уже с 1918 г. Октябрьская революция в американской печати изображается как акт «дикой, необузданной толпы», направляемой «преступниками», Красная Армия сравнивалась с «недисциплинированной шайкой», а русский народ находился в ожидании войны, «чтобы восстать против своих московских властителей» [1]. К.Т.Тихий, автор книги «Американцы о Стране Советов 1921-1933 гг.» [2], указывает на особые психологические ассоциации в восприятии октябрьских событий в США. По его мнению, Октябрьская революция в американском сознании ассоциировалась с революцией, которая сопровождалась гражданской войной. Для многих американцев, помнящих о тяготах собственной Гражданской войны 1861-1865 гг., и уставших от мировой войны, перспектива гражданской войны была

устрашающей. Революция, повлёкшая Гражданскую войну в России, представлялась как некое негативное историческое событие, неважно, какими причинами оно было вызвано, вне зависимости от того, кто прав, а кто виноват в этой войне.

Не всё американское общество поддерживало своё правительство, и уже с первых дней существования Советской России определенная часть американского общества выступила за нормализацию отношений с ней и начала борьбу за её дипломатическое признание, за прекращение вооружённого вмешательства США во внутренние дела России, за отказ США от блокады молодого государства. В их рядах находились учёные, юристы, писатели, творческая и техническая интеллигенция, очевидцы и непосредственные участники тех событий. Среди них были такие признанные журналисты и публицисты, как Д. Рид, А.-Р. Вильямс, Л. Стеффенс и другие.

«Десять дней, которые потрясли мир» (Ten days that shook the world, 1918) Джона Рида считается одним из самых содержательных и достоверных источников, в котором сделана попытка не только воссоздать события, но и передать характер толпы, воздух улиц, общую атмосферу тех дней, даны детальные описания участников октябрьского переворота и с той, и с другой стороны. Несомненная ценность книги Рида в ее репортажности. Драма, разыгравшаяся на глазах Рида и состоящая из многочисленных личных потерь и боли, была, в общем, оставлена им в стороне, и в своем произведении он кропотливо и тщательно анализирует происходившую политическую ситуацию. Джон Рид как непосредственный свидетель взятия Зимнего дворца 25 октября (7 ноября) 1917 года, вошедший в него в первой колонне восставших, опроверг версию о штурме Зимнего. Это был захват дворца людьми, причём мало разбирающимися в происходящем. Рид был уверен, что завоевание большевиками власти и все последующие за этим события являются вполне закономерными и логичными. В его глазах, главный двигатель революционных событий – В.И. Ленин, интеллигентный образованный революционер – оказался способным не только проникнуться идеями масс, но и воплотить их в жизнь.

Наряду с появлением восторженных произведений многие американские писатели, побывавшие в России, писали о

существовании так называемой «красной» угрозы, анархии и терроре. Известный журналист А. Буллард, побывавший в России в качестве представителя правительственного Комитета общественной информации в разгар октябрьских событий, написал книгу «Русский маятник» (The Russian Pendulum, 1918), в которой выражал резко противоположное мнение о происходивших событиях, а произведение Джона Рида подверг жёсткой критике. Наблюдая одни и те же события, они пришли к совершенно различным выводам.

Произведение Джозефа Дж. Мерето «Красный заговор» символизировало общее настроение по отношению к России, с его критикой в адрес революционных действий, внешней политики, «автократизма» Ленина и его стремления «распространить большевизм на все остальные страны».

В отечественной американистике знаменитый журналист, корреспондент газеты «Нью-Йорк пост» Альберт Р. Вильямс вполне оправданно считается первопроходцем в налаживании дружественных взаимоотношений между народами России и США. Американский интернационалист Альберт Рис Вильямс приехал в Россию летом 1917 года, став очевидцем и участником Октябрьской революции. По возвращении в Америку Вильямс активно выступал в защиту советской власти, агитировал против интервенции Северо-Американских Соединенных Штатов на Дальнем Востоке, вел пропаганду большевистских идей, совершал лекционные туры, читал лекции, выступал на страницах американской прессы. По этому поводу газета «Нью-Йорк таймс» даже заметила, что величайшим достижением большевиков можно считать не только армию, но и «... А. Р. Вильямса, которому рукоплещут огромные аудитории» [3].

Способствуя нормализации отношений между двумя странами, документальная публицистика разрушала негативные стереотипы представлений о советской России. Произведения американских документалистов позволяли советским людям так же по-новому взглянуть на события истории, осознать их интернациональное значение.

Т. Драйзер, прибывший в СССР на празднование десятой годовщины Октября, обобщил свои впечатления о поездке в книге

«Драйзер смотрит на Россию» (1928). Несмотря на то, что практически все советские американисты ссылаются на книгу Т. Драйзера о России, сам текст представляет собой «фигуру умолчания», ибо, как сегодня приходится признать, писатель увидел не только завоевания «Великого Октября», но и те извращения и несообразности в строительстве социализма, нарушения законности и изъяны, что особо памятно нам по 30-м, 40-м и началу 50-х годов. В 30-е годы Драйзер рассматривал Россию как «спасительницу мировой законности и справедливости» в свете фашистской угрозы. В отличие от многих других просоветски настроенных западных писателей, Драйзер не разочаровался в СССР и после подписания в 1939 году советско-германского пакта о ненападении, считая, что документ обеспечит России полную безопасность. Однако террор, чистки 30-х годов, ликвидация троцкистов заставили Драйзера усомниться в справедливости того, что происходило в России, и в 1938 году он даже предполагает, что «быть может...советский эксперимент не лучше любого другого эксперимента» [4]. Таким образом, Драйзер имел амбивалентную точку зрения по поводу советского эксперимента. Он одинаково хорошо разглядел как преимущества, так и недостатки новой системы.

Совсем иную картину представляет бестселлер корреспондента «Нью-Йорк таймс» в Москве с 1921 по 1934 год У. Дюранти «Я пишу так, как мне хочется» [5] (I write as I please, 1935), в котором он описывает свой журналистский путь, начиная с Первой мировой войны и до 1935 года. Большая часть жизнеописания в мемуарах связана с Советским Союзом. Москву он считал самым интересным местом в мире. Пытаясь быть «предельно честным» по отношению к большевикам, он с большим восторгом отзывался о первом пятилетнем плане, достижениях и планах России на будущее и полностью поддерживал официальную политику Советского правительства. В наши дни, с открытием многих преступлений сталинского режима, обошедшихся в миллионы жизней, роль и вклад блестящего журналиста своего времени стали предметом ожесточённых споров. Его вина в том, что он не только сознательно замалчивал и обелял в своих материалах из СССР преступления сталинского режима, благосклонно освещал Московские процессы, ничего не писал о голоде 1932-1933 годов на

Украине, но и называл лжецами других журналистов, которые сообщали об этой трагедии.

В то же время многие из иностранных журналистов, посетивших Россию, из симпатизировавших советскому эксперименту меняли свои взгляды и начинали занимать резко антисоветские позиции. Один из примеров подобных перемен московский корреспондент «Юнайтед Пресс интернейшнел» с 1928 по 1934 г. Юджин Лайонс. За годы пребывания в «рае для рабочих» он превратился в жёсткого критика советского эксперимента и в книге мемуаров «Командировка в утопию» (*Assignment in Utopia*, 1937) занял резко антисталинскую и антисоветскую позицию.

Искренностью дышат строки о России первого западного фотографа, получившего разрешение на съёмки в СССР – американской журналистки и фотографа Маргарет Борк-Уайт, автора стиля «фото эссе», отразившей свои впечатления в книге «Взгляд, устремлённый на Россию» [6] (*Eyes on Russia*, 1931), на основе которой было создано два документальных фильма. Перед нами встают реальные картины жизни советских людей, какой её увидела женщина – фотограф. Её восхищали и удивляли русские люди. Она отзывалась о них как о людях, полных артистизма от природы, с хорошим чувством ритма и музыки, но страна в целом далеко уступала в техническом плане США и странам Европы.

Экономический кризис 1929-1933 гг., развившийся на фоне решительных успехов первой пятилетки в СССР, заставил миллионы простых американцев задуматься над несовершенством господствующей системы. Вместе с тем мощный подъем забастовочного, широкое антивоенное и антифашистское движение, рост авторитета Компартии США, поворот многих представителей художественной интеллигенции «влево», их обращение к марксизму – все это нашло отражение в культурной жизни США и создало предпосылки для качественно нового этапа в развитии советско-американских культурных связей. В это время самым распространенным жанром становится путевой очерк, хотя не редко можно встретить зарисовку, письмо, социологический или экономический этюд.

С 1933 года, после установления дипломатических отношений с СССР, культурные связи начинают развиваться более интенсивно.

Однако определяющим фактором в развитии советско-американских связей был социально-психологический поворот в сознании большинства американского народа, под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, который усилился именно в «Красные тридцатые».

Книга американского государственного и политического деятеля, дипломата Джозефа Дэвиса «Миссия в Москву» (Mission to Moscow, 1941) [7], написанная им в период пребывания в России с 1937-1938 гг. в качестве посла США, представляет собой ценное свидетельство доброжелательного отношения к России официального лица. В целом, будучи просоветской и просталинской, книга мемуаров Дж. Дэвиса «Миссия в Москву» стала бестселлером в США. Характеризуемая в высшей степени документальностью, она содержит на каждой странице ссылки на источник: официальную и частную переписку, дневниковые записи, служебные записки, заметки и комментарии, хронологически доведённые до октября 1941 года. Деятельность Дэвиса на посту посла США в СССР продолжалась с января 1937 года до весны 1938 года, т.е. пришлась на пик «политических репрессий», а потому личный посланник Ф. Рузвельта и его свидетельства о происходивших в ту пору событиях, а также сама его книга представляет огромный интерес. Книга «Миссия в Москву» до сих пор считается образцом «низкопоклонства» просталинской литературы, когда-либо публиковавшегося за пределами СССР и стран социалистического лагеря. Восприятие России американской общественностью значительно отличалось от восприятия официальных кругов.

Несмотря на установление дипломатических отношений между Россией и США в 1933 году, американские государственные институты рассматривали Россию как потенциального противника и их политика в отношении нашей страны была в высшей степени неоднозначна.

Простые же американцы всегда, зачастую вопреки властям, относились к России с симпатией. Пример тому – Марта Додд. В России книга Марты Додд «Из окна посольства» (Through embassy's eye, 1939) хотя и рассматривалась как «ценное свидетельство беспристрастного очевидца» и носила во многом пропагандистский

характер, вышла в 1942 году с большими купюрами. В русском варианте книги нет ни слова о голоде в Поволжье в 1932- 1933 годах, об удручающей нищете русского крестьянства, о тараканах и клопах и убожестве русских туалетов – то есть о тех «мелочах», на которые не обращает внимание русский и которые играют значительную роль в жизни любого американца или европейца. Рассказывая на страницах своей книги о тех или иных неудобствах, М.Додд ни в коей мере не стремится обидеть полюбившуюся ей страну, она лишь констатирует тот факт, что есть еще над чем работать, и запрещенных тем нет, а так же не стоит забывать, что как истинная женщина, и при том американка, она просто не могла не обратить внимание на некоторые вещи. В конечном же счете мы еще раз убеждаемся в разности ментальности русского и американца. М. Додд была одна из первых, затронувшей в своем произведении бытовую сторону жизни в Советской России, о чем многие из наших соотечественников не могли и догадываться.

Вторая мировая война явилась серьезным испытанием для советско-американских отношений, в том числе и литературных. Несмотря на политическое и идеологическое противодействие американского государственного аппарата и правящих кругов США, среди рядовых американцев интерес и симпатии к Советской России в годы войны были огромны. Несмотря на все трудности, многие американские журналисты самоотверженно исполняли свои обязанности, рассказывая мировой общественности о суровых военных буднях, радости побед и горечи поражений. Палитра мнений иностранных корреспондентов была широкой и разнообразной, и она формировала мировое общественное мнение, внося свой вклад в победу над общим врагом.

Книга репортажей Э. Колдуэлла «Дорога на Смоленск» (1942), книга журналиста Д. Брауна «Россия борется» (1943) разошлись невиданным тиражом. Уже в первые месяцы войны Э. Колдуэлл убедился во всенародном характере отпора, который Россия давала врагу. Он писал о стойкости советских солдат на фронте, сражавшихся на дальних подступах к столице, о первых воздушных таранах в московском небе, о подростках, пришедших на завод, о тех тысячах людей, которые днем и ночью рыли окопы под Москвой. В книге выражается убежденность автора в сплоченности

народа России, в его готовности переносить все тяготы военного времени, в его единодушном порыве победить врага. Очевидец битвы за Москву американский корреспондент Кэрролл Уоллас в книге «Мы в этом с Россией» (We're in this with Russia, 1942) выражал уверенность, что Москва выстоит, несмотря на нехватку военной техники, отмечая, что солдаты и офицеры Красной Армии были морально на очень высоком уровне. Битве на Волге посвятил свою книгу «Год Сталинграда» (The Year of Stalingrad, 1943)[8] английский публицист А. Верт. Он объективно оценивает значение этой битвы, отмечает ее ожесточенный и бескомпромиссный характер. Не остался незамеченным героизм и жителей Ленинграда.

Публиковались во время войны и такие работы, в которых высказывалось недоверие к Советской России, содержались призывы к бдительности по отношению к ней. К их числу относится, например, работа С. Неаринга «Советский Союз как мировая держава» (The Soviet Union as a World Power, 1979) [9], изданная в США в 1945 г.

Значительная часть литературы, издававшейся в то время в США и Англии, носила познавательный характер. Авторы стремились удовлетворить возросший интерес своего населения к Советскому Союзу. В книгах А-Р. Вильямса, М. Добба, В.Уайта, Р. Бакка раскрывались национальные особенности русского народа, условия жизни в Советском Союзе, давалась характеристика общественного строя, экономики, их функционирования в условиях войны против Германии, имелись сведения о культуре и литературе России и многих других проблемах.

Таким образом, 1941 год можно считать началом новых, более доверительных и дружеских отношений между Советской Россией и США. Гуманитарные контакты между Россией и США в 20-40-е годы продолжали интенсивно развиваться. Вторая мировая война в полной мере выявила взаимные симпатии народов России и США. Обоюдно отрешившись от образа врага, наши страны стали союзниками. В этот период происходит активный культурный обмен, закладываются прочные основы долговременных культурных отношений, которые не рухнули в самые мрачные времена «холодной войны», когда правительства обеих держав

настойчиво старались превратить культуру и литературу в заложников политики противостояния.

Сегодня в России остро стоит проблема национального самопознания и осознания, от решения которой зависит не только вопрос дальнейшего развития страны, но и её выживания в настоящем. Действительное личное или национальное самоосознание невозможно без знаний и учёта сторонней оценки. Публицистическая литература, представляющая взгляд иностранцев на нашу страну, помогает в осмыслении образа России за рубежом.

Библиографический список

1. Касьянко, В.И. Правда и ложь о Стране Советов / В.И. Касьяненко. – М., 1987. – С.18.
2. Тихий, К.Т. Американцы о стране Советов 1921-1933 гг. / К.Т. Тихий; Рос. акад. наук. Дальневост. отд-ние. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, М-во образования РФ. Уссур. гос. пед. ин-т. - Владивосток: Дальнаука, 2000. - 255 с.
3. Гиленсон, Б.А. А.-Р. Вильямс // Новая и Новейшая история. - 1984. №7. – С. 86.
4. Elias, Robert H. Theodore Dreiser: Apostle of Nature / Robert H. Elias. - N. Y., 1949. – P. 265.
5. Duranty, Walter. I write as I please / W. Duranty. – New York: Simon and Schuster, 1935. – 542 p.
6. Bourke-White, Margaret. Eyes on Russia / Margaret Bourke-White; with a pref. by Maurice Hindus. – New York: Simon and Schuster, 1931. – 135 p.
7. Davies, Joseph Edward. Mission to Moscow / Joseph E. Davies. – New York: Simon and Schuster, 1941. – 659 p.
8. Werth, Alexander. The year of Stalingrad, a historical record and a study of Russian mentality, methods and policies / [by] Alexander Werth. – New York: A.A. Knopf, 1947. – 475 p.
9. Nearing, Scott. The Soviet Union as a world power / Scott Nearing. – New York, 1945. – 326 p.

Сведения об авторе

Третьяченко Елена Александровна
преподаватель английского языка
АГПИ им. А.П. Гайдара
E-mail: treelena@yandex.ru

ХРОНИКА

XXXIII Всероссийская научная конференция «Добролюбовские чтения. Личность и общество в контексте исторического времени», 5-7 февраля 2009 г.

В Нижегородском государственном университете им Н.А. Добролюбова прошла XXXIII Всероссийская научная конференция «Добролюбовские чтения. Личность и общество в контексте исторического времени» (5–7 февраля 2009 г.), а также научные чтения и круглые столы, посвященные 100-летию со дня рождения литературного критика, публициста и журналиста Б.С.Рюрикова (апрель 2009 г.).

Очередная Всероссийская научная конференция «Добролюбовские чтения» была организована и проведена в тесном сотрудничестве кафедры культурологии, истории и древних языков (зав. кафедрой доктор исторических наук, проф. В.М. Строгецкий) и Нижегородского государственного литературного мемориального музея Н.А. Добролюбова (директор Л.Ю.Моторина и зам. директора по научной работе Г.А.Дмитриевская).

Среди участников конференции были, кроме нижегородцев, ученые из Казани, Владимира, Суздаля, Читы, Санкт-Петербурга. В составе конференции работали восемь секции, а также состоялся круглый стол «Добролюбовские чтения. Итоги и перспективы».

В ходе работы первой секции (руководитель Г.А. Дмитриевская) были рассмотрены поднятые в свое время Н.А. Добролюбовым и его современниками проблемы взаимоотношения личности и общества, а также вопросы краеведения и музееведения. В работе секции приняли участие 12 докладчиков. Их выступления были посвящены литературным связям Н.А. Добролюбова и его литературно-критической деятельности (доц. Е.В.Живолупова – НГЛУ, А.В.Курочкина-Лезина – НГПУ, Е.В.Соболева – НГЛУ, Е.В.Курбакова – НГЛУ). Проблему сохранения литературных и архитектурных памятников культурного наследия добролюбовской эпохи подняли в своих докладах И.В. Петров – Департамент архитектуры городской Администрации Нижнего Новгорода,

Т.С.Рыжова – НГАСУ, д.ю.н., проф., Ю.Г.Галай – ВШЭ, А.А.Давыдова – «Этнос», Г.А.Дмитриевская и Л.И.Моторная – музей Н.А. Добролюбова и другие.

Личность, общество и история в контексте античной культуры стали предметом рассмотрения на секции, которой руководил В.М. Строгоцкий. С докладами выступили, кроме аспирантов, д.и.н., проф. А.В.Махлаюк – ННГУ, доц. А.В.Хазина – НГПУ, А.А.Рыбакова – НГЛУ, М.П.Самойлова – НГЛУ и др.

Известно, что глубокий интерес к античной истории нашел свое отражение также в литературно-критических статьях и рецензиях Н.А. Добролюбова.

Выступления 14 участников в двух секциях были посвящены философским, культурологическим и эстетическим проблемам искусства и роли искусства в рассмотрении темы личности и общества в меняющемся мире. Руководителями секций были кандидат философских наук, доц. Д.А.Скопин и доктор искусствоведческих наук, проф. А.Н.Донин.

Речь шла об универсальной природе явлений искусства и культуры (Н.В.Хитрун – НГАСУ), философии культуры у Ж.Рансьера (Д.А.Скопин – НГЛУ); о гравюрах аугсбургских мастеров первой половины XVIII в. в России (Н.В. Свирина – ННГУ, о графических интерпретациях образов «Слова о полку Игореве» (Н.В.Квач – НГЛУ), о художнике Р.А.Ступине, его педагогической деятельности и творчестве (Е.С. Акимов – НГЛУ) и др.

В рассмотрении историко-культурного процесса и его реалий в зарубежной и отечественной литературе (руководители секций доктор филологических наук, проф. З.И.Кирнозе – НГЛУ и кандидат филологических наук, проф. Н.В. Живолупова – НГЛУ) приняли участие 16 человек. Были заслушаны и обсуждены доклады о рецепции творчества О.Мандельштама в Австрии (А.Е.Лобков – НГЛУ), Житие Аввакума Петрова (доц. К.Ю.Кашлявик – НГЛУ), о Франсуа Мориаке и Франции XX в. (проф. З.И.Кирнозе – НГЛУ), о творчестве С.Г.Колет (доц. С.М.Фомин – НГЛУ), о «Рукописях Гонзаги» и «Письмах Асперна» (доц. М.К.Бронич – НГЛУ), о романах Д. Лоджа (доц. О.А.Наумова – НГЛУ); о художественно-философских концепциях Вяч.И.Иванова и Р.У.Эмерсона (кандидат филологических наук Д.В.Боснак – НГЛУ); о проблеме генезиса

эстетического феномена «меланхолия» (кандидат филологических наук А.Г. Садовников – НГЛУ).

Исторической секцией «Цивилизационный подход к оценке историко-культурных процессов и явлений» руководила доктор исторических наук, проф. О.Н.Сенюткина (НГЛУ). Были заслушаны и обсуждены доклады, посвященные рассмотрению возможностей цивилизационного подхода в оценке влияния личности на ход истории (проф. О.Н.Сенюткина – НГЛУ), о неизбежности столкновения российской и японской цивилизаций в нач. XX в. (доц. О.Ю.Шароградская – ННГУ), о радикальных движениях в ФРГ (доц. Б.А.Ночвина – НГЛУ) и др.

Секцию философии и культурологии «Проблемы взаимодействия личности и общества» возглавила кандидат философских наук, доц. О.К.Шиманская (НГЛУ). Были заслушаны и обсуждены доклады о специфике межконфессиональных отношений в русской философии (доц. О.К.Шиманская – НГЛУ), об индивидуальном и типическом в творчестве Э.Роттердамского (Л.В. Софронова – НГПУ), о философской модели личности у Г.В.Плеханова (Л.М.Половинкина – НГПУ) и др.

Всего в работе конференции приняли участие около 100 человек.

По результатам работы XXXIII Всероссийской научной конференции «Добролюбовские чтения» были приняты следующие предложения:

- Придать научной конференции «Добролюбовские чтения» международный характер, акцентировав большое внимание на проблемах философии, культуры, истории и общественно-политической мысли XIX в. Н.А. Добролюбова и его окружения.
- Расширить географию «Добролюбовских чтений».
- Выделить в самостоятельную секцию «Музееведение» и привлечь к работе известных музееологов и представителей музеев из России и из-за рубежа.

На Нижегородских чтениях, посвященных 100-летию со дня рождения литературного критика, публициста и журналиста Б.С.Рюрикова, как заметил впоследствии сын Бориса Сергеевича Д.Б.Рюриков, подробно охарактеризовавший творческую деятельность своего отца, разговор проходил в форме свободного путешествия по времени, ситуационных сравнений и диалога

поколений интеллигенции. Выступавшие отмечали, что мечты Добролюбова и его соратников не нашли воплощения в советском государстве, которое, погубив десятки миллионов своих сограждан, среди которых было немало выдающихся личностей, и само пало, дискредитировав коммунистическую утопию.

Чтения показали, что ценность наследия Добролюбова и его соратников в силе духа этих талантливых людей, в их страстности в отстаивании своих гуманистических убеждений, в их бескорыстности признании духовных ценностей непреходящими качествами, значительно превосходящими материальные. Очень обстоятельным было выступление Л.Н.Васильевой, зав. отделом художественной литературы журнала «Иностранная литература». Она рассказала о перспективных планах публикации новых произведений зарубежной литературы, об искусстве перевода, трудностях, которые сегодня переживают толстые литературные журналы. С появлением современных электронных средств информации читательский интерес к ним значительно сказался. Тем не менее, ее выступление вызвало активное обсуждение. Были высказаны различные предложения и пожелания, каким образом активизировать студенческий и преподавательский интерес к «Иностранной литературе» и другим литературным журналам.

В.М. Строгоцкий

**Научно-практический семинар
«Слово в пространстве диалога культур»
9 октября 2009 г.**

В начале октября 2009 года на кафедре немецкой филологии НГЛУ состоялся научно-практический семинар «Слово в пространстве диалога культур». Основными темами обсуждения стали культурная ценность слова, смысловый потенциал слова (явные и скрытые смыслы, вторичный смысл), взаимодействие «слова», «понятия» и «концепта», проблемы художественного слова как фокуса авторского слова и слова эпохи, роль слова в переводе и в трансляции культуры, изучение слова как вхождение в инокультуру, проблемы функционирования слова в повседневной коммуникации и др.

В рамках первого заседания по теме «Пространство слова и пространство дискурса» были заслушаны доклады доцента Ж.В. Никоновой «Фреймовый анализ как метод лингвистического исследования речевых актов в национальном дискурсе» и доцента Н.Е. Бажайкина «О карнавализации электорального сознания (на примере выборов в немецкий бундестаг 27 сентября 2009 г.)». В рамках второго заседания по теме «Смысловый потенциал слова. Слово как элемент текста» с докладами выступили доцент Н.А. Голубева «Феномен прецедентности в грамматике» и доцент Е.В. Плисов «Лексико-грамматическое своеобразие типа текста «*Andachtsbuch*».

Со своими сообщениями по темам выполняемых диссертационных исследований выступили также аспиранты кафедры Н.А. Чешуина, И.А. Фадеева, Л.В. Приходько. В работе семинара приняли также участие коллеги из Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева, аспиранты и студенты старших курсов факультета немецкого языка.

Е.В. Плисов

**Международная научная конференция
«Концепты хаоса и порядка в естественных и гуманитарных
науках», Нижний Новгород – Городец
24 – 29 октября 2009 г.**

Международная научная конференция «Концепты хаоса и порядка в естественных и гуманитарных науках» была проведена Австрийским культурно–образовательным центром (Австрийской библиотекой) Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова совместно с Почетным консульством Австрии в Нижнем Новгороде, Нижегородской государственной консерваторией (Академией) им. М.И. Глинки, Правительством Нижегородской области, администрацией г. Нижнего Новгорода, издательством «Деком» (Нижний Новгород), администрацией Городецкого района Нижегородской области, Городецким историко-художественным комплексом, Федоровским мужским монастырём в г. Городце, Министерством иностранных и европейских дел Австрии, Австрийским культурным форумом (Москва), посольством Австрии в РФ, Университетом г. Вены, «Австрийским литературным обществом» (Вена), Литерар Механа (Вена), магистратом г. Вены, Издательством «Аполлон» (Вена), университетом г. Линца, Бюро по международным культурным связям при правительстве федеральной Земли Верхняя Австрия (Линц), университетом г. Дуйсбурга-Эссена (Германия), «Академической службой обменов» (Германия), «Обществом российско-германских встреч» (Эссен).

Конференция посвящена памяти Венделина Шмидт-Денглера (1942 – 2008), профессора германистики Венского университета, литературоведа и лингвиста, который принял непосредственное участие в подготовке международного проекта.

В качестве теоретической опоры была избрана концепция «хаоса» и «порядка» в теориях российско – бельгийского физика, философа и лауреата Нобелевской премии Ильи Пригожина (1917 – 2003). Цель симпозиума - установление междисциплинарного диалога о проблемах хаоса и порядка в естественных и гуманитарных науках.

Об интересе, который вызвала конференция, говорит среди прочего и состав участников – это представители гуманитарных и естественных наук и деятели искусства из России, Австрии, Германии, США и Канады. Рабочими языками послужили английский, немецкий и русский.

Пленарное заседание открыли ректор НГЛУ проф. Б. Жигалёв, президент НГЛУ проф. Г. Рябов, председатель Российского союза германистов доц. А. Белобратов (Санкт – Петербург) и С. Мраз, директор Австрийского культурного форума, атташе по культуре посольства Австрии в РФ. Всего в первый день состоялись два пленарных заседания: «Концепты хаоса и порядка в культуре и языке», докладчиками на котором выступили проф. М. Шмидт-Денглер (Вена), проф. Б. Шрёдер (Дуйсбург – Эссен), проф. Е. Гриценко (Н. Новгород), проф. В. Бухаров (Н. Новгород), проф. В. Зусман (Н. Новгород), проф. З. Кирнозе (Н. Новгород), и «Концепты хаоса и порядка в литературе», на котором доклады прочитали проф. Н. Пестова (Екатеринбург), проф. М. Мюллер (Вена), проф. Й. Хольцнер (Инсбрук), проф. У. Рененер – Хенке (Эссен), проф. Х. Боссе (Дуйсбург – Эссен). Также состоялось выступление О. Грубер (Линц) для слушателей курсов повышения квалификации о роли судебного переводчика в расследовании и судебном заседании. Вечером 24 октября в Большом зале Нижегородской государственной консерватории (Академии) им. М.И. Глинки состоялся концерт «От хаоса к порядку в музыке».

Выездное заседание конференции прошло в г. Городце 25 октября 2009 г. Заседание состоялось при поддержке Правительства Нижегородской области, Городецкого Краеведческого музея (директор – В. Бровина) и администрации Городецкого района (глава администрации – А. Минеев). В работе секции «Концепты хаоса и порядка в гуманитарном знании» приняли участие игумен Августин, наместник Фёдоровского мужского монастыря в г. Городце, проф. А. Донин (Н. Новгород), проф. М. Никола (Москва), доц. И. Черенок (Калининград), проф. Н. Ильченко (Н. Новгород), проф. Фр. Уайт (Канада – США), проф. В. Океанский (Шуя). Во второй секции «Концепты хаоса и порядка в немецкоязычных литературах» выступили Ш. Курц (Вена), А. Жеребин (Санкт – Петербург), Л. Цибенко (Львов), К. Скорнякова (Н. Новгород), В. Савина (Н. Новгород). Заседания проходили в Городецком

Краеведческом музее и музее «Дом графини Паниной». В музее «Дом графини Паниной» для участников конференции состоялся концерт вокальной музыки студентов и выпускников Нижегородской консерватории (класс проф. Н. Зусман).

26 октября была организована работа двух круглых столов по проблемам «Хаоса и порядка» в теории и практике переводоведения, литературоведения и лингвистики. С докладами выступили проф. И. Алексеева (Санкт – Петербург), проф. О. Сапожникова (Н. Новгород), доц. Е. Гордеева (Калининград). Модератором круглого стола по проблемам переводоведения выступил член Союза переводчиков России, доц. В. Сдобников (Нижний Новгород). На «Круглом столе», посвященном проблемам литературоведения и лингвистики, выступили проф. А. Гринштейна (Самара), проф. А. Вольский (Санкт – Петербург), доц. Л. Аверкина (Н. Новгород), к.ф.н. М. Свердлов (Москва), к.ф.н. С. Ташкенов (Москва), к.ф.н. Н. Шалгинова (Москва). В рамках «Круглого стола» прошла презентация «Словаря по межкультурной коммуникации». Авторы словаря – проф. В. Зинченко (Одесса), проф. В. Зусман, проф. З. Кирнозе, проф. Г. Рябов.

Параллельно с заседаниями конференции в НГЛУ была организована работа секции «Концепты хаоса и порядка в музыкальном искусстве в Нижегородской государственной консерватории им. М.И. Глинки» (24.10.09 – 25.10.09). Руководитель - проректор консерватории, проф. Т. Сиднева.

Заключительное мероприятие международного проекта «Концепты хаоса и порядка в естественных и гуманитарных науках» состоялась 29 октября 2009 г. в Гербовом зале Нижегородской ярмарки в рамках программы 14-го Международного научно – промышленного форума «Россия Единая». В программу форума была включена дипломатическая игра, посвященная антикризисному управлению в международных отношениях. В дипломатической игре, проходившей на английском и немецком языках, приняли участие студенты факультета международных отношений, экономики и управления НГЛУ (декан – доц. О. Миронова). В качестве переводчиков выступили австрийские студентки К. Витте (университет г. Вены) и М. Хой (университет г. Инсбрука). Международная команда экспертов, в составе которой были бригадный генерал Х. Фельнер, атташе по

военным вопросам посольства Австрии в РФ, С. Мраз, атташе по культуре посольства Австрии в РФ, проф. А. Сергунин (факультет международных отношений университета г. Санкт-Петербурга), высоко оценила подготовку студентов НГЛУ как в области теории международных отношений, так и в практике ведения переговоров. Модератором игры выступил президент НГЛУ, проф. Г. Рябов. Автор идеи – проф. Д. Митин (университет С. Каролина, США – НГЛУ). Координатор проекта – проф. Н. Гронская (НГЛУ).

По итогам работы будет издана коллективная монография «Концепты хаоса и порядка в естественных и гуманитарных науках».

К. Н. Мишина, Т.П. Смирнова

**Международная конференция
«Французский язык и культура Франции в России XXI века»,
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
2-3 ноября 2009 года**

Вторая международная научно-практическая конференция организована в преддверии года Франции в России и была второй по счёту встречей в НГЛУ российских и зарубежных ученых, ведущих теоретические исследования в области французской филологии, литературы, межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, методики преподавания французского языка и культуры Франции в различных типах учебных заведений.

В конференции приняли участие 92 человека, из них 12 учителей французского языка школ Нижнего Новгорода, Дзержинска, Ижевска и Волгограда, директор «Alliance Française» Н.Новгорода, студенты, аспиранты и преподаватели из Москвы, Иваново, Пятигорска, Перми, Белгорода, Рязани, Тюмени, Мордовии, Бурятии, Удмуртии, Адыгеи.

Пленарное заседание, которое открыл ректор НГЛУ проф. Б.А. Жигалев, оказалось чрезвычайно информативным. Доклад на французском языке с оригинальным электронным сопровождением представила зав. кафедрой романской филологии Московского государственного областного университета, доктор филологии Университета Франш-Конте И.В. Скуратова. С большим интересом был воспринят аудиторией и доклад зав. кафедрой французского языка и перевода НГЛУ Е.Р. Поршневой о лингвообразовательных задачах обучения иностранным языкам в свете Болонских соглашений.

Далее работа конференции проходила по секциям: «Теоретические проблемы французской лингвистики», «Научно-практические проблемы межкультурной коммуникации», «Французская литература. Лингвострановедение. Перевод», «Методика и практика преподавания французского языка и культуры в специализированном и неспециализированном вузе», «Методика и практика преподавания французского языка и культуры в средней школе на различных этапах обучения». По

мнению руководителей и участников секций представленные проблемы были актуальны, вызвали интерес и живые дискуссии.

Никого не оставил равнодушным мастер-класс по интерпретации текста, проведённый профессором кафедры французской филологии, доктором университета «Сорбонна IV» А.Е. Бочкаревым.

Второй день работы конференции начался с экскурсии в центр Нижнего Новгорода, после которой участникам конференции был показан концерт с участием школьников гимназии №53 с углублённым изучением французского языка. Настроившись на лирический лад французской песни, руководители и участники секций подвели итоги конференции, отметив, что она позволила обобщить накопленный опыт в данных областях науки и сделать новые шаги в укреплении позиций французского языка в средней и высшей школах России.

Финансовую поддержку конференции оказали компания «ВодоходЪ» и выпускники факультета французского языка НГЛУ.

Е.В. Васенева

**Международная научная молодежная конференция
«Перевод как фактор развития науки и техники
в современном мире», Нижний Новгород
9-11 ноября 2009 г.**

Замечено, что в последние годы в России стало все больше и больше проводиться научных конференций, посвященных проблемам изучения перевода. И это не только проявление «моды на перевод», столь заметной в настоящее время, моды на подготовку переводчиков (которые, вероятно, действительно востребованы даже в эпоху кризиса). Переводческое сообщество, лет двадцать тому назад представленное лишь отдельными крупными переводческими центрами, прежде всего, специализированными вузами и факультетами, сейчас значительно диверсифицировалось и расширило свою географию. Как следствие – стремление переводческого сообщества страны к объединению своих усилий, к систематизации самого процесса переводоведческих исследований и к более активному распространению их результатов, к обмену опытом. Очевидно, что в будущем исследование перевода будет более эффективным, если уже сейчас к этой работе привлекать кадры молодых, начинающих исследователей. Именно эта идея легла в основу проведения Международной научной молодежной конференции «Перевод как фактор развития науки и техники в современном мире», организованной переводческим факультетом Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А.Добролюбова совместно с Нижегородским отделением Союза переводчиков России. В конференции приняли участие студенты и аспиранты девяти учебных заведений России: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, Липецкого филиала НГЛУ, Воронежского государственного университета, Волгоградского государственного педагогического университета, Пермского государственного технического университета, Марийского государственного университета, Удмуртского государственного университета, Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов,

Рыбинской государственной авиационной и технологической академии им. П.А.Соловьева (более 60 человек).

Собственно, название мероприятия – «научная конференция» - не отражает его специфики, поскольку формат конференции был исключительно необычным и включал, помимо проведения собственно научных секций, выступление одного из мэтров отечественного перевода, проведение конкурса устного перевода среди студентов, проведение деловой игры. По сути, получилась не просто конференция, а настоящий переводческий форум, в рамках которого участники имели замечательную возможность общаться друг с другом и сравнивать навыки практического перевода и научного исследования.

На открытии конференции выступил Президент НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, член СПР, выпускник переводческого факультета НГЛУ профессор Геннадий Петрович Рябов. В своем выступлении он отметил растущую значимость переводческой профессии в современном мире, важную роль переводчиков в процессе объединения мирового сообщества, его превращения в «общий дом». С приветственным словом к участникам конференции обратились декан переводческого факультета доцент Ирина Юрьевна Зиновьева и переводчик-синхронист Михаил Александрович Загот.

Собственно деловая часть конференции началась с проведения круглого стола на тему «Новые информационные технологии в профессиональной деятельности переводчика». В качестве модератора выступил кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения Тюменского государственного университета Андрей Борисович Кутузов. На заседании были затронуты такие темы, как особенности применения систем Translation Memory в процессе перевода, достоинства и недостатки этих систем, возможности использования ресурсов сети Интернет в переводческой деятельности и т.п. Участники круглого стола подчеркивали важность обучения будущих переводчиков работе с системами Translation Memory и ресурсами сети Интернет. При этом выяснилось, что далеко не во всех вузах, где ведется подготовка переводчиков, студентам предлагается курс «Новые информационные технологии в профессиональной деятельности переводчика» (впрочем, название курса может быть и иным). Из

числа вузов, представленных на конференции, можно выделить, пожалуй, Тюменский госуниверситет (разработчик и преподаватель курса – А.Б.Кутузов) и Воронежский государственный университет.

Первый день конференции продолжился и закончился встречей с известным переводчиком-синхронистом, председателем Московского отделения СПР М.А.Заготом. Михаил Александрович рассказал студентам о разных аспектах переводческой профессии, ответил на очень конкретные, практические вопросы студентов, в частности, о том, как бороться с проявлениями стресса в процессе синхронного перевода, об этических аспектах отношений между переводчиками и между переводчиками и работодателями. Разговор о профессии перемежался песнями М.А.Загота в исполнении автора.

Второй день конференции был посвящен практической работе. Основное мероприятие – межвузовский конкурс устного перевода, проводимый по разным языкам: английскому, немецкому и французскому. Единственное задание конкурса – двусторонний перевод интервью общественно-политической тематики. Каждому участнику предлагался на перевод один и тот же текст, который читался преподавателями переводческого факультета и носителями иностранного языка. Приятно отметить, что в организации и проведении конкурса, в работе жюри приняли активное участие члены Союза переводчиков России М.А.Загот, О.В.Петрова, В.В.Сдобников, В.В.Чапанов, Т.В.Иванова, М.А.Гиндинсон, И.В.Никитина. Как и во всяком конкурсе, в конкурсе устного перевода выявились свои лидеры и отстающие, причем вряд ли можно сказать, что качество презентации на конкурсе напрямую определялось принадлежностью участника к тому или иному вузу. Большая часть отмеченных членами жюри недостатков характерна для всех начинающих переводчиков, а относительно высокое качество некоторых переводов определяется, скорее, личностными особенностями переводчиков, проще говоря, индивидуальными способностями к переводу. В целом же уровень качества прозвучавших переводов можно оценить как средний. Конечно, качество выступления на конкурсе устного перевода вряд ли можно расценивать как абсолютно объективный показатель, поскольку сама ситуация конкурса – это ситуация повышенной экстремальности (легко ли переводить, когда тебя слушают десятки людей, владеющих и языками, и профессией!?). Но в любом случае,

как отметил позднее М.А.Загот, проведение таких конкурсов крайне полезно, поскольку позволяет выявить характерные ошибки начинающих переводчиков уже на начальном этапе и в дальнейшем скорректировать сам процесс подготовки будущих переводческих кадров. Если же говорить конкретно о победителях, то ими стали:

- *устный перевод английского языка:*

1-е место: Екатерина Орехова, Липецкий филиал НГЛУ;

2-е место: Елена Зинчак, НГЛУ им. Н.А.Добролюбова;

Юлия Косенко, Марийский государственный университет;

3-е место: Анна Михеева, НГЛУ им. Н.А.Добролюбова;

Светлана Муреева, Марийский государственный университет;

- *устный перевод немецкого языка:*

1-е место: Екатерина Косыгина, НГЛУ им. Н.А.Добролюбова;

2-е место: Кристина Чарова, НГЛУ им. Н.А.Добролюбова;

3-е место: Алиса Тимирова, НГЛУ им. Н.А.Добролюбова;

- *устный перевод французского языка:*

1-е место: Анна Чернышова, НГЛУ им. Н.А.Добролюбова;

2-е место: Наталья Артамонова, НГЛУ им. Н.А.Добролюбова;

3-е место: Вера Крюкова, НГЛУ им. Н.А.Добролюбова.

Вторая половина дня была посвящена проведению деловой игры «Работа переводчика на конференции», в которой приняли участие студенты НГЛУ, Марийского госуниверситета и Удмуртского госуниверситета. В качестве организаторов деловой игры выступили доктор педагогических наук, зав. кафедрой теории и практики французского языка и перевода Елена Рафаэлевна Поршнева и доктор политологии, зав. кафедрой международных отношений и политологии Наталья Эдуардовна Гронская. Игра проводилась в форме имитации специальной сессии ООН, посвященной 20-летию падения Берлинской стены. На заседании звучали выступления комиссара Евросоюза по внешним связям, представителя Министерства культуры земли Берлин, представителя Совета по европейским делам Евросоюза, представителя Министерства культуры Франции. В роли участников сессии выступили носители соответствующих языков – преподаватели и стажеры Ирис Хоэнедер, Карен Витте (Австрия), Сильвен Лерувилуа, Катрин Пон (Франция). Участники заседания

имели возможность задать вопросы друг другу. Все выступления, вопросы и ответы переводились студентами – участниками деловой игры на соответствующие языки. Следует отметить высокий уровень, на котором осуществлялся перевод. Видимо, большая реалистичность ситуации (в отличие от конкурса устного перевода) способствовала большей включенности студентов в сам процесс перевода, в ход заседания, и позволила им более эффективно (и с меньшей нервозностью) использовать свои переводческие навыки.

Заключительный день конференции был посвящен научным сообщениям и дискуссии на темы переводоведения. Проблематика докладов была, как всегда, весьма широка и разнообразна: от проблем перевода художественных произведений – до проблем локализации и использования ИТ в переводческой деятельности. На конференции были затронуты как довольно новые темы (гендерные аспекты перевода), так и достаточно традиционные (передача особенностей разговорной речи в переводе, особенности перевода текстов разных типов и т.п.). Эта часть конференции проводилась в форме конкурса научных работ. Умудренные опытом и знаниями наставники, в число которых вошли представители всех вузов – участников конференции, выбрали лучшие студенческие доклады. Победителями конкурса научных работ стали:

Секция «Актуальные проблемы теории и практики перевода (английский язык)»:

1-е место: Наталия Чеснова, Липецкий филиал НГЛУ;

2-е место: Наталья Кузьменок, НГЛУ им. Н.А.Добролюбова;

3-е место: Екатерина Хильченко, Волгоградский государственный педагогический университет;

Секция «Актуальные проблемы теории и практики перевода (немецкий язык)»:

1-е место: Анастасия Константинова, НГЛУ им. Н.А.Добролюбова;

Артем Семенов, НГЛУ им. Н.А.Добролюбова;

2-е место: Ольга Королева, НГЛУ им. Н.А.Добролюбова;

3-е место: Екатерина Смычѣк, НГЛУ им. Н.А.Добролюбова;

Секция «Актуальные проблемы теории и практики перевода (французский язык)»:

1-е место: Марина Столярова, НГЛУ им. Н.А.Добролюбова;

2-е место: Анастасия Голубева, НГЛУ им. Н.А.Добролюбова;

3-е место: Дарья Романова, НГЛУ им. Н.А.Добролюбова;
Наталья Молчанова, Пермский государственный
технический университет;
Евгения Михайлова, Пермский государственный
технический университет.

В целом результаты конкурса научных работ свидетельствуют как о значительном расширении проблематики исследований в области перевода, ее максимальной приближенности к реальным потребностям экономики и культуры (что, собственно, и было подчеркнуто в самом названии конференции), так и о достаточно высоком уровне научных исследований, проводимых в вузах страны.

Несмотря на то, что программа конференции была довольно плотной, гости имели возможность совершить экскурсию по Нижнему Новгороду и познакомиться с его достопримечательностями.

Переводческий факультет НГЛУ им. Н.А.Добролюбова приглашает студентов вузов принять участие в очередном конкурсе устного перевода, который пройдет с 23 по 26 марта 2010 года. Заявки на участие можно присылать на адреса: perevod@lunn.ru, sdobnik@lunn.ru, zinovieva@lunn.ru.

*В.В. Сдобников,
Председатель Нижегородского
регионального отделения СПР*

Осенняя школа по страноведению США - 2009

В январе 2010 года Американский информационно-образовательный ресурсный центр НГЛУ отметит свое пятнадцатилетие. В рамках мероприятий, посвященных этому юбилею, 26-27 октября 2009 года на базе Нижегородского лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова Американский информационно-образовательный ресурсный центр, кафедра английского языка и американистики НГЛУ и выпускники обменных программ провели интенсивную «Осеннюю школу по страноведению США». Школа была организована при финансовой поддержке Программы Фулбрайта.

В мероприятии приняли участие свыше 60 учителей из разных (в том числе самых отдаленных) районов Нижегородской области. Главным принципом отбора участников была идея собрать преподавателей сельских школ Нижегородской области, до этого не имевших возможности участвовать в подобных проектах. В течение двух дней и молодые, и опытные учителя занимались с большим энтузиазмом.

Координаторы школы разработали насыщенную интерактивную программу, во время которой участники могли окунуться в мир межкультурной коммуникации, общаясь с носителями языка, участвуя в дискуссиях после тематических лекций, «проживая» практические занятия, проводимые с использованием активных методов обучения. За два дня работы школы учителя получили много новой лингвокультурной информации о современных американских ценностях, государственном устройстве и системе выборов в США; американской системе образования и академическом сотрудничестве между Россией и США; современном американском кино; традициях коренных жителей страны - американских индейцев; речевом этикете и особенностях невербального поведения американцев.

Для большинства участников школы лекции и мастерские стали своеобразным «открытием Америки» в прямом и переносном смысле, так как, помимо новизны содержания, они на практике познакомились с инновациями в методике преподавания

иностранного языка и культуры. В рамках Осенней школы прошли интерактивные лекционные и практические занятия; состоялись презентации образовательных программ для учителей английского языка, новых учебников, учебных комплексов, обучающих компьютерных и видеопрограмм. Преподаватели кафедры английского языка и американистики НГЛУ познакомили коллег из средней школы с новыми разработками в области обучения иностранному языку через культуру. Участники школы обсудили опыт использования новых информационных и педагогических технологий в аудиторной и самостоятельной работе при обучении английскому языку, получили комплект новых информационных и дидактических материалов по американистике и контактную информацию для дальнейшего сотрудничества.

По оценкам участников, Школа дала им заряд энергии, новых идей и готовности использовать новый опыт и знания, полученные в НГЛУ, в своей ежедневной практической работе.

Отзывы участников Осенней школы

Кузнецова Светлана Вячеславовна (Павловский район): *«Хочу отметить высокий уровень организации школы, дружелюбную атмосферу. Школа дала возможность поделиться профессиональными проблемами и погрузиться в культуру и язык страны. Очень понравилась методика проведения лекций и практических занятий. Хотелось бы, чтобы подобные школы организовывались чаще и, конечно, с удовольствием принимать в них участие».*

Яхнис Марина Анатольевна (Володарский район): *«Очень полезно! Понятно! Доступно! Приятное общение, доброе отношение, понимание; открыты глаза на многие вещи по-другому, вселилась уверенность «Я могу. Надо пробовать. Try and try!» Мы окунулись в атмосферу погружения в страну. Спасибо».*

Лабзина Ксения Петровна (Арзамас): *«Участвую в работе Осенней школы American Studies впервые (к сожалению) и, надеюсь, не в последний раз, т.к. это реальная возможность:*

1. Погрузиться в язык (и порадоваться тому, что все еще понимаешь его).
2. Получить новую информацию о США.
3. На практике поучиться методике преподавания английского языка (коммуникативной методике!)
4. Получить «творческий заряд» (уезжаю с желанием работать и получать от этого удовольствие!)

Спасибо за качество организации занятий, желание делиться опытом и знаниями, профессионализм и красивые индейские песни».

Ширяева Наталья Вячеславовна (Богородский район): *«Очень понравились занятия по группам, многое дают для повышения качества владения языком, есть очень интересные задания для организации учебной деятельности. Хотелось бы расширить познания в области методики преподавания, ознакомиться с современными технологиями, особенно «технологией развития критического мышления», т.к. теории можно найти достаточно, хотелось бы больше увидеть работу данной технологии на практике».*

Сорокина Татьяна Валентиновна (Большеболдинский район): *«Программа школы очень хорошо спланирована. Теоретическая часть обогащает новой информацией. Практикум способствует обмену опытом, новыми методами и технологиями преподавания английского языка. Получила огромное удовольствие от участия в осенней школе».*

*Л.М. Левина
М.С. Красильникова*

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

1. Подготовка рукописи к публикации

Рукопись должна быть представлена или послана по почте непосредственно ответственному редактору выпуска по адресу: vestnik.nglu@mail.ru. Авторы представляют один экземпляр рукописи в виде готового оригинал-макета статьи на одной стороне белой бумаги формата А4 и на электронном носителе в формате Word.

Статья должна быть подписана автором. На отдельном листе прилагаются сведения об авторе с указанием его звания, ученой степени, должности, места работы, почтового адреса, телефона и контактного адреса электронной почты, который затем будет опубликован в Вестнике.

В течение 10 дней после получения рукописи она направляется члену редколлегии для рецензирования. О результатах рецензирования автору сообщается по тем контактным адресам и телефонам, которые указаны в заявке. В течение месяца редколлегия принимает решение об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента.

За опубликование статей и других материалов аспирантов плата не взимается.

1.1. Структура статьи

Статья в обязательном порядке должна содержать:

- название статьи (прописными буквами полужирным шрифтом по центру),
- инициалы и фамилии авторов (строчными буквами полужирным шрифтом по центру),
- название вуза полностью и города (курсивом по центру),
- аннотацию на русском языке (не более 10 строк),
- ключевые слова (обычно 5-7) на русском языке,
- перевод названия статьи и фамилии автора на английский язык (строчными буквами полужирным шрифтом по центру),
- аннотацию на английском языке,
- ключевые слова на английском языке.

Основной текст статьи должен содержать:

- введение, где необходимо указание на имеющиеся результаты в данной области исследования и цели работы, направленные на достижение новых знаний;
- основную часть, которая в зависимости от рода работы может включать разделы (материалы и методы исследования, результаты и обсуждение и т.п. или другие, подобные им);
- заключение (выводы), в котором по мере возможности должны быть указаны новые результаты и их теоретическое или прикладное значение;
- библиографический список.

1.2. Текст статьи

Статья должна быть набрана на компьютере с полуторным интервалом между строками на одной стороне листа стандартного формата бумаги – А4 с полями 2,5 см с каждой стороны (не более 30 строк на одной странице и по 60 знаков в строке вместе с междусловными интервалами). Размер шрифта 14. Абзацный отступ – 1,25 см.

Интервал – 1,5. Все страницы рукописи с вложенными таблицами и рисунками должны быть пронумерованы (в счет страниц рукописи входят таблицы, рисунки, подписи к рисункам, список литературы).

Объем статьи – до 20000 знаков.

Аннотация статьи на русском и английском языках (не более 10 строк), ключевые слова (5-7) на русском и английском языках размещаются перед основным текстом. Текст аннотации должен содержать основные результаты проведенного исследования. Обязательно должен быть дан перевод имени и фамилии автора и названия статьи на английский язык.

1.3. Особенности набора знаков, цифр, формул

Следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами, а также четко различать О (букву) и 0 (цифру), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «и»). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX век).

Следует по возможности упрощать набор формул. Цифры, числа и дроби, математические символы, греческие буквы набираются **прямым** стандартным **шрифтом**. Математические знаки действий и соотношений отбивают от смежных символов.

1.4. Иллюстрации

Из иллюстраций в тексте статьи допускаются только четкие рисунки, графики и схемы. Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ, все надписи приводятся шрифтом одной величины. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться.

Фотографии к публикации не принимаются. Все иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте.

1.5. Таблицы

Таблицы должны использоваться исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

1.6. Библиографическое описание

Библиографические описания в библиографическом списке даются в порядке очередности цитирования в тексте. При этом в тексте после цитаты указывается номер цитированного источника в квадратных скобках, а номер страницы указывается в библиографическом описании. При ссылке на работу без цитирования в библиографическом описании указывается общее количество страниц.

При оформлении библиографического списка следует руководствоваться Правилами библиографического оформления всех видов печатных изданий (подробнее см.: <http://www.bookchamber.ru/gost.htm>):

– книги одного автора:

Азнаурова, Э. С. Прагматика художественного слова / Э. С. Азнаурова. – Ташкент: ФАН, 1988. – 119 с.

– книги двух авторов:

Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

– книги трех авторов:

Домашнев, А. И. Интерпретация художественного текста / А. И. Домашнев, И. П. Шишкина, Е. А. Гончарова. – М.: Просвещение, 1983. – 192 с.

– книги, описанные под заглавием:

Антология русской риторики: учеб. пособие / отв.ред. и сост. М. И. Панов. – М.: Университетский гуманитарный лицей, 1997. – 479 с.

– журнальная статья:

Баранов, А. И. Постулаты когнитивной семантики / А. И. Баранов, Д. О. Добровольский // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 1997. – Т. 56. – №1. – С. 11-21.

– статья в сборнике:

Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин // НЗЛ. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-129.

– материалы конференций:

Петров, К. Е. К вопросу об оценочном переосмыслении прагмем / К. Е. Петров // Язык. Культура. Деятельность: Восток-Запад. Тезисы докладов Межд. научной конференции. – Набережные Челны: Институт Управления, 1996. – С.159-160.

– диссертации, авторефераты:

Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 1998. – 41 с.

– словари и справочная литература:

Лингвистический энциклопедический словарь / гл.ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

– электронные ресурсы:

Иванов, В. И. Язык, текст, речь / В. И. Иванов // Электронный ресурс Интернет: www.textum.ru/article/ivanov_lang/=9876.html

Допускаются только общепринятые сокращения. Указание в списке всех цитируемых работ обязательно. Библиографический список печатается на отдельной странице.

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 8

Лингвистика и межкультурная коммуникация

Редакторы: Л.П. Шахрова
Н.И. Морозова

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 19.11.2009

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 11,8

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ

Типография НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а